

№5
Май 2014

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С Днем
Победы!

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽¹⁰³⁾
Май 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ СВЕТЛЫМ
НИНА ШАДУРИ
- 9 ИЗ «ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ»
МИХАИЛ ТУМАНИШВИЛИ
- 12 МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВОЕННОЙ ШИНЕЛИ
НИНА ШАДУРИ
- 16 ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 19 ТИХИЙ ПОДВИГ
ИЗАБЕЛЛА МОНИНА
- 20 ЗАМЕТИЛ И НА БОРЬБУ БЛАГОСЛОВИЛ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 НА СЦЕНЕ СТАМБУЛА
- 30 ЖИЗНЬЮ ПРАВЯТ СЛУЧАЙНОСТИ?
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 32 АКТЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ АСКЕТОМ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 ОН И В ПРОЗЕ ОСТАЛСЯ ПОЭТОМ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 38 НИСЛАУРИ
ТАМАЗ БИБИЛУРИ
- 41 ТРУЖЕНИК СЦЕНЫ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 44 О БЕДНОМ ПОЭТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО
ЕФИМ КУРГАНОВ
- 49 «ПОД СВЯТЫМ И МУДРЫМ БОЖЬИМ ОКОМ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 52 ВЫСТАВКА ЭКСЛИБРИСОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РЕНЭ ШМЕРЛИНГ
МАРИАМ ГАЧЕЧИЛАДЗЕ

На обложке – С ДНЕМ ПОБЕДЫ!
Фото – Александр СВАТИКОВ

ОТ ДО

КАК ОСНОВАЛИ СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Великая Екатерина II старалась не столько лично во всем разбираться, сколько найти дельного человека. На языке современного менеджмента это называется – делегированием полномочий. Ее окружали очень талантливые люди, которые от ее имени вершили великие дела – воевали, строили, продвигали науки, просвещали... 5 мая 1764 года в Петербурге по указу Екатерины II был основан знаменитый Смольный – институт благородных девиц. Его создал секретарь императрицы И.Бецкой – незаконный сын князя Трубецкого и шведской графини, родившийся в Стокгольме, где долгие годы находился в почетном плену его отец. Юноша знал чужую жизнь, был хорошо образован и увлекался учением великих французских просветителей. Матушка Государыня приблизила его к себе и, обратив внимание на его педагогические таланты, пору-

«смолянками» - нежными и чувствительными довольно едко подшучивали:

«Иван Иванович Бецкой
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур».

САЛЮТ ПОКОРИТЕЛЮ ЭВЕРЕСТА

Знаменитый покоритель Эвереста Тенсинг Норгей родился 15 мая 1914 года в горном селе Кхумбу, где проживали представители высокогорного гималайского народа шерпов. Эти исключительно выносливые, надежные и порядочные люди уже больше сотни лет сопровождают альпинистские экспедиции в Гималаи и Каракорум в качестве высотных носильщиков. Дело в том, что в этих запредельно высоких горах невозможна обычная тактика горвосхождения – когда альпинисты просто идут вверх с поклажей за плечами, ночуя там, где их застанет ночь. В Гималаях по пути к вершине строят промежуточные лагеря, куда сначала надо доставить палатки, снаряжение, еду и кислород. А на это уходят силы и драгоценное время. Для организации такого сложного и долгого пути служат высокогорные носильщики. Они – настоящие ангелы хранители, которые и помогут, и поднимут на нужную высоту тяжелый груз, и спасут того, кто ранен или заболел – на такой высоте даже обычная простуда смертельно опасна. Но по существующей традиции, если носильщик-шерпа поднялся на высоту восьми километров, он имеет право подняться на вершину, как горвосходитель-спортсмен. И вот однажды в далеком 1953 году по этому праву на высочайшую вершину мира ступил руководитель отряда носильщиков-шерпов – известный с 30-х годов легендарный гималайский альпинист Тенсинг Норгей. Он поднялся в связке с новозеландцем сэром Эдмундом Хиллари. Весь мир признал в них

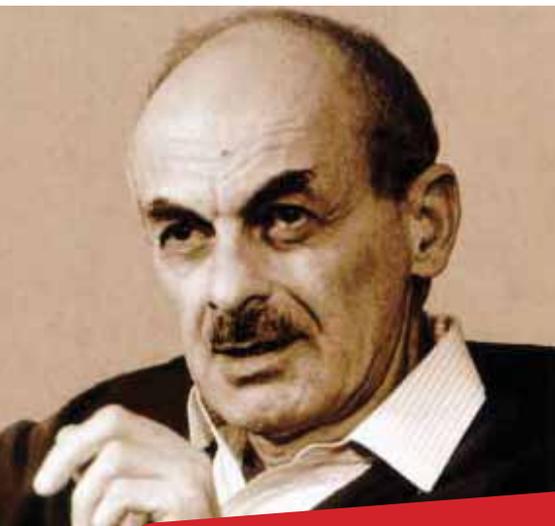
великих героев-первовосходителей. А для своего народа Тенсинг стал чуть ли не божеством. Он оказался очень благодарным человеком, направив на пользу своим соотечественникам и свои средства и свои силы – он вместе с Хиллари строил больницы и школы. Но сам в горы больше не ходил, считая что боги это уже не одобряют, как нескромность и гордыню.

ЗАВЕЩАНИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Великого русского святого Сергия Радонежского в церковном календаре почитают дважды – в день «обретения мощей» по новому стилю 18 июля и «преставление» 8 октября. Но в этом году отмечается еще и день его рождения – 3 мая ему исполнилось бы 700 лет. Несмотря на то, что он не был близок с сильными мира сего тех времен, часто с ними конфликтовал и критиковал, его роль в русском обществе была необычайной. Выходец из боярской среды под именем Варфоломей, он оставил сытое житье в богатой отцовской усадьбе и переселился в пустошь, стремясь к «строжайшему монашеству». Им был основан знаменитый монастырь в радонежском лесу, куда стекались как монахи, так и миряне – за советом, исцелением и утешением – ведь тогда были времена смутные. И никто не уходил от него без поддержки. Даже князь московский – знаменитый Дмитрий Донской, тогда еще не бывший ему другом, перед Куликовской битвой пришел к Сергию за напутствием и благословением. Старец не только благословил его войско, но и послал с ним своих монахов-воителей Пересвета и Ослябю. Он, убежденный, что будущее Руси в единстве, и в дальнейшем часто примирял враждующих между собой князей, уговаривая их подчиняться великому князю московскому. Мало было в истории государства российского столь авторитетных церковных деятелей. «Внимайте себе, братие. Прежде имейте страх Божий, чистоту душевную и любовь нелицемерную...» - это были слова его завещания, бережно донесенные до нас его последователями.

чила создать школу для девочек-сирот дворянского происхождения. Но учились там и вполне благополучные барышни... Так в русском обществе появились знаменитые «смолянки» – хорошо образованные, прекрасно воспитанные, знающие языки и рукоделие, а также умеющие управлять домашним хозяйством невесты и будущие матери знаменитых русских благородных семейств. Хотя над

СЛОВА И СЛАВА БУЛАТА

Сам Булат Окуджава считал, что ему повезло с днем рождения – он появился на свет 9 мая в День Победы. Победы в войне, которую прошел, как солдат, о которой он написал пронзительные песни и правдивую прозу. И на которой он выжил, обрел силы и волю к жизни, что ему пригодилось в его очень непростой и полной тревог жизни. Родившийся на Арбате, этот выходец из семьи молодых кавказских партийных функционеров, Окуджава впитал в себя не только атмосферу суеты центральных пыльных московских улиц, переулков и дворики, но и жаркого южного тифлисского полудня, крикливых базаров и вечерней прохлады с кавказских гор. Дитя двух народов, двух культур, он оказался нужным своему времени. Окуджава сумел найти нужные слова для людей, сумел обратиться не ко всем, но к каждому. Его негромкий голос был услышан и его современниками, через хрипящие динамики старинных ленточных магнитофонов, и их потомками. Хотя, современные слушатели и не всегда знают, кто написал слова многих и многих песен, которые они слышат в популярных кинофильмах. Но главное, что его песни не устарели, а живут. И, уже можно с уверенностью сказать, будут жить в будущие времена, подобно старинным балладам...

МАРГАРИТКА ЛЕОНА ГАМОНА

Когда на экране кинотеатра появляется стилизованное изображение маргаритки, зрители понимают, что они увидят французское кино, подобно тому, как рыкающий лев – это очередной голливудский блокбастер. Логотипы в современном

мире – это не просто обозначение неких фирм, но и знак какого-то культурного кода. И чем дольше мелькает логотип, тем больше доверия людей к тому, что он обозначает. Французской маргаритке уже почти 120 лет. Создатель самого старого кинологотипа Леон Гамон ее выбрал в честь своей матери, которую звали Маргарита. А начинал свое дело этот молодой парижанин еще в предпоследнее десятилетие позапрошлого века. Конечно же, ни о каком кино в те времена еще никто не слышал. Леон работал в оптической фирме и выпускал микроскопы, астрономические приборы, топографические и землемерные инструменты. А когда хозяин его фирмы устал от дел и предложил Леону выкупить свой пай, у молодого человека нашлось немало друзей, которые скинулись и помогли ему обрести независимость – это были инженер Густав Эйфель, астроном Жозеф Валло и многие другие. Компания специализировалась на продаже фотоматериалов и оборудования. Это был отличный старт для создания компании по производству фильмов. Она одной из первых начала выпускать кинокамеры и кинопроекторы, ведь Гамон достаточно давно следил за успехами братьев Люмьер и американца Томаса Эдисона в создании кинематографа. А потом пришло и время самому братья за кинопроцесс. Он устроил первую киностудию прямо в парижском парке Бют-Шомон – там был довольно большой ангар, а натурой первых игровых фильмов стали дорожки и аллеи вокруг... А

дальше была вся блестящая история французского кинематографа со всеми его взлетами и падениями. И без кинофирмы Гамон с маргариткой на логотипе ее невозможно себе представить. В старости Леон Гамон наверное ощущал себя счастливым человеком – его дело процветало и расширялось. Оно благополучно живет и поныне.

СДЕЛАЙ ЛУЧШЕ – И У ТЕБЯ КУПЯТ!

Ровно 110 лет назад – 3 мая 1904 года знаменитым американским изобретателем Джорджем Паркером была запатентована автоматическая пишущая ручка, положив начало всемирной паркеромании. На самом же деле, ничего революционного в области перьевых пишущих средств по большому счету не произошло. Просто именно в этот период очень успешный бизнесмен по фамилии Паркер, уже полтора-два десятилетия работавший над разработкой авторучек и выпускавший их, совершал всемирное рекламное турне, в рамках которого и представил свою

новинку – первую письменную ручку с механической системой набора чернил. Опровергая известную легенду, следует сказать, что Паркер вовсе не был первооткрывателем – перья с небольшим резервуаром для чернил были известны еще чуть ли не с античных времен. Да и обычные гусиные перья повсеместно использовали именно потому, что там помещалось немало чернил, чтобы постоянно не макать их в чернильницу. Сам Паркер рассказывал, что когда ему было 17 лет и он учился в школе телеграфистов, то подрабатывал продажей перьевых ручек. Его клиентами были студенты и конторские клерки, и они без конца жаловались на его товар – ломаются, скребют бумагу, пачкают пальцы и т.д. Юный Джордж, как человек честный и добросовестный, брался за бесплатный ремонт, чтобы не обижать людей и не терять клиентов. А потом ему надоело и он изобрел свою ручку, которая сразу всем понравилась. В дальнейшем он все изобретал, улучшал и совершенствовал еще и еще, пока не основал дело, благополучно существующее и по сей день. Современная «фирма Паркер» уже давно продает не столько «вечные перья», сколько имидж и аксессуар определенного и солидного «образа жизни». Но по-прежнему следует заповеди своего основателя: «Сделай лучше – и у тебя купят!»

Роб АВАДЯЕВ

▲ Лела Гуледани

ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ С ВЕТЛИМ

Беженцы. К несчастью, это слово давно и прочно вошло в наш обиход. У любого из нас в окружении есть беженец – друг, коллега, сосед или знакомый. И, пожалуй, мы почти перестали вспоминать, каким страшным содержанием – реальным, живым, человеческим – наполнено это слово.

По меньшей мере двое коллег автора этих строк внесли на себе ужасы грузино-абхазской войны. А теперь являются заложниками ее последствий. Администратор Тбилисского русского драматического театра им. Грибоедова Георгий Иналишвили и заведующая бутафорным цехом театра Мзевинар Джгаркава знают не понаслышке, что значит бросить отчий дом, бежать с родины и остаться без ничего – не только без своего угла, но и без единой личной вещи. Невозможно перестать быть беженцем, как бы ты этого не хотел – это судьба, которая всегда с тобой.

Когда началась война, Георгий Иналишвили учился в Москве, а его близкие находились на родине, в Абхазии. После падения Сухуми все Иналишвили – представители древнейшего абхазского княжеского рода Инал-Ипа – были вынуждены бежать. Конечно, сам Георгий немедленно прервал учебу и вернулся в Грузию, к семье. О возвращении на родину не могло быть и речи, и Иналишвили осели в Тбилиси. Поначалу жили у родственника, но тому пришлось продать квартиру, и они остались на улице – в прямом смысле этого слова. Мыкались по знакомым, которые давали пожить у себя месяц-другой. Порой снимали угол. Переживаний и скитаний не выдержал отец – Георгий похоронил его несколько лет назад. Пожилая мама болеет, живет в семье сына. Есть и светлая сторона в этой истории – Георгий счастливо женился, у него родился сын. Но молодой семье приходится туго, жена Мари тоже беженка, и ей тоже негде жить. Оба работают, но вся зарплата уходит на то, чтобы заплатить за съемное жилье, накормить ребенка и купить лекарства маме Георгия и родителям Мари. «Мы как цыгане, - с горечью говорит Георгий. - У нас вообще нет никакой собственности. Никому такого не пожелаю. Единственная

помощь от государства, которую я получаю, - это пособие. Раньше давали 26 лари в месяц, теперь – 45. Но до каких пор я буду оставаться на улице с ребенком, женой и больной мамой-пенсионеркой?»

Мзевинар, или, как все ее называют, Мзия, Джгаркава родилась в Абхазии. Окончила Тбилисское художественное училище им. М.Тоидзе, работала декоратором в Сухумском драматическом театре им. К.Гамсахурдиа. 19 сентября 1993 года в три часа ночи на дом, где она жила, упала бомба. Мзия очунулась в больнице – потерявшей слух, с осколочными ранениями по всему телу и тяжелой контузией. Через неделю Сухуми пал, в город вошли наемники, и начался ужас. Врачи Гульрипшской больницы, куда перебросили Мзию, разбежались. Пошли разговоры, что уходит последний корабль. Мзия – босая, в окровавленных повязках – вместе с другими ходячими больными поспешила на пристань. Не успели. «Один абхаз, Джемалом его звали, до сих пор помню, нас предупредил – прячьтесь, чтоб вас не было видно, мы не можем контролировать наемников, - рассказывает Мзия. - Слово «грузин» в те дни означало «смертник». Мы прятались в развалинах дома отдыха. Ничего не ели. Пили воду. Если попадался кусок хлеба, это был праздник. Нас спас Международный Красный крест – оказали медицинскую помощь, довели нас до границы. Из автобусов выпустили, когда стемнело. Вооруженные пацаны на границе приказали: - Убирайтесь отсюда, кто оглянется – расстреляем. И мы пошли по мосту. Потом нас отвезли в Зугдиди, накормили, дали переночевать в театре. А на второй день сказали: - Дальше – сами. Идите, кто куда хочет. Я знала, куда мне надо добираться – у нас были родственники в Зугдидском районе, и я понимала, что близкие скорее всего находятся там. Так и вышло. Оказалось, что они получили известие о моей гибели и давно меня оплакали. Представляете, что с ними стало, когда они увидели меня живой?»

В 1994 году Мзия с родственниками поселились в Цхети. С 1998 года она работает в театре имени Грибоедова. «Я всегда в театре – здесь мой дом, здесь мои

друзья. Когда не стало мамы, мне помог именно театр – я никогда этого не забуду. Другого дома у меня нет. Цхнетская комната, в которой нас сейчас семеро, оформлена на моего брата. Меня прописали автоматически, и я там никто, бесправный нахлебник. В ответ на мои обращения мне официально ответили, что я прописана в приватизированной комнате и мне ничего не полагается. От государства я никогда ничего не получала, кроме пособия. Никого не интересуют ни мои ранения и контузия, ни то, что у меня нет жилья. От волнений у меня начались проблемы с сердцем, скачет давление, болит голова. Во время ранения я получила перелом носа и сейчас мне трудно дышать, нужна операция... В Абхазию я могу вернуться только в статусе гостя. А я таким образом ехать на родину не хочу. Не хочу быть гостем в собственном доме».

Обо всем рассказанном я и думала, когда шла на встречу с Лелой Гуледани, министром по вопросам гражданского согласия и урегулирования конфликта Абхазии. Это самое молодое министерство страны – оно начало функционировать 17 января этого года. Каковы задачи и цели новой структуры, реальные шаги на пути примирения, как решается судьба вынужденно перемещенных лиц – на эти и другие вопросы Л. Гуледани ответила «Русскому клубу».

- *Калбатано Лела, вы сама беженка, долгое время занимались непосредственно проблемами беженцев и знаете обо всем не со стороны.*

- Да, это так. Я родилась и выросла в Сухуми. Закончивала школу, когда моей семье пришлось оставить Абхазию. Всю эту трагедию и боль моя семья испытала на себе. Когда мы приехали в Тбилиси, погиб мой брат. Это произошло 27 сентября – в день падения Сухуми. Мой отец не перенес горя и скончался. Гибель сына он связывал именно с трагической для Абхазии датой и часто повторял, что если бы не было войны, мы не оказались бы в Тбилиси, и сын остался бы жив... Вот так я потеряла моих самых любимых людей...

- *Что вы помните о той войне?*

- Когда началась война, я училась в Поты. Приехала в Сухуми незадолго до его падения. Помню, как началось вторжение в Сухуми, как в аэропорту на моих глазах взорвали самолет. Ни на корабль, ни на самолет мы не попали. И пошли пешком через Сванетию. Нам повезло – мы успели до того, как в горах выпал снег.

- *О том, чтобы остаться, не было и речи?*

- Отец не боялся, а мама была в панике. Нашу семью не тронули бы... Но все равно было страшно – в город вошли неприятели, начался разбой и хаос. Тяжелые воспоминания...

- *Ваш отец, Элгуджа Гуледани, был известным и уважаемым человеком.*

- Его даже называли святым – за необыкновенный гуманизм. Он был миротворец, большой патриот и всегда говорил, что это была искусственная война. Отец преподавал философию в Сухумском университете, был любимейшим для студентов лектор. Его знали как замечательного тамаду, прекрасного шахматиста. Сама я экономист, окончила Сухумский университет, но продолжаю учиться и сейчас – в докторантуре по международному бизнесу в Тбилисском государственном университете. Возможно, в моем случае сыграли роль отцовские гены, я заинтересовалась политикой и включилась в это дело семь лет назад. Мне захотелось что-то изменить в лучшую сторону. Начала с защиты прав беженцев. Много выступала по телевидению, постоянно общалась с беженцами, раздавала номера своих телефонов и всегда откликалась на любую просьбу о помощи. Сделать удалось многое, потому что я никогда не обещаю того, чего не могу, и делаю только то, что могу.

- *В чем вы видите главные проблемы вынужденно переселенных лиц?*

- Основная проблема беженцев – это отсутствие у них необходимой информации. Зачастую они не знают, к кому именно обратиться по интересующему вопросу, как составить заявление... Большое значение имеет консолидация самих беженцев. Если они объединяются вокруг своих общих интересов, не отвлекаясь на отдельные частные проблемы, то вопросы решаются легче. Еще раз убеждаюсь в том, что сила в единстве. Очень важно, чтобы беженец был компетентным, уверенным в себе и мог говорить о своих проблемах с точки зрения права. Вообще, когда он знает свои права, то говорит иначе. За эти годы я занималась огромным количеством вопросов. Это стало моим призванием – быть там, где-то кому-то плохо, разобраться и помочь. Мне и сейчас звонят с просьбами о помощи.

- *То есть звонят лично министру?*

- Я ни на день не прерываю контактов с беженцами. Я пришла на эту должность из гражданского сектора и считаю себя обязанной помогать, несмотря на то, что наше министерство занимается вопросами урегулирования конфликта, а не социальными проблемами беженцев.

- *Я думаю, что вы занимаетесь одним из самых важных вопросов в нашей стране, поскольку урегулирование грузино-абхазского конфликта касается всех. Какие задачи ваше министерство считает первоочередными?*

- В первую очередь хочу подчеркнуть, что структуры, подобной министерству по вопросам гражданского согласия и урегулированию конфликта, в Абхазии никогда не было. Она создана впервые. Основной акцент мы делаем на народную дипломатию, участие в нашей работе гражданского сектора, представителей общественных организаций, самих беженцев. Все они должны быть включены в процесс восстановления доверия. Если раньше мы избегали прямых контактов с де-факто властями Абхазии, то сейчас ставим своей целью пойти с ними на прямой диалог. Это очень сложно, и мы все занимаемся решением этой задачи.

- *Как это реализовать на практике?*

- Мы разослали официальные письма – членам парламента Абхазии, министрам, членам правительства.

- *О чем написали, если не секрет?*

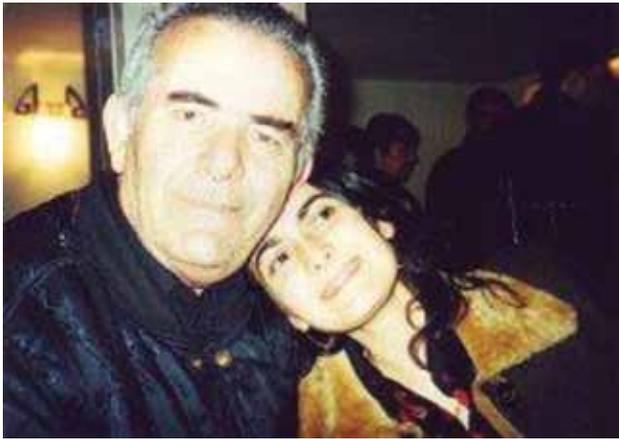
- Не секрет. Это информационные письма, в которых я представляюсь сама и представляю нашу структуру. Я пишу о том, чем сейчас занимаюсь. Для меня принципиально, чтобы наша деятельность была открыта и прозрачна. Понимаете, потребность в прямом диалоге с абхазами не нами придумана – она идет от людей. И этот диалог должен идти не только через структуры образования и здравоохранения, но в первую очередь непосредственно через самих людей.

- *А у абхазов есть потребность в таком диалоге?*

- Мы изучаем ситуацию. Есть люди, настроенные отрицательно, но есть и те, кто настроен позитивно. Мы

▼ Мама Лелы Гуледани Тамара с внуками

▲ С отцом Элгуджей Гуледани

стремимся к сотрудничеству с теми, кто расположен благожелательно. Нам предстоит большая информационная работа. Необходимо разрушить образ врага. Разговор о том, что мы намерены делать, не должен быть односторонним. Если мы не будем разговаривать, то термин «гражданское согласие» теряет свое значение. Очень важно, чтобы разговор был уважительным. Если я отправляю письма де-факто властям и уважаю выбор, который сделали сами абхазы и все те, кто остался в Абхазии, то, в свою очередь, и они должны уважать выбор тех, кто был вынужден бежать. Сейчас мы находимся в процессе формирования нашей стратегии. Но цель определена – восстановить доверие, и это главное.

- Вы и вправду верите, что это возможно?

- Иначе я бы здесь не работала. Надо верить. Если мы не поверим, то ничего не получится. Диалог, скорее всего, не сложится скоро. Но добрососедские отношения должны восстановиться. Прошло время, люди уже простили друг друга, агрессии нет, поверьте. Я хочу убедить абхазов, что им необходимо идти на контакт с нами, беженцами. Кто, если не мы, поймет эту боль, эти проблемы? Государственную политику в вопросе урегулирования конфликта должны решать в первую очередь сами беженцы. Министр по вопросам примирения и гражданского равноправия Паата Закареишвили разрабатывает новую стратегию. Сегодня наше правительство смотрит иначе на правительство Абхазии. Раньше было полное игнорирование, сейчас ставятся вопросы сотрудничества. И если мы будем включены в этот процесс, то это будет другой разговор, другой уровень. Именно мы можем быть идеальными посредниками в диалоге между центральным правительством и правительством де-факто.

- Какая задача представляется вам самой сложной?

- Установление диалога с де-факто властями не кажется мне настолько сложным, насколько сложно объединить сотрудников в стремлении к достижению единой цели и консолидировать самих беженцев. Социальные проблемы очень мешают делу. Они вынуждают беженцев сосредотачиваться на прошлых проблемах и не стремиться к высшей цели. Очень сложно сместить акценты.

- Если у человека нет жилья, он в первую очередь будет думать именно об этом, а не о восстановлении доверия.

- К сожалению. Мне сложно говорить об этом с беженцами – они не совсем готовы слушать. Когда я встречаюсь с ними, то сталкиваюсь с такими сложными социальными проблемами, что мне даже неудобно говорить о чем-то другом. Но я всегда говорю, что в позитивном мышлении заключена очень большая сила. Главное – представить себе позитивную картину. Это приносит успех, в этом залог счастья – видеть будущее светлым.

- Мне кажется, вам надо больше себя популяризировать.

- Да, нам пока не хватает известности. И мы планирует соответствующие кампании после выборов.

- Вы открыты для любого сотрудничества, это ясно. Кто для вас самый желанный партнер?

- Думаю, что нам нужны все – и центральная власть, и гражданский сектор. Для всех найдется дело. Многого уже получается. Нужно время, терпение и терпимость. В восстановлении доверия имеет значение все – и слово, и жест, и даже то, что ты думаешь. Мысль, слово и поступок должны быть в естественной связи. То, что ты сказал, обязан сделать. А говорить должен то, что на самом деле думаешь.

- Каким вы видите будущее наших взаимоотношений с Россией?

- Я уверена, что необходимо восстановление доверия с Россией. В нашей стратегии мы затронем и этот вопрос. Люди чувствуют необходимость грузино-российского диалога. Об этом ясно говорит и власть. Никто нам не запрещает стремиться найти общий язык с Россией. Но встречи только Абашидзе и Карасина не решают вопрос. Я уверена, что нужен дополнительный формат общения. Беженцы из Абхазии живут не только в Грузии, но и в России. И у нас отличные контакты с ними. Мы должны использовать этот ресурс, чтобы правильно выстроить стратегию по урегулированию конфликта. Пусть первый шаг будет гуманитарным. С этого и начинается диалог. И наше участие в этом просто необходимо.

- В таком случае я приглашаю вас к участию в проектах «Русского клуба». Потому что мы, по сути, тоже занимаемся урегулированием конфликтов, но, в отличие от вашего министерства, не политическими, а исключительно гуманитарными методами – через культуру. С 25 июня по 4 июля «Русский клуб» при поддержке Фонда КАРТУ проводит Международный поэтический фестиваль «Цицартели. Юность поэзии». Его участниками станут юные поэты из всех уголков Грузии, а также России, Армении, Азербайджана, Украины, Беларуси, Эстонии, Польши. Мы ждем участников из Абхазии и Осетии. Приглашаем вас на наш фестиваль в качестве почетного гостя – мы с вами делаем общее дело.

- Спасибо, с удовольствием включимся.

- Калбатано Лела, вы знаете о том положении, в котором находятся сотрудники Грибоедовского театра Георгий Иналишвили и Мзевинар Джгаркава. Я понимаю, что социальные проблемы не входят в компетенцию вашего министерства, но вы лично знаете об этом все. Что вы им посоветуете?

- Мзевинар полагается площадь. Их семеро в одной комнате, значит, по закону им положена большая жилая площадь. Необходимо заполнить анкету в Департаменте по делам беженцев и стать на очередь. Кстати, это тот самый случай, когда беженцы недостаточно информированы. Я готова лично помочь разобраться в этом вопросе. Молодой семье Георгия необходимо набраться терпения – вынужденно перемещенные лица разделены на категории по тяжести бытовых условий, в которых им приходится жить. Приоритет в получении жилья – у социально нуждающихся, незащищенных, живущих в ужасных условиях, инвалидов, ветеранов. Остальным придется подождать. Всего по Грузии жилье ожидают 60 тысяч семей – это очень, очень много. Для расселения беженцев из бюджета выделены скудные средства, и многое зависит от донорских организаций – Евросоюза, Всемирного банка... Квартыры будут не скоро. Чтобы удовлетворить всех беженцев, необходима сумма, которая составляет половину бюджета страны – 4 миллиарда лари. Это огромные деньги.

- Я благодарю вас, желаю вашему министерству успешной работы и надеюсь, что наступит день, когда в Грузии необходимости в министерстве по урегулированию конфликтов не будет.

Нина ШАДУРИ

ИЗ «ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ»

22 июня 1941 года

Западная граница. Село Пархачи. Где-то возле Перемышля. С утра началась война. Проснулись от бомбежки, где-то у границы. Три германских самолета обстреляли лагерь. Черные кресты на крыльях. Сейчас развернулись, лежим, ждем. Совсем близко, слышен оружейный огонь. Началась война. Бедная моя мама!

23 июня

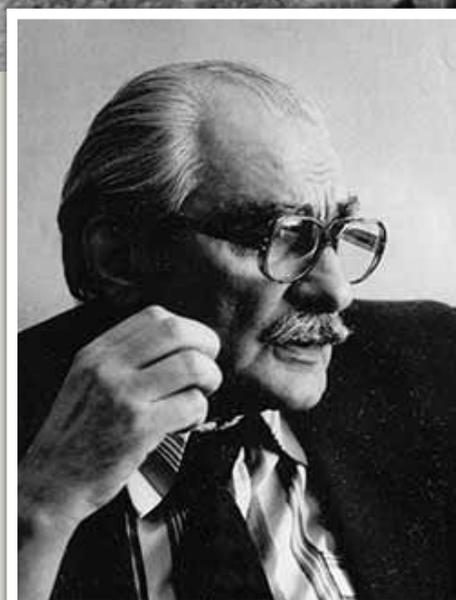
Вчера был жаркий, страшный бой. Первый бой в моей жизни. Никакого волнения не чувствовал, только кровь прилила к голове, и очень хотелось пить. В одном месте, во время перебежки, лег прямо в лужу и напился болотной воды. Если бы мама видела это!

Кругом лежат трупы с продырявленными головами, из которых густой сероватой массой вытекали мозги. Со страшным карканьем над всем этим летают стаи ворон. Их пронзительные крики мешают разобраться в полетах пуль. Много осколков падают возле меня. Я еще сильнее прижимаюсь к земле и закрываю лицо руками. Немец в метрах 100-150 от нас.

Ночью, под прикрытием темноты, мы отступили на несколько километров и глубоко окопались. Нуждаемся в подкреплении. Господи, спаси нас!

12 июля

А может быть, тринадцатое, может быть и одиннадцатое июля, кто знает? Прошло много дней, очень много событий. Всего не напишешь, не хотелось, и вспомина-

▲ Михаил Туманишвили

ешь только кусочками. Война. Мы шли от самой границы позорным шествием, каждый день, отступая неизвестно куда. Шли, а сзади по ногам рвались снаряды, трещали автоматы и выли самолеты. Несколько раз занимали глубокую оборону, в надежде, что дальше не пустим немца, но и в таких случаях, после сильных боев, нам все же приходилось отступать. Да и понятно, у нас нет техники, вооружения, а враг вооружен до зубов. Два раза попадали в кольцо к немцам, а только ценою больших потерь уходили из-под носа. Шли в одном направлении, но не дойдя до пункта назначения, сворачивали в сторону, т.к. в этих городах уже оказывался противник. Так прошли Львов, Тернополь, Старо-Константиновку и много других городов. Черные кресты на желтом фоне везде настигали нас. По всем дорогам шли разрозненные части красноармейцев. Прошли всю Западную Украину. Надеялись, что остановимся на своей старой границе, но ничего подобного не произошло. Красноармейцы так устали, что отказывались отступать. Пусть лучше бесконечный бой, чем это позорное отступление.

Но немец наступал и теснил нас все дальше и дальше. Один день людей становилось больше, а на другой – меньше, потом опять прибавлялось. Иногда в полку было 10-12 человек. Многих расстреляли, многие погибли. Шли голодные, ужасно голодные. Я до сих пор не могу понять, откуда у меня хватало нахальства, проходя мимо деревень, просить хлеба. И я просил, и многие давали хлеба, молока, яиц. Население сочувствовало нам. Каждый двигался, как мог. Иногда шли пешком, иногда передвигались на танке или лошадах.

24 июля

Хочется кушать. Даже бой и смерть не так страшны, как голод. А где сейчас Миша Шубашукели? Жив он или убит? Когда мы оба уходили с нашего двора в армию, его старший брат Ваню пожелал нам счастливого возвращения. Возвратимся ли мы? Где он сейчас, Миша Шубашукели?

Вечер 4 августа

Только что самолеты противника бомбили наши позиции. Немецкой техники становится все больше и больше. Их много, а нас горсточка, у них техника, а у нас одни винтовки. Они наступают, а у нас лишь слухи об обороне. Но все это, видимо, очень далеко, и вряд ли кто-нибудь из нас увидит эту сказочную линию обороны.

Что такое, почему это так? Никто не может дать ответа. Люди устали отступать, люди устали быть в постоянном волнении за судьбу государства. Ведь мы оставляем немцам города, богатые поля, хлеба. По дорогам стоят наши танки, горят наши самолеты. Несколько дней назад мы находились в 17 километрах от Умани. Были на станции. Я зашел в большой склад муки и сахара. И так вдруг стало обидно, что все эти прекрасно оборудованные сооружения нужно взрывать, уничтожать, предавать огню. Позвали население и приказали, как можно быстрее и как можно больше растаскать по домам продукты. Люди плакали. А что нам делать, как спасти всех?

8 августа

Я на территории, занятой немцами. Пишу, все как было. Шестое августа страшное число в моей жизни. И если когда-нибудь после войны я случайно вернусь домой, то часто буду вспоминать этот страшный день.

С госпиталя добрался до здания школы. Надеялся найти Дато Джандиери, но его нигде не было видно. Переполз мост и вышел за деревню. Залез в трубу под дорогой и ждал наступления ночи. По мосту бежали отдельные группы запуганных, загнанных людей. Немец гонял их с места на место, поливая со всех сторон автоматным огнем.

Ночь наступила не скоро. Наконец, засветила луна. Но мне нужна была темнота, и я ждал. По мосту пробежали какие-то люди с криками «Ура!» Это – свои. С трудом, преодолевая боль в ноге, прыгаю за ними. Стараюсь не отставать. С людьми все же легче. И вдруг, откуда-то из темноты, крики: «Русс, русс...!» и ужасающий, трассирующий огненный дождь. Крики, бег, топот, стоны и вопли. Разноцветные ракеты ежесекундно с яростным шипением взвиваются кругом. Бросился вправо, там меньше людей. Так началось мое ночное путешествие.

Я полз, прыгал на своей доске, прижавшись к земле, лежал во ржи, снова полз, оглядываясь по сторонам. А кругом – немцы, машины, мотоциклы. В одном месте мотоциклист подъехал ко мне на расстоянии двух ме-

тров. Я забился в ров и затаил дыхание. Немец остановился, вынул сигарету, долго щелкал зажигалкой, выругался, так и не закурив, поехал дальше. Это было очень страшно.

К утру я отполз довольно далеко к оврагу. Выстрелы были уже за моей спиной, и мне казалось, что я прошел кольцо. Лощина густо заросла ивняком. Здесь было тихо и спокойно. Сюда, как мне казалось, не заходила война. Здесь, возле ручья, я решил провести день, чтобы ночью опять ползти к своим, если они еще существуют.

Неожиданно, в корнях ивняка, я обнаружил убитого красноармейца. Рядом с ним валялась новенькая граната. Это уже было хорошо. У меня было оружие. Потом, поискав, я обнаружил какие-то странные, плоские окопы, совсем непохожие на наши. В окопах валялись разноцветные коробки сигарет. Значит, здесь были немцы. Коробки были очень красивые. Почему-то стал их собирать. Поднялся немного выше и неожиданно заметил приближающиеся фигуры немцев. Они, не спеша, как на охоте, по колено в ромашковом поле, приближались ко мне. Не очень спешили. Один из них крикнул «Русс!» и махнул рукой. Когда он подошел поближе, я сорвал кольцо и бросил гранату. Взрыва не последовало. Немец что-то крикнул своему напарнику, оба подошли ко мне. Увидев мою окровавленную ногу, они потащили меня к вершине холма. Потом кому-то что-то закричали. Подъехал грузовик. Немцы, подхватив меня под мышки, швырнули на машину. От боли я потерял сознание.

Сейчас лежу на скотном колхозном дворе, среди сотен таких же несчастных и обездоленных, как и я. Рядом со мной стонет молодой танкист с обезображенным от огня лицом. А я пишу.

12 сентября

Буханка черного хлеба на двадцать пять человек. Ниткой делят буханку на маленькие кусочки. И еще половинку вареной чечевицы. Вот и вся еда на весь день для раненых. Да еще то, что перебрасывают через проволоку женщины. Они толпами все время стоят возле лагеря. Когда кто-нибудь из них бросает картошку или лук, толпа голодных раненых бросается на эту подачку. Начинается драка. На это ужасно смотреть.

18 октября

Очень многих отпускают домой, тех, кто живет в Украине. Дают какой-то немецкий пропуск и отпускают. Я и Васька тоже пошли к комендатуре. Васька переделал свою фамилию на Баденко, и ему поверили. На меня вдруг неожиданно заорали: «Иуда, иуда!» Заставили снять штаны. Загнали обратно в барак. Кто-то говорил, что оставшихся повезут на работу в Германию. Что же делать?

Немцы и украинские националисты кричат, что армия Советов разгромлена. Одна за другой армии сдаются без боя, немцы штурмом берут города. Взятые Мариуполь, Орел, Брянск и другие города. Разносятся слухи о бежавшем правительстве, о восстании в Горьком, Балтийском флоте, Кронштадте, Грузии.

Дорогая, моя любимая родина! Неужели мне навеки придется быть оторванным от тебя? Неужели никогда я не увижу твоего неба и солнца? Я не могу без тебя. Немцы говорят, что Киев взят, скоро падут Одесса и Харьков. Стало трудно дышать. Что с нами происходит?

21 октября

Сидим все трое за столом, в хате, далеко от лагеря.

Лил дождь. Васька опять пришел. Доктор Силиванов не советовал бежать. Могут пристрелить. Самое трудное было решиться сделать первый шаг.

Первую колючую проволоку удалось быстро перелезть, несмотря на высоту. Между проволоками стало очень страшно. Бросился уже в панике на другую проволоку, перелез через нее и прыгнул. Шинель зацепилась за колючки, и я беспомощно повис над врагом. Васька, который все время наблюдал за мной, подскочил, рванул, что было силы. Мы бросились бежать. Илья тоже был с нами. Он тоже удирал. Лил дождь, патрули стояли под навесом, и, видимо, никто не заметил нашего побега. Безостановочно прошли три селения к югу от Умани. Население не хотело нас пускать к себе. Наконец, в селе Груздевке одна женщина сжалилась над нами, пустила. Сейчас сидим за столом. Попросили у хозяйки карту и составили маршрут до Одессы. Одесса еще не сдана. С утра пойдем вперед. Ура! Мы можем опять бороться!

23 ноября

По-прежнему идем. Сплетни продолжают, я их записываю. «Очевидцы» говорят о массовых дезертирствах в нашей армии, люди переодеваются и бегут по домам. В Москве организовано новое правительство (эсеро-меньшевистское) и что Сталин и Молотов улетели в Америку. Организовано великое Русское Воинство, а красных, вообще, уже не существует. И верить нельзя, но все же эти разговоры изводят. Споришь, убеждаешь, но кто тебе верит, тем более, что ты и сам ничего толком не знаешь.

28 октября 1943 года

Опять пишу. Передо мной горит лампада, мигает на бумагу. Держим связь с полком и огневыми взводами. А хорошо ночью сидеть в тишине, думать, вспоминать и писать. Сколько мыслей приходят? Вот и сейчас, все думаю о моих товарищах. Где они, кто жив, кто погиб? Где сейчас Отар Чачанидзе, выжил или нет? Где Валико Замтарадзе, где Дато Джандиери, Миша Габашвили. Где Парсадан Чиквиладзе и Алеша Кишмишев? Где они все? Разбросала война всех в разные стороны. Где сейчас Миша Шубашукели с нашего двора? Тихо кругом. Ночь. И даже война спит.

10 ноября

Был бой, умирали люди, наши товарищи. Пережили много страшного и тяжелого, а через несколько дней, как будто все забыли. Вот уже два дня все в праздничном настроении. Поют, пьют, танцуют, женятся. Короткие эти женитьбы, а в то же время какие счастливые.

Вчера долго наблюдал за таким весельем. Люди оже-сточенно танцевали. А те, кто остался там?..

12 ноября

Вышел ночью. Стоит мой часовой у конюшни.

- Что стоишь?

- Стою.

- Ну, смотри, стой.

Я пошел в дом. А он – все стоит.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Если бы эта война была проиграна... то оказалось бы, что все мы напрасно пожертвовали жизнью; оказалось бы, что все кончено, и от нас мертвых ничего не осталось».

Карел Чапек. «Мать»

6 мая 1944 года

Поезд ехал медленно. Стучал, стучал колесами. По той же дороге Баку – Тбилиси 19 ноября 1939 года я и мои товарищи уезжали из дома. В армию. Давно это было.

Какие-то люди кругом. После Баку все время стоял у окна. Все думал, вот покажутся огни фуникулера. Но прошло очень много времени, и ничего не было видно.

Потом кто-то что-то крикнул, потом закричали все сразу, бросились к окнам, высунули головы. Где-то вдали, по каким-то неясным ночным очертаниям узнал мой родной, мой любимый город Тбилиси.

Ночь, кругом темно. Вышел на Вокзальную площадь. Народу мало. Иду по улицам. Остановился трамвай. Почему-то не сел, пошел пешком. Шел посередине улиц и старался узнавать дома. Все казалось каким-то маленьким, игрушечным.

Но вот поворот на Белинскую улицу. Поднимаюсь по ней. Ноги идут механически, сами по себе, почему-то не спешат, тяжело. Остановился возле дома бабушки, постоял, прислушался. Пошел дальше. Завернул за угол, и вот он, стоит в темноте, мой дом. Дом, который сотни раз я видел во сне, дом, в котором прошло мое детство, дом, который там на фронте был символом моей родины.

Осторожно, затаив дыхание, подошел к окну. Прислушался. Внутри – чьи-то голоса. Закружилась голова. И чтобы прийти в себя, стал ходить по улицам. Обошел весь квартал, все улицы, где прошла моя юность, и все думал, думал, сам не знаю о чем. Потом осторожно вошел во двор, постоял у дверей, и наконец, решившись, постучал.

Михаил ТУМАНИШВИЛИ

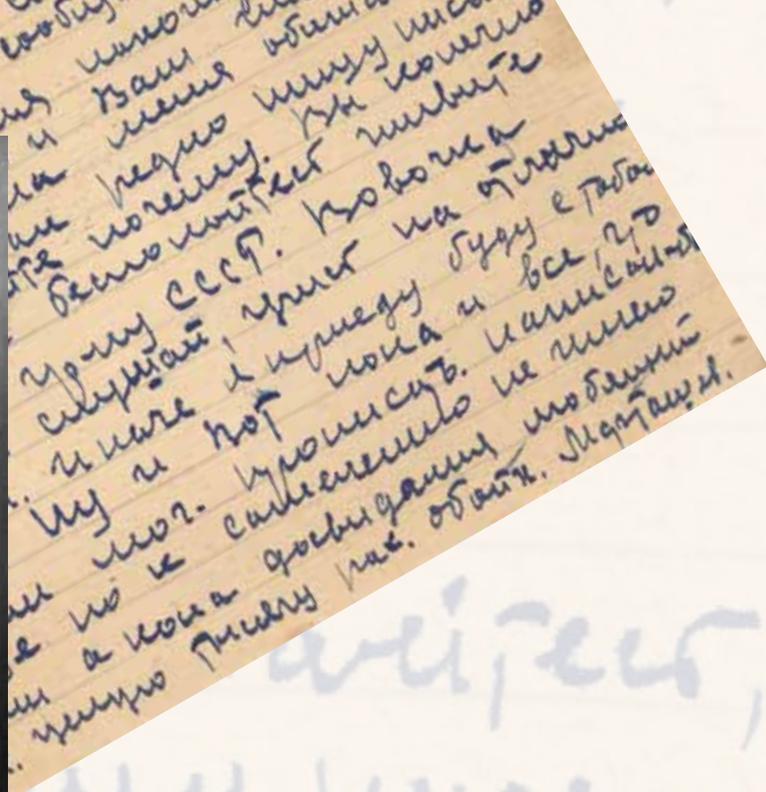

▲ Андрей Марташов с сыном Владимиром

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВОЕННОЙ ШИНЕЛИ

Я не верю своим глазам – передо мной лежат подлинные фронтовые письма. Боевой штурман Андрей Марташов писал их своей семье – жене Екатерине и сыну Владимиру. Первое датировано 12 февраля 1940 года, последнее – 1 февраля 1942 года. А 15 марта 1942 года из штаба 454 авиационного полка дальнего действия было отправлено похоронное извещение: «Ваш муж Марташов Андрей Сергеевич, уроженец: Татарская республика Шугуровский район деревня Старая Варваринка, в бою за Социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб при выполнении боевого задания. Место похорон не установлено»...

Бесценный архив передала нам наша коллега Виктория Тихонова-Марташова, в чьей семье он хранится более 70 лет. Виктория Константиновна была женой Владимира и, соответственно, невесткой Андрея Марташова. Она прекрасно понимает, что такие документы не должны ни пропасть бесследно, ни храниться под замком – это общественное историческое достояние, и место этим письмам там, где их может увидеть каждый – на страницах журналов, в музеях воинской славы.

Герою Великой Отечественной войны Андрею Марташову, его семье и потомкам и посвящен наш рассказ.

Андрей родился в 1902 году в деревне Старая Варваринка Казанской губернии в крестьянской семье. В своей автобиографии А.Марташов пишет: «Хозяйство состояло из 2 лошадей, 2 коров, нескольких голов овец и свиней, дома с надворной постройкой, 10 десятин земли, купленной у помещика с выплатой на 50 лет». Мальчику было 10 лет, когда умерла мама. Отец вскоре женился снова. Андрея отдали в сельскую школу, однако посещать ее приходилось редко – необходимо было помогать отцу в поле. Летом 1915 года отца призвали на военную службу, и 13-летний Андрей взял на себя всю работу по хозяйству. Революции – Февральская и Октябрьская – прошли мимо, Андрею и так хватало дел – он вел дом как хозяин, единственный мужчина в доме. Отец вернулся через четыре года, а еще через пять и сам Андрей отправился служить в ряды Красной Армии, успев перед этим жениться на Екатерине Толбаевой, дочери батрака по найму. Марташов неустанно учится – в полковой, пехотной, летной школах в Новороссийске, а затем в Каменске, где у Марташовых родился сын Владимир. Курсант, слушатель курсов, инструктор, штурман отряда и, наконец, в середине 1930-х годов он становится штурманом эскадрильи.

В 1925 году вступил в комсомол, в 1929-м – в партию. С членством в ВКП(б) дела обстояли непросто и очень строго. Вот как об этом писал сам Марташов: «Исключался из рядов ВКП(б). В 1933 году за то, что с места жительства отца была прислана справка, что отец кулак. После поехал сам в отпуск на место жительства отца, взял справки из сельсовета о действительном

положении отца, был восстановлен парткомиссией. В 1937 году снова был исключен Ейской парторганизацией, за присланные врагами народа справки, что отец кулак. Мною была подана апелляция, и окружной парткомиссией был послан человек по месту жительства отца, который привез документы о действительном положении вещей, после чего был восстановлен в рядах ВКП(б) с объявлением выговора за то, что я не указывал в автобиографиях про дедушку, что он имел наемную силу, но я этого не знал, так как это было в 1895 г., а я родился в 1902 г. Взыскание это с меня не снято. В троцкистской, правой национал-шовинистической и пр. контрреволюционных организациях не был. Отклонений от генеральной линии партии не было. Лишенцев и раскулаченных среди родственников нет. За границей никого нет. В белой армии и армии интервентов не служил, в плену не был, связей с подпольными организациями не имел».

Андрей Марташов служил в Новочеркасске, Ейске, а после в Кутаиси. Оттуда в 1939 году ушел воевать с белофиннами, а в 1941 году – с фашистами. Семья переехала в Тбилиси, Марташову дали квартиру в доме №7 в Железном ряду на Майдане. По этому адресу Андрей и присылал письма жене и сыну.

«17 ноября 1941 года, Миха Цхакая.

Добрый день, многоуважаемая семья, Катенька и сыночек Вовик! Первым долгом, Катенька, поздравляю тебя с днем твоего рождения. Жаль, что в этот день мы не вместе, но это от тебя и меня не зависит. Вот кончится эта проклятая война, навязанная нам германским фашизмом... А сейчас ни с чем не приходится считаться, нужно переносить все тяжести и невюли, поскольку этого требует от нас родина. Катенька, к октябрьским торжествам от командования я получил благодарность за отличную работу, но если будет надо, буду драться до последней капли крови, а если потребуется, то отдам и жизнь свою за благо нашей родины».

«13 января 1942 года.

Катенька, вот уже прошло 35 дней с того момента, как мы расстались с тобой в то темное утро, когда я пошел на работу. (Екатерине удалось приехать в Миха Цхакая увидеться с мужем.) Катенька, я очень и очень рад, что ты побывала у меня, хотя это и было для тебя большим беспокойством. Эти дни останутся у меня в памяти, пока я буду жив. Вовик, милый сыночек, я тебя не видел уже более четырех месяцев и очень-очень соскучился. Хорошо, что есть ваша с мамой фотография, на которую смотрю каждый день и вспоминаю вас. Вовик, я тебя прошу, учишься отлично, слушай мамочку, не обижай, она и так много от нас с тобой пережила. А я буду выполнять свой долг перед родиной, не щадя своих сил, а если потребуется, и самой жизни. Буду драться так, как нас учит и приказывает Великий Сталин – бить до единого фашистских извергов.

Вот пока и все, что могу сообщить. Пока в работе все благополучно, несмотря на то, что работаем ночью и днем. До свидания, крепко, крепко целую, любящий вас Марташов. Жду ответ с нетерпением. Адрес: Действующая армия, полевая почтовая станция 885, 454АП».

Последнее письмо Андрея Марташова:

«1 февраля 1942 года. Крымская.

Добрый день, многоуважаемая семья Катенька и

сыночек Вовик! Первым долгом сообщаю, что жив и здоров, того и вам желаю. Живу пока ничего, а дальше – что будет. Катенька, я услал вам телеграмму 28. 01. 42 года. Получила ты ее или нет? Вот пока и все, что мог написать. Адрес пиши так: станция Крымская п/отд. Краснодарского края до востребования. А пока до свидания. Крепко целую. Любящий вас Марташов. Живите с Вовочкой не ссорьтесь, друг другу помогайте и не обижайте. А тебе, сыночек Вовик, мое пожелание учишься отлично. До свидания. Жду ответ».

Вскоре вместо очередного письма от мужа Екатерина получила похоронку – штурман полка, майор Андрей Марташов погиб в тяжелом бою под Керчью. А еще спустя недолгое время ей и ее подруге, тоже овдовевшей, пришло письмо от комиссара полка: «На сухость извещения зря обижаетесь, такой порядок. Извещение является официальным документом и туда лишнего писать нельзя. Не думайте, что командование не переживает за утрату ваших мужей. Ваши мужья героически погибли в открытом бою с озверелым фашизмом, их память долго будет храниться в наших сердцах. Хочу просить вас, чтобы вы на меня не обижались, что я вам не сказал, будучи у вас. Я знал, что их нет, но надеялся, что они могут еще вернуться, поэтому и не говорил, так как болтать зря не следует. Ведь много случаев, когда возвращаются. Вторая просьба. Поймите, товарищи, что война жестокая вещь и на войне гибнут. Мы деремся за свободу народа и эта борьба, конечно, приносит жертвы. Ваши мужья погибли героической смертью за наш народ. Лучшая месть немецким гадам будет, если вы мужественно перенесете ваше несчастье, а это несчастье всех нас, будете помогать укреплять наш тыл, вольетесь в производственную работу и будете этим помогать нам громить немецких собак. Желаю от души всего хорошего. Мужайтесь, мстите немецким гадам хорошей работой в тылу, ведь борьба еще продолжается, а мы победим обязательно. Шлю горячий привет. Безбожный».

Екатерине было 38 лет, когда погиб ее любимый и любящий муж. Всю свою жизнь она продолжала ждать своего Андрея. «Он не погиб, он пропал без вести», - каждый день повторяла она, как заклинание. Даже спустя многие годы, когда у сына появилась возможность переехать в Ленинград и устроиться там на отличное место, она отказалась ехать: «Вдруг Андрюша вернется, а меня в Тбилиси нет?»

О том, как сложилась судьба сына Андрея Марташова, о его семье нам рассказала Виктория Тихонова-Марташова.

- Когда Володя узнал, что отец погиб, то от горя у него опустились руки и он перестал учиться. Он очень любил своего отца, боготворил. Его гибель стала для сына катастрофой. Володя на три года старше меня, но

▲ Семья Марташовых

в итоге мы оказались в одном классе, потому что он все время оставался на второй год. Справедливости ради надо сказать, что со временем он успокоился, взял себя в руки и решил пойти по стопам отца. Прекрасно учился и в итоге стал отменным профессионалом. Вначале мы с Володей считали, что познакомились школьниками на балу в тбилисском Доме офицеров, в 1948 году. Но, как ни странно, оказалось, что это не так. Летом 1939 года нам с мамой пришлось поехать в Самару. Добрались до Москвы, целый день надо было ждать поезда. Мама отправилась по делам, а меня оставила в детском приемнике. Там мы находились вдвоем с каким-то мальчиком. А у него был шоколад. Мне мама ничего не оставила поесть, и так захотелось шоколада! Мальчик уснул, я взяла плитку и стала есть. Фольга зашуршала, он проснулся и как заревет! Конечно, поднялся шум. Вернулась мама, и, узнав, что произошло, пошла и купила ему шоколад... Прошло много лет. И как-то раз в разговоре с моей свекровью мама вспомнила эту историю. Изумленная Екатерина Андреевна воскликнула: «Да это же был Володя!» Представляете, какое совпадение – они ехали из Новочеркасска в Бузулук, а мы – из Тбилиси в Самару. И случайно пересеклись в Москве. Так что первая встреча с мужем состоялась, когда мне было шесть лет... Это дало ему повод все время подшучивать надо мной – с детства, мол, ты была на моем иждивении.

Мы с Володей очень подружились. Он перешел из обычной в военную спецшколу имени Бенделиани, а затем поступил в Кировобадское военно-авиационное училище имени Хользунова. Я очень увлекалась балетом, танцевала в труппе знаменитого Сергея Сологова. Кстати, Володя танцевать совсем не умел. И когда при спецшколе открыли курсы танцев, он записался на них и старательно разучивал танго, фокстрот, падепань, падекатр. После училища Володю направили в военную часть в Баку, а я после школы поступила на филологический факультет университета. В 1953 году мы поженились, на втором курсе у меня родился сын. После окончания университета я поехала к мужу в

Азербайджан. Устроилась на работу в офицерскую школу, преподавала русский язык, историю и географию. Помню, как мне было неловко учить истории Великой Отечественной офицеров, которые были старше меня в два раза и сами воевали. Но в те годы военных, которые ушли на фронт и не успели окончить школу, обязали сделать это.

Володя был военным летчиком-бомбардировщиком. По болезни ему пришлось временно демобилизоваться. После выздоровления стал пилотом тбилисской гражданской авиации. Шутил – легче заново выучиться на летчика, чем восстановиться на работе. Летал на ЛИ-2, ИЛ-14, ТУ-104, закончил летную карьеру на ТУ-134. Потом возглавил диспетчерскую службу тбилисского аэропорта. В 1998 году его не стало.

- У вас самой интересная родословная.

- Мои родители, Анастасия Першина и Константин Тихонов, родом

▲ Виктория Тихонова-Марташова с дочерью Ниной

из Самары. Они познакомились в Самаре совсем молодыми. Мама происходила из состоятельной дворянской семьи, папа – из рабочей. Мамина семья, конечно, была против этого брака, и в 1913 году они без благословения тайком поженились в местечке Смышляевка. Папа увлекся революционными идеями, стал большевиком. Из Самары ему пришлось бежать, когда в город вошли белочехи. Поездив по стране, оказался в Средней Азии. Кстати, в Самарканде он неожиданно встретился со своим двоюродным братом – поэтом Николаем Тихоновым. Потом они все время переписывались, часто встречались. Тихонов потому и стал так часто ездить в Грузию – к родственникам. Мы тогда жили на Вельяминовской улице в 16-метровой комнатке. Николай Семенович не хотел нас стеснять и останавливался в гостинице. Но папа всегда был рядом с братом. Большой компанией – вместе с Георгием Леонидзе, Бесо Жгенти, многими другими выдающимися литераторами – ездили по Грузии...

В 1924 году родители приехали в Тбилиси. Мама пела в капелле Отара Тактакишвили. Папа, военный журналист, возглавил типографию «Боец РККА». Как-то раз в типографию зашел по делу ленинградский режиссер Александр Любош, возглавивший тбилисский Театр Красной Армии в Доме офицеров. Зашел по делу, но как режиссер не мог не оценить обаяния и чистой русской речи Константина Тихонова. И немедленно пригласил его в труппу театра. Папа согласился. И начал играть в театре – в спектаклях «Бравый солдат Швейк» Я.Гашека, «Междубурье» Д.Курдина, «Темп» Н.Погодина... В 1932 году, когда вышел указ о воссоздании Тбилисского русского драматического театра, вся труппа Театра Красной армии во главе с Любошом перешла в театр, который через два года получил имя Грибоедова. Отца не раз приглашали сниматься в кино, он сыграл в фильмах «Дарико», «Арсен», «Путешествие в Арзрум». Роли были небольшие, но заметные. В 1939 году ушел на фронт как военный журналист. Прошел всю войну и в театр уже не вернулся. Его назначили заместителем редактора газеты «За металлургию» в городе Рустави, который тогда только строился. А потом пригласили в Батуми, где он работал заместителем редактора в газете «Советская Аджария». Там он и скончался. Отцовский архив, к сожалению, пропал. У меня чудом сохранился один альбом с уникальными фотографиями – это бесценная память об отце.

- А как складывалась ваша профессиональная деятельность?

- У меня четыре диплома о высшем образовании. Помимо ТГУ я с отличием окончила Московский институт приборостроения, параллельно – Тбилисский институт патентования, затем – Московский институт патентования. С 1969 года по 1992 год читала лекции в Тбилисском институте патентования. Работала в Академии наук, возглавляемой академиком Николаем Мухелишвили. Руководила отделом научно-технической информации в Институте кибернетики, была

▼ Младшая из поколения Марташовых Вика Дундуа

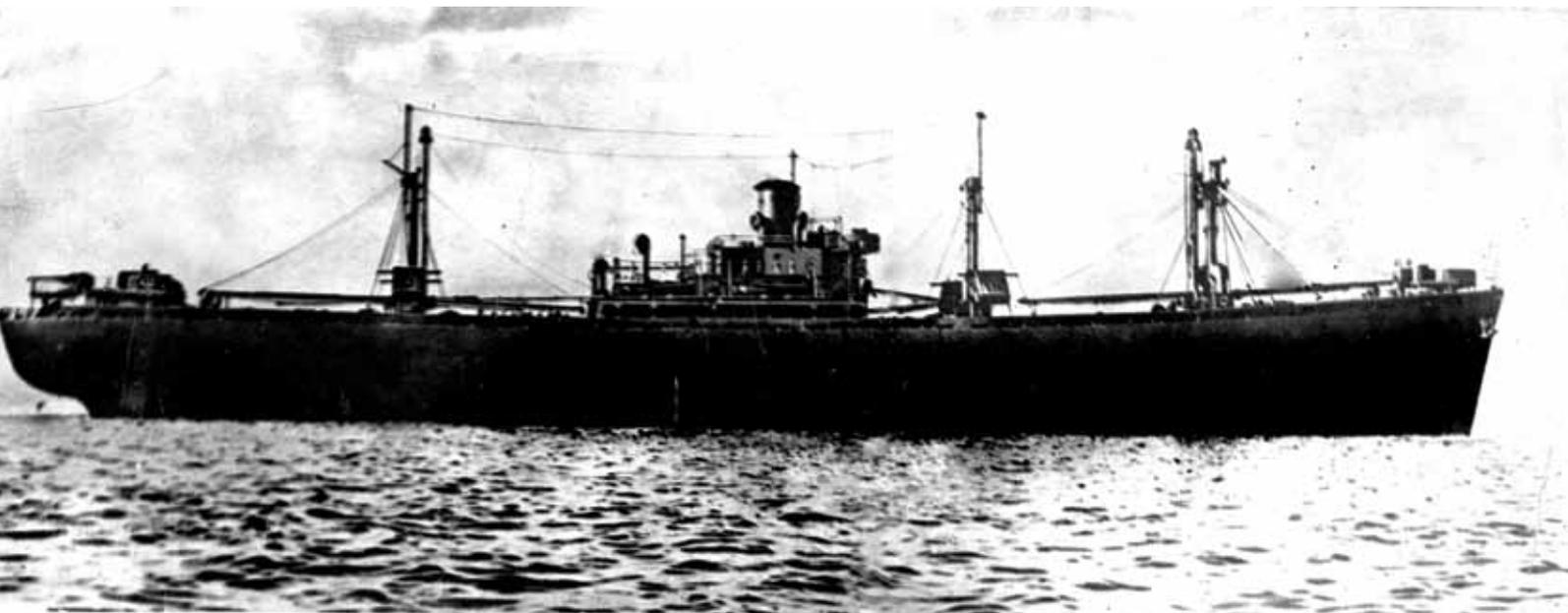
▲ Владимир Марташов

старшим инженером отдела технико-экономических исследований СКБ Аналитприбор. По приглашению ректора Института патентования, профессора Тамаза Шилакадзе руководила патентно-лицензионным отделом института. Я проработала там 18 лет, награждена Орденом Чести, получила статус персонального пенсионера. А в 1992 году депутат Парламента Грузии, профессор Игорь Богомолов, мой однокурсник, пригласил меня стать вице-президентом Русского культурно-просветительского общества Грузии. Общество было создано по предложению президента Эдуарда Шеварднадзе, чтобы как-то удержать в стране русских, которые в то время начали в массовом порядке покидать Грузию. Богомолов был президентом и координатором этой организации. Мы вели огромную культурную работу среди русскоязычного населения, выпускали газету «Русское вече»... Работали до самой смерти Игоря Семеновича в 2003 году. А потом Николай Свентицкий пригласил меня в Грибоедовский театр, где я и работаю администратором по сей день.

- Расскажите о младшем поколении Марташовых.

- Сын Виталий был бортпроводником. Очень много летал. Он умер, к несчастью. Дочь Нина окончила хореографическое училище имени Чабукиани. Она отдала балету двадцать лет – работала в Театре музыкальной комедии, солировала в шоу-балете. Внучка Виктория Дундуа хорошо учится и замечательно поет. В прошлом году стала лауреатом Международного музыкального конкурса в Варне, куда ездила с детской вокально-эстрадной студией «Муза». А вскоре, мы надеемся, Вика примет участие в вокальном конкурсе в Македонии, для которого уже подготовила две песни.

Нина ШАДУРИ

▲ Пароход «Войков». 1943

ЧЕТЫРЕ ДЕВУШКИ И МОРЕ

31 ноября 1940 года четыре подруги Юлия Пайлодзе, Шушана Туманишвили, Нина Каландадзе и Вайде Гваришвили окончили отделение судовождения Батумского мореходного училища. Получив редкую для женщин специальность, они сдали государственные экзамены и стали штурманами дальнего плавания.

«Смотрите, вам в море предстоит очень тяжелая работа. Море не для девочек, - предупредил директор Семен Аласания, подписывая заявления о переводе с гидротехнического отделения. - Обязательно доведите дело до конца – доплавайте до капитанов».

Подруги дали слово, не подозревая, какие тяжелые испытания поставит перед ними уже недалекая война.

А теперь мысленно перенесемся к началу марта 1969 года, когда Батумское мореходное училище отмечало свой 25-летний юбилей.

Я сижу в библиотеке училища-юбиляра и слушаю рассказ Юлии Александровны Пайлодзе, почетного работника Министерства морского флота СССР, заслуженного библиотекаря Аджарской АССР:

– По распределению мы с Ниной попали на Дальний Восток, Шушана и Вайде – на Каспийское море. Ребят с нашего курса оставили в Батуми, им предстояла служба в армии. 27 января 1941 года приехали во Владивосток, нас сразу послали работать на суда. Меня – на пароход «Арктика», а Нина 29 января на танкере «Донбасс» ушла в Америку. Наше расставание было очень тяжелым. Пароход наш отправился в Петропавловск-Камчатский. Войдя в бухту, мы пробирались среди льдов, потеряли винт, в течение десяти дней нам его устанавливали, мы выгрузились и пошли во Владивосток. По дороге попали в сильный шторм. Меня сильно укачало, два дня не могла стоять на вахте, но потом к шторму привыкла. Вначале очень переживала, что если не привыкну, то должна бросить плавать. На четвертые сутки пришли во Владивосток. Меня временно перевели на пароход «Ф.Меринг» четвертым помощником капитана. Я несла вахту с 20

часов до 12-ти. Капитан поднимался на мостик и наблюдал, как я работаю, как отношусь к вахтенным матросам. Он сказал, что ему понравилась моя работа и что скоро меня переведут на большое судно – пароход «Минск». 6 июня меня перевели на «Минск». В это время во Владивосток пришел танкер «Донбасс», мы встретились с Ниной Каландадзе. Такая радость была! 8 июня они снова ушли в Америку, а я с нашими – на север, в бухту Провидения, где мы оставили груз и взяли курс на Америку.

В Беринговом море, когда проходили Командорские острова, радист сообщил капитану Терентию Передерию о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Терентий Герасимович собрал команду и сообщил о начале войны, что мы должны быть бдительными, и что торговый флот переводится на военное положение.

Мы пришли в порт Сан-Франциско. Нас приняли хорошо, интересовались, как мы работаем, и удивлялись, что четвертый помощник капитана – молодая девушка. Мы загрузились и пошли в Австралию. В пути я заболела малярией. В порту Сидней меня поместили в больницу, откуда я на пятый день сбежала, опасаясь, что уйдут в рейс без меня. На пароход пришел представитель властей и сообщил капитану о моем побеге.

▲ Юлия Пайлодзе

После моего объяснения все уладилось. Гость оставил мне лекарства и пожелал удачного плавания. Мы держали путь на Цейлон, зашли в иранский порт Бендер-Шахпур, вернулись в Австралию, где наше судно получило вооружение. Был февраль сорок второго года. Плавать было небезопасно. Штурманы и механики после основной вахты вели усиленное наблюдение за вражескими судами и самолетами, которые могли нас обстрелять.

Наш «Минск» - снова в Сан-Франциско. Здесь уже стоял танкер «Донбасс» с моей Ниной. Американцы выпустили газету с сенсацией: на советских судах четвертые помощники – девушки-грузинки! «Донбасс» ушел первым в рейс. Нас загрузили военным грузом. Я стояла на вахте. Недалеко от нас строили новые суда – американцы за десять дней собирали суда типа «Либерти». Когда судно спускали на воду, вся наша команда с капитаном наблюдала за церемонией, все суда салютовали гудками. Через несколько минут раздалась сирена. Капитан сказал: «Судно почему-то идет в нашу сторону». Оказалось, что лопнул левый трос, который придерживал судно при спуске, чтобы оно не набрало большой скорости. Уклониться от столкновения мы не могли – впереди нас и за кормой вокруг стояли суда. Скоро послышался сильный удар. Мы все страшно опасались взрыва, но все обошлось. Представители судостроительной компании немедленно примчались к нам, измерили пробойну на корме – полтора метра высотой, от воды – 15 сантиметров, от взрывоопасного груза – 10. Они очень удивлялись, что мы не взорвались, и все нас поздравляли. Представители компании сказали, что в случае взрыва все склады и полгорода сгорели бы.

В течение десяти дней мы починились, и вышли в море, некоторое время шли в сопровождении американских судов. Когда проходили Тихий океан и Берингов пролив, все время над нами летали вражеские самолеты, совсем низко, почти задевая мачту. Нас бом-

били, мы маневрировали, молили бога, чтобы всегда был туман.

25 сентября меня перевели на корабль «Циолковский» четвертым помощником капитана. Я встретила Лизу Селеменеву, с которой подружилась во время практики в Одессе, на паруснике «Товарищ». Сейчас она была третьим помощником капитана, имела большой опыт работы и многому научила меня. Совершали регулярные рейсы в США. Во время одного из них радист принес сообщение, что танкер «Донбасс» просит помощи. Капитан объяснил мне, что «Донбасс» находится в проливе Ла-Манш, в караване судов. Радист наш ночью пытался поймать позывные «Донбасса», но танкер молчал. Мы узнали, что он был торпедирован немецкой подводной лодкой и потоплен. Весь его экипаж погиб. Мне было тяжело перенести гибель этого судна и моей подруги Нины Каландадзе. Все меня успокаивали, напоминали, в каких опасных условиях мы сражаемся и сами можем быть потоплены.

20 января сорок третьего года нас с Лизой перевели на другие суда. Лизу – вторым помощником капитана на «Херсон», меня – третьим помощником на «Циолковский». Мы снова расстались. Они ушли в рейс из США на 12 часов раньше нас. Наш пароход находился недалеко от Петропавловск-Камчатского, когда радист поймал сигнал SOS с борта «Херсона». Наш капитан изменил курс и просил сообщить местонахождение терпящего бедствие судна, которое в тумане село на подводные камни недалеко от Петропавловска. Через 12 часов туман рассеялся, и мы подошли близко, как и другие суда. Пароход переломился пополам, и помочь ему не было возможности. Одну часть отбуксировали в Петропавловск мы, вторую – другое судно. Всю команду мы приняли на борт и доставили во Владивосток. Лизу послали вторым помощником капитана на пароход «Кола».

7 мая сорок пятого года меня перевели вторым помощником капитана на более крупный пароход «Войков». Мы совершали рейсы США – Владивосток. Во Владивостоке выгрузили спецгруз, взяли продукты и пошли на Сахалин. Вошли в порт Отомари, который уже был занят нашими войсками. К капитану пришел командующий войсками, он оказался из города Тбилиси и, узнав, что второй помощник капитана – грузинка, попросил познакомиться со мной. Очень удивлялся, как девушка может выполнять такую тяжелую работу.

К капитану пришел еще один гость – старший помощник с парохода «Кола» и рассказал, что пароход и Лиза Селеменова погибли в феврале сорок пятого: «Стоял на вахте с 20 до 24 часов. Лиза сменила меня. Я обошел судно, проверил все и ушел в свою каюту, что-то плохо себя чувствовал. Жарко было, открыл иллюминатор, лег спать. Во сне чувствую, что тону, задыхаюсь, проснулся – и в самом деле лежу в воде; начал вылезать в

▼ Шушана Туманишвили

▲ Вайде Гваришвили

▲ Нина Каландадзе

помощником капитана отказалась. Вместе с Гогиновым пошла к начальнику пароходства и попросила отпустить меня в отпуск домой, наша семья очень нуждалась, старший брат погиб на фронте, младший служил в армии. Но меня не захотели и слушать. Я отказалась идти в рейс на «Донбассе», отпуск не получила и осталась на пароходе «Войков», мне объявили выговор за непослушание.

19 декабря 1945 года «Донбасс» взял у нас горючее и ушел в рейс. Я попрощалась со своим земляком. Он сказал, что я очень нехорошо поступила.

иллюминатор, вылез и стал всплывать. Когда вынырнул из воды, поплыл подальше от потопленного корабля. Вижу – что-то на воде темнеет. С трудом подплыл и увидел шлюпку, забрался в нее. Вспомнил, что в шлюпке имеется запас питания и теплые одеяла, компас. Я все это достал; начало рассветать. Вижу: матрос еле живой, вытащил его, привел в чувство. Погода была хорошая, море спокойное, как никогда. Мы долго плыли, видели погибших из нашей команды, Лизу Селемеву. Еще подобрали нескольких живых. Нас стало пятеро. Мы очень долго плыли к берегам Камчатки. Потом нас подобрали рыбаки и доставили на берег, привезли в Петропавловск».

Трагедия произошла в Корейском проливе.

Во Владивостоке меня вызвал капитан Гордиенко и сообщил о моем направлении старшим помощником на танкер «Донбасс». Я сказала: «Мне обещали отпуск, раз не пускают в отпуск – не пойду». Капитан сообщил, что на «Донбассе» капитаном плавают мой земляк Гогинов. «Вы попросите, и, возможно, он поможет с отпуском».

Гогинов плавал капитаном еще на старом «Донбассе», который немцы торпедировали и потопили. Но до этого его оставили представителем в США, а на танкер послали капитаном другого. Гогинов в США получил новый танкер «Донбасс», который тоже погиб, но команда спаслась. Мой земляк получил еще один танкер «Донбасс», третий по счету, который прибыл во Владивосток.

Когда я пришла на корабль, у капитана был гость – капитан порта Батуми, мой хороший приятель и сосед Климентий Каранадзе. Он воевал на Черном море, а потом – на Дальнем Востоке. Так я была рада, когда его увидела! Но пойти на танкер «Донбасс» старшим

рошо поступила.

Потом мы ходили на «Войкове» в Китай, Корею, возили грузы и продукты.

И вот мы в Желтом море. На мостик поднимаются капитан, радист, старший помощник капитана и поздравляют меня с тем, что я осталась жива. Оказалось, что у берегов США во время сильного шторма затонул «Донбасс». Я потеряла сознание после услышанного.

Когда «Войков» пришел во Владивосток, всему экипажу объявили благодарность, с меня сняли выговор и отпустили в отпуск. Потом по моему заявлению откомандировали в Одесское пароходство, в распоряжение «Совтанкера». В 1948 году, в феврале, вышел приказ правительства освободить женщин от службы на флоте.

С 14 апреля 1949 года я работаю в Батумском мореходном училище, которое окончила накануне войны.

Я слушал рассказ Юлии Пайлодзе и думал, сколько испытаний выпало на долю этой немолодой библиотекарши, в облике которой тщетно искал черты героические. Вспомнился Копенгаген, город Ханса Кристиана Андерсена, его сказочной Русалочки, в чью честь ровно семьдесят лет назад Эдвард Эриксен создал знаменитую скульптуру на набережной Лангелине этого приморского города. А тут в Батуми – четыре отважные и прекрасные девушки не из сказки, наяву оказались сильнее смерти, но поставить им памятник не спешат. А ведь были в их жизни подвиги и не один! И я в который раз уважительно разглядываю боевые награды Юлии Александровны – медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За победу над Японией».

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Самуил Монин

ТИХИЙ ПОДВИГ

Моя мама в 1942 году совершила настоящий подвиг и все годы молчала об этом, рассказала она мне обо всем лишь в конце своей жизни.

3 июля 1942 года после жесточайших боев был сдан Севастополь, где воевал мой папа. В эту ночь в черных волосах моей мамы появилась седая прядь. Ей было 27 лет, через какое-то время к нам пришел комиссар полка и сказал, что папу в числе самых мужественных и сильных людей оставили для прикрытия отхода последних наших катеров. Комиссар утешал маму, говорил, что эти люди обязательно пробьются к партизанам; успокаивал, а в глазах стояли слезы.

В конце лета ранним утром мама спускалась через верхний Александровский сад к улице Дзюладзе. Вдруг она похолодела: между рельсами навстречу летящему трамваю сидит на тележке безногий матрос – грудь выпятил, на скулах красные пятна, глаза (совсем молодые глаза!) сверкают, а в зубах судорожно сжата лента бескозырки... Вокруг ни души!

*«Спасу!» - прошептала не ты ли
За эти секунды святые?!
С отвагой и дерзкою хваткой твоей
Ты с каждым движеньем сильней и смелей!
Рванулась, метнулась не ты ли
За эти мгновенья литые?!*

Ошалевший трамвай бешено промчался мимо.

Они лежали совсем недалеко от трамвайного пути. Наконец, все стихло. Она открыла глаза: «Как на свете светло!» И вдруг, захлебываясь, закричала: «Мы спаслись! Мы спаслись!» Он шевельнулся, сел и с ненавистью посмотрел на нее. Лицо у него свело гримасой и он заорал во весь голос: «Что ты наделала! Кто просил? Я не должен жить и это тебя не касается! Убирайся вон отсюда! Немедленно!»

Она встала и скомандовала: «А ну-ка спускайся за мной в сад! Не-мед-лен-но!»

И вот они в нижнем саду. Она на скамейке, он у ее ног. Неожиданно он разрыдался: «У меня жена... Красавица... Ребенок... Они меня таким не должны видеть! Я ведь так танцевал!» Она слабо улыбнулась: «Я пони-

▲ Анна Мони́на

маю... Я тоже танцевала... Ты еще будешь танцевать! На протезах». Он молчал. Тогда она сказала: «У меня в Севастополе погиб муж. («В Севастополе?! – выдохнул он.) Если бы мой муж вернулся без ног, без рук, обожженный, весь искалеченный, но вернулся! Все равно это был бы Он! Он! Счастливей меня женщины на свете не было бы! А ты? Красивый парень, будешь ходить, танцевать – никто и не заметит! Твоя семья тебя ждет! Постеши!»

Тут он как-то обмяк на тележке и кинулся целовать мамины руки. По его лицу опять текли слезы, но эти слезы уже были другими.

«Я тогда была на высоких каблуках!» - добавила мама. А я подумала: услышала ли она окрик рассудка? Наверно, но отмахнулась! И победила!

Изабелла МОНИНА

▲ Пять заслуженных мастеров спорта! Сидят: Вагаршак Мачкалян, Константин Коберидзе, Георгий Термолаев. Стоят: Вахтанг Кухианидзе, Г. Шарвадзе, Леонид Дзеконский, Ираклий Ишхнели. Ростов-на-Дону. 1940

ЗАМЕТИЛ И НА БОРЬБУ БЛАГОСЛОВИЛ

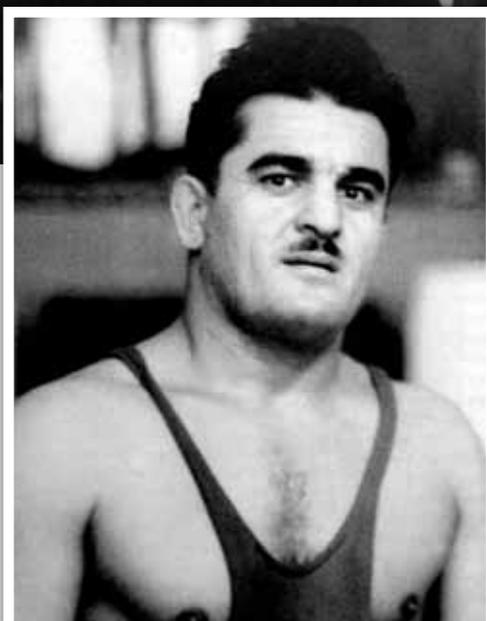
«Сынок, хочешь стать таким же – занимайся борьбой!» - добродушная улыбка тронула пышные русые усы борца-исполина из Мцхета, не знающего равных в Грузии.

Совет был дорог и стоило попытаться. Костя поспешил пожать протянутую ему руку, как можно сильнее, но его тонкая рука только утонула в огромной ладони палавана.

Сандро Канделаки и несколько известных борцов приехали в Сигнахи на спортивный праздник – сойтись в молодецком кругу, помериться силой с местными силачами, среди которых не последними в грузинской борьбе были старшие Коберидзе – Габриел и Давид. Они и познакомили младшего брата с могучим Сандро. «Если бы ребята из моей школы видели, что я познакомился с самим Канделаки», - думал Костя.

Природа не одарила его физической мощью, он уступал братьям в силе, был много легче их, но теперь с удвоенной энергией после уроков соперничал в школьном дворе со сверстниками в народной борьбе чидаоба.

С годами Костя немного занимался легкой атлети-

▲ Константин Коберидзе

кой, немного играл в футбол и баскетбол, но грузинская борьба увлекала больше; он чемпион школы, а затем и улицы, в городе, где родился и провел детство. Его занятия спортом далеки от правильной, методически обоснованной тренировки, и он решил в 1936 году, в девятнадцать лет, всерьез заняться классической борьбой. Пришел в спортивный зал «Динамо» в Тбилиси, считая себя вполне сложившимся борцом, с опытом своих мальчишеских соревнований, после благословения Сандро Канделаки, и рвался на ковер, еще не зная, как ему повезло с наставником.

Петр Денисов, тихий, немногословный человек, в прошлом цирковой борец, а теперь неременный участник всесоюзных соревнований, с первого занятия охладил его пыл: «Если ты действительно хочешь стать хорошим борцом, то не торопись на ковер. Ты ведь, надеюсь, хочешь выигрывать. Главное для тебя сейчас – общая физическая подготовка».

▲ Члены сборной Грузии Леонид Дзеконский, Григорий Пыльнов и Гайк Израелян. Тбилиси. 1929

Можно ли забыть своего первого учителя?! - спрашивал себя потом Костя, тот, кто через несколько лет стал «настоящим» борцом; его выступления будут смотреть тысячи людей в крупнейших городах и за границей. Встреча с тренером Денисовым была для него определяющей. В течение одного сезона Коберидзе стал чемпионом Грузии, поступил в Тбилисский институт физической культуры, а позже перевелся в Московский центральный ордена Ленина институт физической культуры имени Сталина, и в последующие годы выступал за Москву, за спортивное общество «Динамо».

Дебютировал Константин на всесоюзном ковре в 1938 году без особого успеха. В среднем весе он седьмой, две схватки выиграл по баллам, одну проиграл и с пятью штрафными очками выбыл. Чемпионом стал Григорий Пыльнов, знакомый по Тбилиси, за который он выступал в 1932 году, став шестым. Переехав в столицу, через год неожиданно для всех выиграл звание чемпиона среди полутяжеловесов. Будучи по существу средневесом, Пыльнов поборол более тяжелых и сильных соперников – за счет тактики и технического превосходства. В последующий период к эксперименту больше не прибегал, выступал в своей средней категории, он семикратный чемпион страны (1933, 1935, 1937-1941).

В тридцать девятом Коберидзе – среди участников чемпионата СССР полутяжелого веса; он на голову выше других по технике, но уступает в силе основным противникам. В итоговой таблице он четвертый.

К этому периоду относится начало его подготовки к соревнованиям вместе с Пыльновым. И хотя руководство Пыльнова было непродолжительным, Коберидзе вспоминал, как много дал ему его учитель. Григорий Дмитриевич, непревзойденный тактик, особое внимание уделял развитию у воспитанников тактического мышления, умению правильно строить схватку.

По совету Пыльнова 22-летний Коберидзе участвует

в первом в СССР абсолютном чемпионате страны по классической борьбе 1939 года, к которому допущено 12 сильнейших: чемпион в тяжелом весе Александр Сенаторов, чемпион в полутяжелом весе Александр Казанский, многократные чемпионы страны Арон Гонжа, Константин Дерич. В состав участников включили несколько известных борцов-профессионалов.

Коберидзе, весившему 87 килограммов, следовало бороться с борцами, чей вес, мощь и опыт превышали его собственные. Но он сделал невозможное. Уже в первой 20-минутной схватке выиграл по баллам у фаворита турнира киевлянина Гонжи и убедил, что крепок как камень. Второго фаворита – москвича Сенаторова положил на пятой минуте восьмого круга. Победил по баллам трехкратного чемпиона СССР в полутяжелом весе Дерича и популярного циркового борца И.Куксенко (Яна Цыгана).

Итоги чемпионата изумили специалистов – Константин Коберидзе выиграл у всех 11 участников и заслуженно стал абсолютным чемпионом СССР. В дни чемпионата Пыльнов опекал младшего друга, находился в зале, дозировал нагрузку, вдвоем намечали планы предстоящих встреч.

Выдающийся результат показал Коберидзе в 1940 году – он чемпион СССР в полутяжелом и тяжелом весах. В целях повышения интереса борьбы в категории тяжелого веса и усиления ее состава допустили участие в ней лучших борцов-полутяжеловесов, которые заняли три первых места.

Две бронзовые медали в обеих категориях завоевал тбилисец Вагаршак Мачкалян. Если бы в борьбе регистрировали рекорды, наш земляк мог претендовать на один из них – он участник двадцати чемпионатов СССР: в 1937-1948 гг. по классической борьбе, в 1945-1953-х – по вольной. У «классиков» он трижды вице-чемпион и столько же раз – третий призер. В вольной борьбе, с

▲ Члены сборной СССР. В первом ряду: тренер Вахтанг Кухианидзе, Вагаршак Мачкалян, Арташес Карапетян, Константин Коберидзе, Яков Пункин, Васо Илуридзе. Во втором – Валентин Николаев, тренер Е.Тарасов (справа). 1949

первого чемпионата в СССР, четыре года подряд (1945-1948) победитель в полутяжелом весе, еще на трех чемпионатах (1949-1951) серебряный призер.

Кстати, открытием Мачкаляна советский спорт обязан Берия. В 1931 году автомашина ЗИС-101 секретаря ЦК в районе его родного села Мерхеула скатилась в кювет. Пасший коз по соседству сельский парень один вытащил ЗИС на дорогу. Это был 17-летний Мачкалян. Свидетель этого Берия на второй день распорядился перевести молодого силача в Тбилиси, в общество «Динамо» для занятия борьбой.

В мае 1941-го в Ленинграде Коберидзе стал чемпионом страны в полутяжелом весе. Первенство в тяжелой весовой категории, намеченное на 5-7 июля, не было разыграно в связи с войной.

В первый день на московский стадион «Динамо» пришли сотни спортсменов записаться в ОМСБОН – Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, которая входила в состав Четвертого (партизанского) управления НКВД. Среди них – 34-летний Григорий Пыльнов. Здесь они получали военное снаряжение и обмундирование. Бойцы бригады специализировались на разведке и диверсионной работе, в тылу врага формировали подполье и партизанские отряды, подрывали дороги, затрудняя врагу продвижение к столице.

11 января 1942 года отряд капитана Васина, в составе которого был младший лейтенант Пыльнов, на пяти грузовиках выехал из Москвы. В районе Сухиничей предстояло перейти линию фронта и действовать во вражеском тылу.

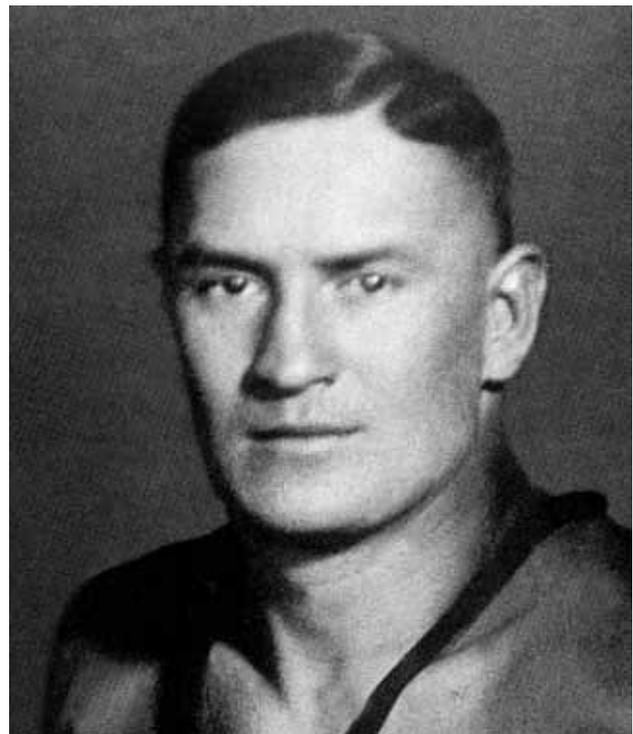
У деревни Попково отряд вступил в бой, пробиваясь к своему гарнизону, окруженному в Сухиничах. На пути советских воинов оказались танки 18-й танковой дивизии вермахта, перешедшей в контрнаступление. Два отряда под командованием Пыльнова, выставленные

в боевое охранение, первыми попали под удар...

Пыльнов погиб 24 января, как почти и все бойцы. Их подвигом враг был задержан на сутки, контрнаступление гитлеровцев сорвано.

На чемпионате 1944 года, после двух лет вынужденного перерыва, борцовская семья не досчиталась на параде участников многократных победителей, сильнейших борцов страны Г.Баева, А.Гонжи, С.Золотова,

▼ Григорий Пыльнов

▲ Чемпионы Европы Николай Белов, Константин Коберидзе и Иоганнес Коткас. Прага. 1947

И.Михайловского, Г.Пыльнова, О.Турунена...

В сорок четвертом Коберидзе победил в полутяжелом весе и был вторым в тяжелом, после Александра Мазура. В год Победы удостоился пятой золотой медали. Константин Ефимович – участник четырех турниров на звание абсолютного чемпиона. Кроме победного для него в тридцать девятом, выходил на ковер в 1940, 1943 и 1944 годах, заняв третье, второе, четвертое места и победил в 28 из 33-х схваток. Победители последних четырех турниров стал выдающийся эстонский тяжеловес Иоганнес Коткас.

Заслуженный мастер спорта (1943) К.Коберидзе, семикратный чемпион страны в классической борьбе, был победителем первого чемпионата СССР по самбо (1939), международных встреч с командами Чехословакии, Венгрии, Финляндии.

На главное событие в его спортивной биографии – 13-й чемпионат Европы по классической борьбе в Праге 1947 года. Секция борьбы СССР только вступила в Международную любительскую федерацию борьбы (ФИЛА). В споре сильнейших представителей 15 стран посланцы советской школы борьбы фактически держали первый серьезный экзамен. Они не имели достаточного опыта международных встреч, не знали своих противников, но были готовы к схваткам. Коберидзе – победитель в полутяжелом весе. Чемпионами Европы также стали средневес Николай Белов и тяжеловес Иоганнес Коткас. У Арама Ялтыряна – серебряная медаль, у Вячеслава Кожарского – бронзовая. Пять призовых мест и специальный приз за лучшую технику Николая Белова – высокий результат советской команды, которая уступила всего два очка шведам в командном зачете, но опередила финнов, итальянцев, египтян, турок, доказав, что ее уровень отвечает международному.

Появление посланцев нашей страны на международном ковре вызвало огромный интерес и у соперников, и у зрителей. Привлекал сам стиль советских борцов, характерные для него активность, решительность, смелость, постоянное стремление к острой борьбе на

приемах, к убедительной полной победе. Как свидетельствовал Константин Коберидзе, с каждой новой схваткой росли симпатии к участникам команды – когда после одной из побед он проходил через зрительный зал, его окружили несколько чехов и жеманами желали ему, подняв указательный палец, занять первое место. Они же первыми поздравили его, когда их желание осуществилось.

Послушаем рассказ Коберидзе, как проходила финальная встреча. Его соперник – неоднократный призер чемпионатов мира венгр Дьердь Ковач. «Когда я вышел на ковер, мне, разумеется, не была известна тактика, которую собирался применить против меня Ковач. «Что он мне предложит? – думал я – пойдет на обострение, на приемы, чтобы деморализовать меня? А может быть, наоборот, он будет строить свою борьбу на контрприемах или займется обессиливанием, чтобы в последние минуты, когда я, по его плану, буду утомлен, добиться победы?»

Я решил с первых же минут навязать венгерскому борцу свою тактику – активную борьбу на приемах. Смотрю – мой противник защищается, не хочет активной борьбы... В чем же заключатся его план? Это не легко разгадать, когда противник только защищается. Я решил все же его «раскрыть» и умышленно начал создавать ему удобные условия для проведения приемов, рассчитывая в любую секунду провести контрприем. Но Ковач не пошел и на это, не использовал, казалось бы, выгодных моментов для приемов. Я понял, что он ставку делает на то, чтобы утомить меня, а самому сохранить силы для финиша.

Венгр просчитался; готовясь к соревнованиям, я выработал в себе вполне достаточную выносливость.

Я на ходу перестроил свой план, перехватил инициативу и начал в свою очередь обессиливать Ковача, выводя его из устойчивого положения, все время держа в напряжении и заставляя много и бесцельно передвигаться по коврам.

Вскоре я почувствовал, что сопротивление венгра ослабевает. Должен признаться, что и мне было тяжело. Но мысль о том, что мои товарищи, моя страна ждут от меня победы, помогла мне мобилизовать все свои силы и волю. Я победил».

Вдумайтесь в этот внутренний монолог спортсмена, напоминающий ход мыслей в шахматной партии, не призвал ли в борец в решающий момент советы Пыльнова?

Между тем, молодежь отечественной школы борьбы расправляла плечи, и вот К.Коберидзе вместе с коллегами-тренерами Н.Чионовым и А.Солововым готовит молодежную команду борцов ко Всемирным студенческим играм 1949 года в Будапеште. Наша молодежная команда заняла общее первое место, а пять ее участников – М.Бабаев, А.Рыбаков, В.Илуридзе, С.Марушкин, А.Энглас стали чемпионами мира среди студентов, и еще трое А.Колмановский, Н.Белов и В.Николаев были вторыми.

Через два года К.Коберидзе – главный судья на Всемирных студенческих играх в Берлине – свидетель нового успеха наших борцов: все восемь заняли первые места и удостоились золотых медалей: М.Бабаев, А.Терян, Я.Пункин, В.Илуридзе, Б.Яковлев, Г.Картозия, А.Энглас и В.Николаев.

Есть в этом списке будущие чемпионы и призеры Олимпийских игр, чемпионы мира – те, кто подхватил эстафету побед старшего поколения.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Гостиница «Ориант»

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

«Рано поутру с балкона я увидел бурый, красноватый, крытый черепицей Тифлис, его восточную сторону. Над домами в прозрачном и неподвижном воздухе поднималось множество дымов; на мутной, быстрой Куре медленно поворачивались большими колесами большие плывучие мельницы...» Эти строки во время Первой мировой войны пишет в тифлисской гостинице молодой, но уже известный писатель. Ему еще только предстоит стать одной из самых противоречивых личностей в русской культуре прошлого века – яростным обличителем большевиков, белоэмигрантом, которого, по возвращении из Берлина, сам Сталин будет... лично опекать, а в литературных кругах прозовут «красным графом». В начале февраля 1915 года на Кавказский фронт, где шли сражения с турками, приезжает в качестве военного корреспондента газет «Русская мысль» и «Киевская мысль» Алексей Николаевич Толстой. Судя по пейзажу, который открывается ему с тифлисского балкона, остановился он или в «Гранд-отеле» или в «Лондоне». Здания, в которых располагались эти гостиницы, и поныне стоят у нынешнего Сухого моста. Но в их стенах уже совсем не гостиничная жизнь...

То был не первый приезд графа в Грузию, но первый

– в Тифлис. В 1911-м он побывал в Абхазии, практически после того, как к нему пришла известность. Стоит послушать некоторые отзывы того времени о нем. «Сейчас Толстой самый видный из молодых беллетристов... он уже настолько на примете, что даже неудачи его интересны». Это – Валерий Брюсов. «В нашей литературе восходит новая сила, очень вероятно, что это будет первоклассный писатель, равный по таланту своему однофамильцу. Я говорю об Алексее Толстом». Это – Максим Горький. «Положение мое упрочается, и все мне прочат первое место в беллетристике, не знаю, как это выйдет». Это – сам Алексей Толстой.

А вот Ю.Копельман, глава издательства «Шиповник», в котором вышла первая успешная книга Толстого, дает не менее лестный для молодого автора отзыв – договор ежемесячно платить 250 рублей лишь за право печатания его произведений, а за каждое из них – еще и отдельный гонорар. Именно он привозит, как сказали бы сейчас, «восходящую звезду», на Черноморское побережье – в имение родственников своей жены под Сухуми. В дневнике писателя тот приезд лишь обозначен краткими записями, но зато он порождает рассказ «Эшер», поначалу называвшийся «Речь», и повесть «Неверный шаг» (По-

весть о совестливом мужике)». Копельман публикует их и, таким образом, первое появление Толстого в Грузии приносит «навар» его издателю.

Между тем, судя по записям в дневнике, жизнь Грузии всерьез заинтересовала Алексея Николаевича. И вот – второй его приезд, уже не только как писателя, но и в роли военкора: «Я делаюсь корреспондентом, объезжаю Западный фронт, Волынь, Галицию, Карпаты, Кавказ...» Если говорить о Кавказе конкретно, то это – приморские линии фронта в Аджарии и, конечно, Тифлис. Толстой пробыл здесь около двадцати дней, отправляя фронтовые корреспонденции из Батуми и впитывая все, что увидел в грузинской столице. А она уже с вокзала встречает гостя темпераментом и колоритом, непривычными для северных широт:

«Обдав меня запахом чеснока, носильщик схватил чемодан, протолкался сквозь толпу солдат, горцев, всякого и по-всякому одетого галдящего люда и посадил в парный экипаж. Извозчик, молодой толстый армянин, повернул ко мне маленькую голову, обдал запахом чес-

▲ Алексей Толстой. 1915

нока и спросил: «Куда тебя везти?» Я никогда не видел большей сутолоки, чем на тифлисском вокзале 5 февраля, хотя в этот день ничего особенного не случилось, если не считать некоторых возвращающихся беженцев. В залах нельзя было протиснуться. У кассы стоял красный жандарм; видно, как прыгали его усы, открывался рот, но голоса не было слышно... Лакеи с тарелками кидались в тесноту и пропадали. Когда же разрешено было садиться, из зал на перрон вывалилась толпа, крича на девяти языках, и облепила вагоны; на площадках, отбиваясь от лезущих, громче всех кричали кондуктора, махая фонарями. Таковы здешние нравы: если можно, например, постоять, - человек стоит столбом до последней крайности, после чего начинает безмерно суетиться, будто ждет его величайшая опасность». Интересные наблюдения и вывод, не правда ли?

Вот – первое, что поражает Толстого, пока извозчик везет его в гостиницу: «Длинная улица была пустынно.

Высоко впереди в самом небе горели огоньки фуникулера». Восхищение северянина южной ночью и горой, возвышающейся прямо над городом, не исчезает в последующие дни: «В Тифлисе ночью пусто на улицах: кипарисы бросают тени на темные стены домов, кипарисы и тополя – за каждой оградой, по гористым переулкам; молодой месяц давно зашел; небо черное, звезды ясные, большие; над горой святого Давида блистает как алмаз, переливается Марс, правее его ослепительное созвездие Ориона. А ниже, у самой земли, звезды становятся желтыми точками. Это – огни на кругом лежащих горах». Уж, кто только не воспевал тбилисскую ночь, но это, согласитесь, одно из самых поэтичных ее описаний. И жаль, что оно не вошло ни в одно издание сочинений Толстого, а осталось лишь на страницах 37-го номера газеты «Русские ведомости» за 1915 год.

На живописные строки подвигает и старая часть города: «...От самой Куры стояли старые стены домов, такие высокие, что река, казалось, текла по дну глубокого ущелья; из дверей кое-где висели лесенки к воде; дальше, на азиатской стороне, видны серые минареты, купола и дымы; еще дальше, кольцом охватывали город каменистые и бурые холмы, и за ними горы, а еще дальше – снега». Ну, а на центральных улицах в глаза бросаются контрасты. Автомобили, роскошные экипажи, а рядом с ними – арба, которую буйволы тянут прямо по тротуару, ослик, груженный плетеными корзинами с грузом... Нарядные дамы в национальных лечаки, описанных Толстым как «низкие вышитые шапочки с длинными вуалями за спиной», блестящие офицеры, а между ними шныряют чумазы и босоногие мальчишки...

В общем, даже за то не очень долгое время, которое Алексей Николаевич проводит в Тифлисе, он настолько пропитывается духом этого города, что привносит его и в письма к жене – прямо перед отъездом в Грузию он женился на поэтессе Наталии Крандиевской. Прочтем некоторые строки молодожена. «...Я в Тифлисе, в гостинице, вымылся, лежу в постели, за стеной кашляет простуженный офицер. Ночь, Наташенька, южная, черна, звезды, большие, сияющие, «каких не бывает». На юге низко Марс, бриллиант, повыше его блистающий Орион... И тысячи созвездий – твоих мыслей – ведь это все ты, Наташа. Повсюду кипарисы – черные, высокие, на улицах пусто»... «В Тифлисе цветут яблони. Любовь моя, почему тебя здесь нет...»

Да что там проза! Тифлис вдохновляет влюбленного графа и на поэзию. Его стихотворение, посланное Крандиевской, нигде не печаталось целых шестьдесят три года – пока его не обнаружила и не доказала авторство Толстого доктор филологии Светлана Кошут. Впервые этот стих опубликован ею в 1978 году и, благодаря этому, мы можем услышать сейчас голос «очарованного странника»:

*Вершин блистающих алмаз
И воздух гулкий между ними.
Я повторю в горах не раз
Любимое навеки имя.
Кавказ! Из серебра вознес
Ты горы в небо голубое,
Я новую любовь принес
В твоё святилище земное.
В твои аулы, в ночь долин,
В ущелья, в дикие опушки,
Где так любили миг один
И Лермонтов, и юный Пушкин.*

▲ Мельницы на Куре

А еще в те февральские дни Тифлис потрясает гостя проводами в последний путь одного из великих сыновей Грузии: «...Мне довелось быть свидетелем похорон Акакия Церетели. Я видел, как осиротелый грузинский народ прощался с любимым поэтом, лежавшим в хрустальном гробу, как он оплакивал этого удивительного человека, которого любили и знали даже в самых глухих селениях. Тогда я понял, чем был для своего народа Акакий Церетели». В «Русские ведомости» отправляется очерк, в котором происходящее описано как в живописи – сильными, точными «мазками». В нем можно увидеть и столь впечатлившую Алексея Николаевича гору Мтацминда. Но не потому, что именно на ее склоне погребли Акакия, она – деталь общей трагической картины: «Закат уже потускнел наверху над горой святого Давида»... «Облака затаили полнеба, едва виден загнутый кверху месяц»... «Посреди поющей толпы – четыре вороных коня с высокими султанами везут открытую колесницу, на ней под двумя развернутыми траурными знаменами – хрустальный гроб»... «Несут коптящие факелы, затем в два ряда – черные свернутые знамена с золотыми копиями, хоругви»... «Прохожие поднимаются на скамейки»...

Он не забывает о Церетели и через четверть века после этих похорон, посвящая статью столетию со дня рождения Акакия: «Он воскресил, продолжил и углубил наследие Шота Руставели. Этот удивительный человек с умными, ясными глазами зорко видел далекое прошлое и отдаленное будущее... Он ценил и хорошо знал творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Некрасова, Льва Толстого. И он много почерпнул из литературного наследия русских собратьев... Ему были близки передовые идеи лучших людей его времени – Чернышевского, Добролюбова. Со вниманием он следил за развитием освободительного движения на Западе и в России...» Но это будет потом, а в 1915-м граф прощается с Грузией на целых девятнадцать лет. Тех лет, что вместили крутой, болезненный излом в его судьбе и породили столь неоднозначное отношение к нему у части больших русских литераторов.

Он бежит из России во время гражданской войны

– Константинополь, Париж, Берлин... Не будем сейчас вдаваться в подробности его эмигрантской жизни и возвращения на родину – ко всем этим перипетиям тбилисские стены не имеют никакого отношения. Хотя и в Париже Тифлис напомнил ему о себе – встречей с человеком, выросшим в этих стенах. «Сливки» эмигрантского общества сотрясал роскошной жизнью Леон Манташев – сын легендарного тифлисца Александра Манташева, крупнейшего российского нефтяного магната и филантропа, одного из богатейших людей своего времени. Леон умножил капитал отца, увлекался лошадьми и на Скаковой улице в Москве до сих пор стоит дом, украшенный его вензелем – бывшие знаменитые Манташевские конюшни. Причем помещение для коней было таково, что в 1990-х власти сочли возможным передать его Государственному академическому театру классического балета. «Нефтяной магнат, расточитель миллионов, липнувших к нему безо всякого, казалось, с его стороны, усилия, человек с неожиданными фантазиями, лошадиник, рослый красавец... Он занимал апартаменты в одном из самых дорогих отелей – «Карлтон» на Елисейских полях...», – таким Леоном описывает Алексей Николаевич. И не просто описывает, а делает одним из персонажей романа «Эмигранты».

И еще одна встреча эмигранта Толстого с тифлисцем, на этот раз – человеком взглядов, диаметрально противоположных его родному классу. На лечение в Германию приезжает заместитель председателя Совнаркома Грузии, бывший секретарь Тифлисского комитета РКП(б) Леван Гогоберидзе, и граф, уже подумывавший о возвращении в «Совдепию», просит организовать им встречу. Сестра Гогоберидзе вспоминает, что на этой встрече Толстой был в приподнятом настроении, много острил, с большим интересом слушал рассказы о советской стране и надолго уединился с приезжим в кабинете... Так что, в принятии окончательного решения о возвращении из эмиграции свою роль сыграл и один из лидеров тифлисских большевиков. Впоследствии расстрелянный той самой советской властью, которая приняла Толстого с распростертыми объятиями.

А когда, вернувшись, писатель начинает публиковать

произведения о жизни белой эмиграции, тифлисская газета «Заря Востока» успевае раньше всех в СССР напечатать, пожалуй, центральное из этих произведений. В номере за 25 мая 1924 года появляется «Повесть об одном обывателе (отрывок из повести Алексея Толстого)». Это – значительная часть повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», которая в журнале «Русский современник» начала печататься лишь с июня. Подобное, конечно, не происходит без ведома автора. И это ли не доказательство того, что связи Толстого с Грузией продолжались? Кстати, та же газета статьей Владимира Эльснера первой откликнулась и на «Парижские олеографии» – рассказ, написанный сразу после возвращения и впоследствии переименованный в «Убийство Антуана Риво».

Ну, а сам автор этих произведений мечтает вновь появиться в Грузии, предполагает сделать это в 1924-м, в 1928-м, но, из-за навалившейся работы, реализует мечту лишь в 1932-м. Правда, до Тбилиси, как и в первый приезд, не доезжает, проехав из Кисловодска в Батуми. От этой поездки остаются красочные наблюдения о Военно-Грузинской дороге, о Батуми и его Ботаническом саде, об аджарских горных ущельях и реках, строительстве ГЭС на Аджарисцкали... А потом, после отъезда, разлуку с Грузией ему компенсируют встречи в России с ее ли-

▲ Похороны Акакия Церетели

тераторами.

Вот в 1933-м, по приглашению редакции газеты «Известия» из Тбилиси приезжает большая писательская бригада, и Алексей Николаевич встречается с ней в Ленинграде. Он приходит к выводу, что «грузинские писатели и художники являются людьми большой европейской культуры», обсуждает планы издания книг с Михаилом Джавахишвили и Константином Лордкипанидзе. А вот Ираклий Андроников привозит к нему в Детское Село Тициана Табидзе, и Толстой, предвкушая эту встречу, пишет жене: «У нас в воскресенье обедает Тициан Табидзе. Это замечательный грузинский поэт, и я давно хотел познакомиться с ним». Встретившись, они говорят о многом, Толстой в восторге: «Он изумительно интересно все знает. И очень интересно рассказывает... В нем сохраняется та наивность, без которой поэта не существует». После – новые встречи, новые знакомства и полное единодушие – во время I Всесоюзного съезда писателей в августе 1934-го. И сообщение жене: «Вчера же говорил с грузинами, Табидзе, Паоло Яшвили и др. Они нас ждут». В общем, созревает очередной план поездки в Грузию. На этот раз выполнить его удается.

Появившись в Тифлисе с женой уже через месяц после съезда писателей, Толстой немедленно отправляется к Тициану. А к кому же еще! Но дома никого не оказывается, и он возвращается в гостиницу «Ориант» на проспекте Руставели, оставив у соседней записку о своем приезде. Прочитав ее, Табидзе, конечно же, развивает бурную деятельность. Он отправляет жену Нину к Толстым, чтобы отвести их на выставку Фирдоуси, проходившую в городе, а сам спешит по организационным вопросам – надо накрыть подобающий столь радостному событию стол. На выставке, как вспоминает Нина Табидзе, гость с «удивительным интересом рассматривал каждую мелочь» и успевал при этом знакомиться и оживленно общаться с местными художниками, писателями, артистами: «Толстой был как дома. И я впоследствии убедилась, что это была замечательная черта его характера: он по-домашнему шутил с новыми знакомыми, беседовал с ними о тысяче вещей, расспрашивал и в то же время рассматривал экспонаты выставки. Очень быстро вокруг него собралось бесчисленное множество людей».

За столом в «Орианте» помимо грузинских поэтов – режиссер Сандро Ахметели, актеры Акакий Хорава, Акакий Васадзе, много других творческих людей. Некоторые из них заходят не сразу: хохочут у дверей, слышав голос Толстого – им кажется, что мастер пародий Ираклий Андроников изображает гостя. А обед, по общему признанию, удается. Застольные песни так нравятся Толстому, что он много раз вспоминает о них, возвратившись в Россию. Но каким бы любителем поеть ни был граф, а одним гурманством тот вечер не ограничивается. Много говорят о литературе, обмениваются идеями, Толстой делится своими взглядами на работу писателя – «работать без перерыва», рассказывает, сколько времени уходит у него на роман и на пьесу, признается, что ненавидит карандаши: «Поклоняюсь только авторучкам... готов даже красть их, где бы ни видел. Это мой психоз». Вспоминает он и первый свой приезд в Тбилиси.

На следующий день – отъезд в Западную Грузию. Несмотря на то, что билетов у Толстых не было, все происходит чисто по-тбилиски. На вокзале один из провожающих, писатель Александр Кутатели встречает своего брата, уезжающего в Цхалтубо. А тот – не кто-нибудь, а заместитель командующего войсками Закавказского военного округа. И в мгновение ока салон-вагон высокого военного чина оказывается в распоряжении Толстых... Но, с шиком доставив их до Цхалтубо, красный командир не прощается с «красным графом» и его женой. Через несколько дней он везет их в свое родное село недалеко от Багдади – родины Маяковского. Там вместе с Ниной Табидзе и кинорежиссером Николаем Шенгелая гостей чувствуют инженеры, строившие в этих местах электростанции, местные старейшины.

Происходящее потрясает Толстого. Ему предоставляют право первым открыть самый большой квевери с «крахуной», и он, пробуя вино, приговаривает: «Это просто чудо, какое оно нежное, воздушное... Вот оно, в бутылке, а кажется, что куда-то испарится, уйдет, исчезнет в эфире...» Уж в чем-чем, а в винах Алексей Николаевич знал толк! Его особенно трогает, когда грузинские песни сменяются русской «Румяной зарею покрылся восток», он обнимает певцов, сам поет и танцует. В общем, когда через месяц он уезжает из Грузии, ему есть что с восторгом вспоминать многие годы. Увозит он и оправленный в серебро рог – подарок Нины Табидзе на обеде в «Орианте». И ставит его в рабочем кабинете рядом с самыми дорогими сувенирами... А через год Толстой появляется в Грузии уже с новой женой. Но не в Тбилиси, а в Га-

▲ Гостиницы «Гранд-отель» и «Лондон»

▲ Ираклий Андроников и Алексей Толстой. 1931

гра, ненадолго. Он очень надеялся приехать в 1937-м на празднование 750-летия со дня рождения Шота Руставели как член Руставелевского комитета, но помешала болезнь. Приходится ограничиться телеграммой, в которой – «пламенные поздравления и пожелания – вашей прекрасной Грузии, где живой поэзией звучит в каждом сердце роскошный стих Руставели».

Зато летом 1938-го – приезд уже не в качестве отдыхающего гостя. На встрече с литераторами в Союзе писателей Грузии Толстой делает доклад, в котором ставит давно волнующий его вопрос. Это – создание с помощью местных литераторов раздела грузинской литературы в задуманном им «Учебнике по истории литератур народов СССР». На встречах с грузинскими писателями он подчеркивает, что в этом разделе обязательно должна быть показана «атмосфера, в которой рождалось искусство слова», то есть связь литературы с архитектурой, живописью, музыкой: «Я надеюсь, что глава о грузинской литературе будет одной из самых блестящих в учебнике, потому что грузинский народ, помимо всей любви к родине, любит искусство большое, выходящее за пределы Грузии. Грузинские поэты, писатели, художники являются универсалами, то есть людьми большой европейской культуры».

Тот последний приезд Толстого в Тбилиси богат на встречу с такими универсалами. И вот, что вспоминает один из них, писатель Шалва Дадиани, друживший с Алексеем Николаевичем: «Во время своего пребывания в Грузии он почти не расставался со мной... Вместе со мной он осмотрел все достопримечательные места Тбилиси. Побывал в Мцхета и известном монастыре Джвари. Осмотрел хранящиеся в наших музеях ценности и рукописи». А дача Дадиани в селе Багеби производит на гостя впечатление тем, что оттуда можно «обозревать добрую половину Тбилиси». Вот и не хочет он идти обедать в дом, просит накрыть стол во дворе с видом на столицу Грузии. Он словно предчувствует, что больше уже не увидит ее. Что не суждено сбыться его намерениям приехать и через два месяца, и в 1940-м...

Но в истории русской и грузинской литературы остаются слова: «Мы, русские писатели и поэты...особенно любим и ценим прекрасную Грузию и сокровища грузинской культуры. Они открылись перед нами, древние сказочные клады»... «Я убедился, что Грузия создала все предпосылки Ренессанса и создала творения, равные Джотто, за два столетия до Джотто». Пожалуй, добавить к этому нечего.

Владимир ГОЛОВИН

НА СЦЕНЕ СТАМБУЛА

В рамках Международного фестиваля искусств в Стамбуле Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова представил спектакль «Гетто» по знаменитой пьесе Джошуа Собола в постановке художественного руководителя театра, лауреата Государственной премии Грузии, премии им. Котэ Марджанишвили Автандила Варсимашвили.

Гастроли в Турции стали продолжением юбилейного марафона, приуроченного к 170-летию Грибоедовского театра, который стартовал в Москве в декабре прошлого года в рамках Международного театрального форума «Золотой Витязь» на сцене Московского губернского театра под руководством Сергея Безрукова, театр с успехом показал спектакль «Холстомер. История лошади» и стал обладателем Гран-при.

Премьера «Гетто» состоялась 10 мая 2010 года в Батуми. 18 мая этим спектаклем была открыта вновь отремонтированная Большая сцена Грибоедовского театра.

Пьеса основана на реальных событиях 1942-1943 гг. и повествует о том периоде Второй мировой войны, когда в Вильнюсе, оккупированном нацистами, в еврейском гетто был создан профессиональный театр. Это трагическая история о том, как обреченные люди на пороге гибели противостоят судьбе посредством искусства, преданности театру и любви.

За эти годы спектакль был показан на различных международных театральных фестивалях, ему рукоплескали зрители Санкт-Петербурга, Одессы, Баку, Еревана, Каира.

Журнал «Иные берега» писал: «О чем же спектакль Автандила Варсимашвили? О Холокосте? О власти человека над человеком? О страхе перед жизнью и будущим? Нет, тема гораздо шире, а проблема, которую поднимает постановщик – глубже. Потому что гетто у него – это не территория, ограничивающая право на жизнь отдельно взятого этноса. Гетто Варсимашвили – это пространство культуры, которая во все века была выразителем духа и души любого народа. А носители ее – гарант жизни будущих поколений, во имя которых и следует ее сохранять».

О выступлении грибоедовцев в Стамбуле Автандил Варсимашвили рассказал «Русскому клубу»:

- Международный фестиваль искусств в Стамбуле – мероприятие, во многих отношениях необыкновенное. В организации фестиваля деятельное участие принимает Стамбульский технический университет. Правительство выделило на проект очень солидные средства, но исключительно с расчетом на то, что его реализацией будут заниматься молодые.

Фестиваль искусств в Стамбуле – многоформатная акция. В нем принимают участие театральные коллекти-

вы, музыканты, художники многих стран мира. К примеру, после нас свою постановку представил театр из Румынии, а через несколько дней дала концерт легендарная группа «Aerosmith». Грибоедовскому театру выпала честь открыть фестиваль – 29 апреля состоялась церемония открытия, а на второй день мы первыми из участников сыграли спектакль.

Принимали нас замечательно. Не могу не отметить, что нам создали замечательные условия – внимание, гостеприимство, пятизвездочный отель. Это важно для гастролеров, и мы благодарны за безупречный прием.

Наш спектакль мы сыграли, представьте себе, под открытым небом. В распоряжении организаторов имеется великолепный зал, в котором прошло открытие, и я даже поинтересовался, почему мы не играем в этом зале? Мне объяснили, что, по задумке принимающей стороны, они предлагают участникам нестандартные площадки, альтернативный формат. Для нас в огромном саду университета построили технически совершенную современную сцену, оснащенную идеальным светом и звуком, раскинули огромный шатер, где мы и выступили. Я просто не смог им отказать – мне очень хотелось поддержать эту прекрасную молодую команду организаторов в их новаторских начинаниях. И этот антураж очень подошел спектаклю. Дул ветерок – развевались платья актрис, листья, которые слетают на сцену во время спектакля, разлетелись по сцене, по саду... Это дало какой-то другой, замечательный эффект. Публика приняла наше «Гетто» великолепно – очень долго аплодировали, кричали «браво», брали автографы у актеров, просили сфотографироваться на память. Спектакль шел с субтитрами на турецком языке, которые мы подготовили заранее, так что постановку и поняли, и приняли. В зале было 300 человек, из них 250 – молодежь. А вот остальные 50 человек – это были известные турецкие актеры, режиссеры, драматурги. Кстати, я вернулся в Тбилиси с целой пачкой пьес – уже несколько драматургов обратились ко мне с просьбами поставить их пьесы.

Вы знаете, успех в Стамбуле дорогого стоит – это город искусственный и избалованный. Правительство Турции выделяет очень большие средства на развитие культуры. Стамбульцы понимают толк в хорошем искусстве. Тем важнее и ценнее тот восторженный прием, который оказали нашему спектаклю. Хочу отметить, что месяц тому назад в Стамбуле выступил Свободный театр со спектаклем «Механический апельсин» - с огромным успехом, а через месяц мы покажем там моего «Ричарда III». Более того, осенью в Турции состоится ретроспектива моих фильмов – я покажу пять картин, снятых в разные годы.

Соб. инф.

▲ Баадур Цуладзе

ЖИЗНЬЮ ПРАВЯТ СЛУЧАЙНОСТИ?

Самую главную роль своей жизни – актера и режиссера Баадура Цуладзе, он играет легко, виртуозно и со вкусом. Будущие киношники слушают его лекции с открытыми ртами, им тоже хочется такой судьбы в профессии, такой самодисциплины. Никогда он не позволял «душе лениться». Перечитал в детстве запоем библиотеку деда, не изменяет своей привычке и сейчас («Трактат о военном искусстве» Сунь Цзы – одна из последних книг). Его трудно лишить оптимизма – этого не смогли сделать ни сложные обстоятельства, пришедшиеся на детство и юность, ни наша теперешняя нестабильная жизнь.

Времена не выбирают, считает Баадур Цуладзе, нужно делать свое дело на десятку и тебя не забудут, даже если фильму энное число лет и снимался он в стране, которой уже нет.

- Батоно Баадур, не так давно вас пригласили в Москву, на передачу Малахова «Пусть говорят», посвященную фильму «Цыган». И ведь не забыли – хоть у вас эпизодическая роль в многосерийной ленте.

- К любой роли надо относиться, как к роли всей своей жизни. Головой надо отвечать за свою работу. Тогда непременно вспомнят, позовут и примут со всеми почестями (поездку и пребывание оплатил канал ОРТ). В «Цыгане» у меня роль торговца-азербайджанца, продающего шапки. Или что такого особенного делаю в «Буратино»? Авантюрист – трактирщик. Сто лет прошло,

а куда ни приду, все «Буратино» да «Буратино». Если меня режиссер просит – войди в комнату, подойди к окну и выглянь. Я выложусь в этом эпизоде полностью. Но некоторые думают, что можно не напрягаться, знаковые работы будут потом, все впереди. Так они и губят себя, дальше ничего о них не слышно.

Терпеть не могу, когда актеры жалуются: «Режиссер – глупец, сценарий – идиотизм, роль никудышная». Зачем тогда согласился на съемки?! Должна же существовать хоть одна мотивация. Если мне роль не нравится, значит, устраивает гонорар. Раз хорошо платят – не имею права сыграть так себе.

- Трудно поверить, но вы сами как-то признавались, что актерство для вас – случайный выбор.

- Нашей жизнью правят случайности, если приглядеться. Я окончил русскую школу (почему – расскажу потом) и собирался поступать в Москве. Тогда престижной для мужчин считалась профессия инженера, а для женщин – врача. Мама настаивала на МГТУ. Это был мой первый выезд за пределы родного Батуми. Ехал на поезде почти трое суток... В Бауманское меня брали без экзаменов, как золотого медалиста. Что, непохож? Отличники разные бывают. В том числе и такие неуправляемые, как я. Делами класса мало интересовался, приносил книжки и читал на задней парте, потому что программу опережал. Двоечники как раз сидели как мыши, боясь, что их вызовут. Меня же часто просили покинуть помещение, опасались неожиданностей. Так что не верьте стереотипам, я и студентов этому учу. Вернемся к инженерии. Училище не имело своего общежития, поэтому требовалась справка, что у меня есть крыша над головой. Раздобыть ее я мог бы в два счета – снимал комнату у паспортистки. Я обещал в Бауманском, что принесу справку на следующий день вместе с документами. Вышел из училища, а домой не хочется. В одном из справочных киосков спросил, где находится институт кинематографии. Я даже понятия не имел, кого там готовят. Но почему-то поехал в конец Москвы. Выбрал из многообразия факультетов режиссерский – там нужно было всего лишь прочесть стихи. Красота! В распоряжении целое лето. Ну, Москва, принимай в свои объятия. Вот она яркая жизнь – прехорошенькие девушки, концерты в парке культуры, Арбат... Мать, конечно, была в шоке. Принимал экзамены Ромм. Похоже, только я отнесся к поступлению во ВГИК так легкомысленно. Многие, как выяснилось, поступают 5-6 раз. Кругом сосредоточенные лица. Бормочут: «Эйзенштейн, раскадровка, типаж, монтаж...» После первого тура этих «эйзенштейнов», как ветром сдуло. А я, как ни странно, иду все дальше – второй тур, третий. Мандатной комиссии понадобилась справка со стажем работы. Тут-то я и сплеховал. Но ВГИК мне так понравился, что я пообещал себе сюда вернуться на следующий год. Никаких бауманских, Баадур!

- И отправились искать работу?

- Не совсем так. Справку на следующий год мне предоставил режиссер Сико Долидзе. Он снимал эпизод фильма «Песнь Этери» в одном из мтацминдских дворишков. А я там жил у родственников, слонялся без дела. Мацонщик и прачка исполнили свои куплеты, но режиссеру еще чего-то не хватало – он решил добавить двух поющих нардистов. Меня вдруг позвали: «Поди-ка сюда, нужен второй нардист». Наклеили усы. Объяснили – «играй в нарды и пой под фонограмму». Я забывал делать то одно, то второе. Сико Долидзе взорвался: «Или он или я!» Словом, меня вышвырнули со съемочной площадки, заявив, чтоб даже не совался в актеры

– непригоден! Правда, когда мне понадобилась справка о работе, Сико проявил истинное великодушие. По его характеристике, выданной для ВГИКа, получалось, что я чуть ли не первый человек на картине, и если бы не я, фильм бы не состоялся.

- Мэтр все-таки ошибся. Вы – заслуженный артист Грузии.

- Тут ведь какое дело, я стал пленником обстоятельств. В 1964 году, когда снимал свой первый фильм «Трое на берегу моря», в Союзе вышло постановление о формалистах. Хрущев посмотрел фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича» и создал такое постановление. Раз нашли формалиста в Москве, потом непременно следовало отыскать их во всех союзных республиках. Я очень как раз подходил для такого случая. Именитых режиссеров не тронули – неудобно. Досталось мне, Резо Эсадзе и Отару Абесадзе. Грузины же хитрый народ. Половину бюджета легче списать, чем бюджет целого фильма. Я же только начал снимать. Миша Кобахидзе позвал меня в свой фильм, правда, без гонорара. Так и завертелось.

- Как не проглядеть талант? Можно ли наверняка знать, из кого получится толк, а из кого нет?

- Я часто вспоминаю Леню Куравлева, он учился на параллельном курсе, у Бибикова. Его считали неспособным, просили не мучиться зря. Бибиков с сочувствием вздыхал: «Ленечка, ну не твое это». Куравлев из кожи лез, старался, репетировал. Результат вы знаете – один из лучших актеров. Так что, человеку нужно время, чтобы раскрыться. Я всегда жду. Этот ЕГЭ – полная чушь. Руководитель курса должен брать на себя ответственность и выбирать потенциально способных ребят. Тех, кто сдает «навыки» на отлично, я бы близко не подпускал к искусству. Человек, имеющий на все готовые ответы – не от искусства. Он лишь запоминает, но не мыслит. Если бы в мое время существовал такой предмет – «навыки», я бы нарочно отвечал не так, как предлагают авторы издания. Ну что за вопрос: «Как поступите, если в автобус вошла беременная женщина, а вы сидите?» Как может поступить нормальный человек?!.. Ясно, что не у нас эти учебники составляют, но и за рубежом есть бюрократы. У Маркса хорошо сказано – государство – частная собственность бюрократии. Мои студенты знают, что по режиссуре не получают оценку просто так. Профильный предмет, будь любезен трудись. Тебя же не тянули за руки в режиссеры. Раз имеешь такую претензию – называться режиссером, покажи себя.

- Вам легко говорить, у вас тяга к образованию наследственная – от деда священника Лаврентия.

- Многими хорошими качествами я обязан деду. Он и педагогом еще был. Возглавлял школу в Чанчати. Преподавал грузинскую и русскую словесность, закон Божий. Дед имел огромную библиотеку, но большевики не оставили от нее и следа. Лишь на чердаке остался сундук с книгами. На том сундуке я и вырос. В нем хранилась периодика из Питера, журнал «Западноевропейская литература», киза грузинских и русских книг, детская энциклопедия... Читал все подряд. Кое-что удалось сохранить до сих пор. Дед сотрудничал с журналом «Иверия», писал стихи. Дружил со многими выдающимися людьми того времени. Есть у меня дома раритет: табакерка – подарок от Важа Пшавела. Большевики упрятали деда в Метехскую крепость, но его авторитет был так велик, что один из надзирателей отпустил его под свою ответственность. И все-таки деятельность деда не давала покоя новой власти. Однажды ночью, когда он возвращался с крестин, на него напали три комсомоль-

ца и ранили насмерть – проломил череп маузером. Сыновья деда – мой отец Сократ и старший его брат Баграт – в то время находились в подполье, скрывались по лесам. Но, узнав о случившемся, отец вернулся домой. Умиравший дед так и не назвал ему имена убийц: «Я не хочу, чтобы ты мстил». Впрочем, деревня маленькая, шила в мешке не утаишь. Со временем информация всплыла наружу. По злой иронии судьбы те люди, убийцы деда, сгнили потом в лагерях. Я не забываю о том, что я – потомок священника. Конечно, всепрощению я не научился, но стараюсь.

- 1937 год – трагический для вашей семьи, как и для многих других. На 10 лет вы были разлучены с отцом.

- Мне исполнилось два года, когда отца арестовали по обвинению в заговоре против Сталина. Сестра родилась во время следствия. Полнейший бред, конечно, какой заговор? Отца бы и вправду расстреляли, не прояви он находчивость. Заявил следователю: «Я скажу, что вы с нами, что вы руководили нашей организацией». Тот испугался за свою шкуру и дал 10 лет ссылки в Сибирь, с последующим поселением там. Отец рассказывал, как они шли пешком в лютый мороз. Тех, кто не мог идти и падал, никто не подбирал. Но отцу повезло, его спас один врач, ехавший в санях, тоже заключенный. К врачу из-за его профессии проявили чуть больше уважения. Интеллигентнейший человек оказался: растер отца спиртом, долго приводил в чувство, а потом извинялся, что пришлось бить по щекам... Всем дали топоры, пилы и указали на лес: «Жить хотите? Стройте себе бараки». Мама отдала нас в русскую школу, потому что предстояло жить в Сибири. К счастью, не довелось. Хотя в Сибири я впоследствии побывал как артист. Отец и во время мирной жизни не забывал о том ужасе. Очень нервничал, когда я настраивал радиоприемник на «Голос Америки» и слушал джаз (уже 1956 год). Просил потише, чтоб соседи не слышали, не донесли. Но музыка Эллингтона уносила меня в сказку, я не боялся никого – ничего. Я не понимаю ностальгии некоторых по Союзу. Тот строй мне не нравился, да и этот тоже. Я всегда жил параллельной от государства жизнью. Помогал себе сам.

- Позиция сильного человека.

- Не умею роптать на судьбу и не боюсь сложностей. Когда приехал в Тбилиси по распределению из ВГИКа, 15 лет не имел своей квартиры. Ночевал, где придется – в подвале, у друзей, родственников. И так до 1976 года, пока не купил кооперативный дом. Все почему – в те времена действовал такой закон: тебя не берут в штат, если не имеешь прописки, но также тебя нигде не прописут, если ты не в штате. Заколдованный круг. Но я прекраснo себя чувствовал. Один из мужей Элизабет Тейлор, кинопродюсер Майкл Тодд говорил: «Были времена, когда я не имел и цента в кармане, но бедным я никогда не был». Бедность – это состояние духа, психология. И я порой не находил денег на трамвай, но бедным никогда себя не ощущал. Держал и держу форму, неизменно приветлив, весел, доволен жизнью, собой и людьми. Это и есть главное. Нытиков не любят, у людей своих проблем полно.

- Батоно Баадур, почему решили остаться холостяком? Ведь могли очаровать кого угодно?

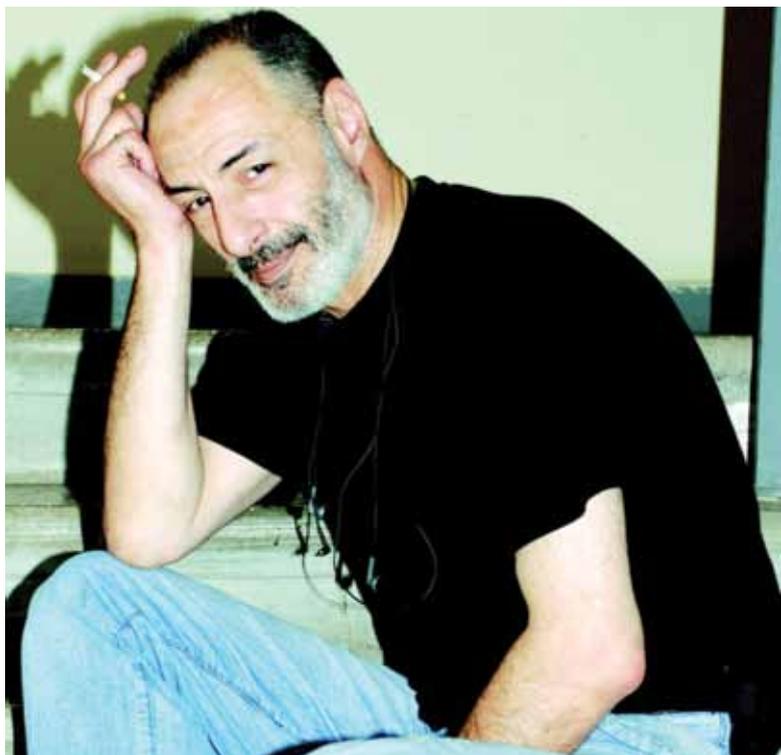
- И очаровывал. Все было – и увлечения, и большая любовь. Во ВГИКе даже шутили про эпоху Цуладзе. Но я же, как буриданов осел: тот растерялся от выбора, все думал, с какой охапки сена начать.

- С вами интересно общаться.

- Приходите еще. А сейчас мне пора к студентам.

Медea АМИРХАНОВА

АКТЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ АСКЕТОМ

▲ Зураб Кипшидзе

Наверное, не найдет зритель, равнодушный к творчеству и личности Зураба Кипшидзе, ведь он относится к той плеяде мастеров сцены и экрана, каждая работа которых привлекает пристальное внимание. Кипшидзе – это глубина, «умная игра», профессионализм, филигранная актерская техника. Недавно боржомские зрители аплодировали своему любимцу – актеру, отметившему 60-летний юбилей. Встреча со зрителями, состоявшаяся в Доме культуры, прошла под эгидой грузинского представительства Московского международного кинофестиваля «Золотой Витязь». А блестящая идея провести вечер именно в Боржоми родилась во время встречи руководителя представительства, киноведа Дали Окропиридзе с митрополитом Боржомским и Бакурианским отцом Серафимом, во многом благодаря участию которого и произошло это замечательное событие. Отец Серафим не только стал инициатором вечера, но и благословил его. Помогли осуществить задуманное меценаты Автандил Бараташвили и Темур Чкония, радеющие за судьбы культуры. Поддержку оказали муниципалитет Боржоми и его гамгелели Димитри Беридзе, а также телекомпания «Имеди» и телекомпания Грузинской патриархии «Эртсуловнеба».

В творческом вечере приняли участие известные деятели культуры Майя Бараташвили, Резо Чхеидзе, Баадур Цуладзе, вокальный ансамбль «Тбилиси».

«Очень редко, когда выдающийся артист одновременно является и большой личностью. К этой нечасто встречающейся породе людей искусства относится Зураб Кипшидзе, внесший значительный вклад в развитие отечественной и мировой культуры. Не зря Президент МКФ «Золотой Витязь», актер и режиссер Николай Бурляев в поздравительном послании от своего имени и от имени всего Союза кинематографистов России назвал Зураба «рыцарем грузинской культуры», долгие годы представляющим для россиян любимую Грузию...» - рассказала Д.Окропиридзе.

Уже после творческого вечера с артистом бесе-

довала корреспондент журнала «Русский клуб». На интервью Кипшидзе пришел не один, а вместе с любимой собакой Багирой.

- Это кане корсо – такая порода, - пояснил актер. - У меня и раньше были собаки – овчарка, коккерспаниель. Овчарка погибла, но я снова взял собаку. Даже вопреки собственной воле. И не жалею. Багира у меня такая умница.

- А не боитесь новой привязанности?

- Боюсь. Животные уходят из жизни раньше нас, и это всегда очень больно. Собаки дают нам столько тепла, добрых, умных эмоций! Поэтому я просто не могу жить без Багиры. Она как дочь! Она все время со мной. Багиру выпускают вместе со мной в аптеку, гастроном, театр. Она ведь очень добрая, умная, контактная.

- Иной раз приходится слышать, что если человек обращает свою любовь к животным, значит, он в чем-то не удовлетворен своими отношениями с людьми.

- Я с этим не согласен, наоборот, животные учат нас жить и общаться с людьми. Моя, например, умнее, чем некоторые люди. У собак можно много чему поучиться. Первым долгом – верности. А еще – такту. Багира очень тактична, никому никогда не мешает, никого не беспокоит. Потрясающая собака!.. А овчарка однажды просто спасла жизнь мне и моим близким, когда мы могли запросто погибнуть от угарного газа...

- Наша беседа происходит в пасмурную погоду. Вам лучше работается в такой день или предпочитаете солнечную погоду?

- Когда-то я любил пасмурную погоду – ее еще называют «вино-водочной». А сейчас у меня в дождливую погоду возникают проблемы со здоровьем. Хотя в каком настроении, состоянии я бы не был, на сцене все болячки куда-то улечучиваются. Я обо всем забываю, что-то включается...

- А не чувствуете ли иногда, что вам просто не хочется выходить на сцену?

- Если работа хорошая, если что-то состоялось, этого не бывает. А когда участвуешь в каком-то недораз-

умении, когда и тебе плохо, и спектакль не тот, и публика не ходит, то устаешь, конечно... Вот уже пятнадцать лет мы, Михаил Гомиашвили, Алеко Махароблишвили и я, играем на сцене театра Марджанишвили спектакль «Арт-искусство» Я.Резы в постановке Темура Чхеидзе. За эти годы были разные спектакли – более или менее удачные. Со временем, конечно, актерами привносятся что-то лишнее. Но когда Темур Чхеидзе приходит на репетицию и делает маленькие коррективы, готовит нас к спектаклю, все проходит здорово. Мы уже столько лет играем «Арт-искусство», и есть зрители, которые видели спектакль чуть ли не двадцать раз. Двадцать раз смотрят вроде бы одно и то же, но это совсем не одно и то же! Конечно, с годами что-то обязательно меняется. И если спектакль все еще нравится зрителям, это счастье. К сожалению, ничем новым похвастаться не могу. Большие надежды я связывал со спектаклем «Сирано де Бержерак» Э.Ростана в театре музыки и драмы. Мы с режиссером Давидом Доиашвили уже фактически сделали первый акт, шли прогоны, начинали работу над вторым актом. И тут у нас возникли пустяковые разногласия, в результате которых мы с Доиашвили расстались. Это первый случай в моей жизни, когда я искренне сожалею, что так произошло. Я виноват, конечно, и уже не раз извинился. Но и Доиашвили

▲ Сцена из спектакля «Арт-искусство»

тоже хорош, все-таки нужно было по-христиански отнестись к человеку, учесть уязвимую нервную систему актера, простить его и продолжить работу, в которую было вложено столько труда, энергии, здоровья! Случаются недоразумения, но они должны все-таки как-то разрешаться. Конфликт не должен мешать делу. Это все равно, что ребенка бросить на полпути.

- А сами вы легко прощаете?

- Сравнительно, да. Стараюсь, во всяком случае. Смотря о каком прощении речь идет. К примеру, дама тебе изменила... Если очень ее любишь, то все равно простишь, конечно. В памяти, естественно, все остается, но в принципе я все-таки прощаю – и мужчин, и женщин. Это имеет прямое отношение и к творческой, деловой сфере. Какие-то связи все-таки дороже, ценнее, чем обиды. Легче, лучше сохранить отношения, нежели убежать куда-то, надуться и ворчать.

- И все-таки что для вас совершенно неприемлемо в отношениях между людьми?

- Когда тебя предают. Все очень банально. Изме-

на есть измена. Допустим, тебя подставили. Дружим, и вдруг выясняется, что дружим не просто потому, что дружим, а из-за чего-то. Но прощать все-таки надо. Потому что никто не знает, что с ним произойдет завтра. Может быть, ты окажешься в такой ситуации, что, сам того не подозревая, кого-то предашь. Это очень сложная вещь...

- Что для вас наивысшее счастье?

- Мешают жить здоровье, годы. Есть в США институт, в котором работают психологи, философы. Так вот, они выяснили, что у актера перед премьерой предынфарктное состояние. Единственное, что его спасает от инфаркта, – это аплодисменты. Если что-то получится, если кому-то хоть чуть-чуть понравится то, что ты делаешь, это огромное счастье.

- В последний раз когда вы испытывали это чувство счастья?

- Я его испытываю по сей день, несмотря на то, что премьеры давно не было. Каждый спектакль – это будто ты ничего не знаешь, будто все впервые: первый раз в первый класс. Я вижу у вас портрет Георгия Товстоногова (в комнате, где происходит интервью) – он учитель и моей матушки, актрисы Елены Кипшидзе, и моего педагога Михаила Туманишвили. Товстоногов запустил нас на международную орбиту с «Дон-Жуаном» Мольера после питерских гастролей. Это было счастье!

Не нужно стыдиться делать на репетициях все, даже глупости. Актерская профессия так устроена, и существует режиссер для того, чтобы наши глупости почистить и рафинированно поставить на место. Это удивительная, штучная профессия – режиссер, дирижер. Если режиссера нет, плохо! Я не верю, что актер сам что-то сделает... Актер в спектакле – это как музыкант в оркестре. Что он может сыграть без дирижера?

- Но есть все-таки актеры – исполнители, а есть и такие, что дополняют, углубляют режиссерское решение, находят новые краски.

- Конечно. Если режиссер предлагает что-то интересное, если этот материал тебе нравится, то ты, конечно, дополняешь, проявляешь свою индивидуальность. Режиссер тебя потому и взял, что знает: ты сам из этого что-то сделаешь, добавишь, а не испортишь. Но нельзя хулиганить, нельзя менять магистральный путь. Потому что это и сложно. Наша нервная система оголена, и все «проводочки» наружу выходят. Я имею в виду серьезные дела, а не то, как иногда говорят: «Пришел в театр, отыграл и ушел». Вот это я ненавижу! Серго Закариадзе каждый раз выходил на сцену как впервые. Актер не имеет права вести себя как мэтр. Сыграл какую-то роль, получил аплодисменты, взял вторую роль, что-то еще сделал... и уже кум королю! Если актер каждый раз перед выходом на сцену не будет чувствовать себя студентом первого курса, хотя в заглавнике у него есть мастерство, интуиция, то все – вранье! Каждая роль – это рождение чего-то нового, а рождения без мук, боли не бывает. Зато потом наступает настоящее счастье. Если, конечно, все получится. А вот без режиссера ничего не получится, я так думаю, это мое твердое мнение.

- То, что вы сейчас сказали о самоуверенных актерах, кажется очень распространенным явлением. Как раз ваше отношение к профессии становится чуть ли не анахронизмом. Ведь сегодня сформировался совершенно другой актерский тип.

- Может быть, и мне это очень не нравится. Это все от нехватки знаний происходит. И это очень простой ход, простая дорога. Порисоваться, потусоваться, где-

▲ С Алеко Махароблишвили и Михаилом Гомишвили

то мелькнуть на экране или в рекламе. Да, мы сегодня очень «звездим», и я этого терпеть не могу. Нужно быть уверенным в себе, но эта уверенность не должна переходить в фанфаронство. Нельзя становиться самоуверенным болваном. Актерская профессия – это серьезное дело. Это совсем не то, что я думал в детстве: где-то кто-то в чем-то показался, нарисовался, стал популярным. Нет, актерская профессия – другое. Это Михаил Чехов знал. Это знали актеры СССР, где ничего за это не получали. Они не имели почти ничего, кроме фанатической любви к профессии и профессионализма. До сих пор многие из них остаются почти нищими. У них такие же проблемы, как у каждого простого смертного. А ведь актеры должны завораживать зал. А завораживать кого-то – это не значит быть самовлюбленным болваном. Актерская профессия – это адский труд. Прав Станиславский, сравнивший актерскую профессию с трудом шахтера. По большому счету, это так. Почему нужно знать свою профессию? Чтобы когда ты играешь одно и то же в сотый раз, не вспоминать предыдущий спектакль. Если ты будешь вспоминать реакции зрителей или какие-то твои ходы, на которые кто-то как-то отреагировал, ничего хорошего не получится. Мастерство в том-то и состоит, что ты все делаешь, словно в первый раз, впервые открываешься перед зрителями и сам не знаешь, что делаешь. И за этим следить гораздо интереснее, чем за тем, что ты повторяешь из раза в раз позавчера, вчера, повторишь завтра.

- Хороший актер, как говорят, работает ни по системе Станиславского, ни по системе Чехова, ни по системе театра Кабуки или Брехта – он вне любой системы.

- Когда ты будешь все знать, всему научишься, изучишь того же Станиславского, тогда вперед. До Дмитрия Менделеева были известны химические элементы, но именно он создал периодическую систему, которая перевернула мир. Так и Станиславский перевернул представления об актерском мастерстве, сценическом действии. Когда ты это хорошо знаешь, когда ты научился системе Михаила Чехова, когда ты видел спектакли Питера Брука, тогда и у тебя начинает что-то свое проклевываться. Словом, нужно хорошо учиться, чтобы потом показать свое отношение к миру, свою индивидуальность. Чем мы больше знаем, тем мы богаче, богаче наш потенциал. Это, конечно, приходит с опытом. Но можно и в молодости все это успеть, просто нельзя лениться и пренебрегать знаниями. А вообще актер должен быть по большому счету аскетом. Он не имеет права пить, ловить кайф, если уж мы говорим о каком-то идеальном варианте. Получается, что актер

– это и спортсмен, и философ, и еще какой-то сумасшедший с обнаженными нервами.

- Вы говорите об аскетизме. А как познавать темные стороны жизни?

- А я вот не знаю. Многие актеры и спотыкаются на этом деле, потому что познают жизнь слишком бурно. Вот у них все и прекращается очень рано. К сожалению, таких случаев немало. Можно назвать имена многих талантливых людей, ушедших молодыми. Олег Даль, Александр Кайдановский, Александр Абдулов... Олег Даль – это же актер хай-класса! А Кайдановский? Когда я спросил его: «Что ты там натворил в «Сталкере»?», он ответил: «Это не я, не я! Это все он, Тарковский натворил!» Знаю, что у Кайдановского было очень много кошек в доме, и он сильно пил. Понимаете, срываемся мы! Все это очень сложно объяснить.

▲ На открытии вечера

- Если в театре Михаил Туманишвили был вашим гуру, то в кино такой встречи не состоялось, не так ли?

- Пожалуй. Несмотря на то, что я снялся в семидесяти картинах, доволен я, может быть, только двумя. И то разве что каким-то одним проходом.

- Например, в какой картине?

- «Путешествие молодого композитора» Георгия Шенгелая. Там у моего героя Элизбара Церетели есть один проход. В этой сцене я почти ничего не делаю. У меня убили брата. Мой персонаж, культурный, рафинированный, интеллигентный человек, не может в это поверить... Были маленькие удачные моменты и в картине Зазы Урушадзе «Три дома», в которой я сыграл одну из главных ролей. У Тенгиза Абуладзе я озвучил четыре роли в «Покаянии». Он удивился: «Почему я до сих пор тебя не знал? Я бы тебя снял!» Откуда я знаю, почему не знал? Не случилось... Мне очень нравится работать в кино, несмотря на то, что там совсем другая система, другие чувства. Но это потрясающая вещь! Правда, это не от тебя зависит. Это зависит от режиссера, от случая. Важно в нужный момент попасть в нужное место.

- Как относитесь к числу 60?

- Я свой возраст не чувствую. О возрасте напоминают болячки. Конечно, я стал мудрее и не допускаю тех ошибок, которые делал раньше. И все-таки изнутри я все еще дурной молодой парень, хотя внешне, конечно, меняюсь. Сегодня происходит переоценка ценностей. Какие-то ошибки я бы не повторил.

- Например?

- Я бы никого не обидел. Изучал бы языки. Знал бы не только грузинский и русский, но и английский. Я его знал – воспитывавшая меня тетя преподавала английский язык. На улице тогда кто-то сказал мне, что знать английский – это позор. Был, представьте, такой период! Вот такие детские шалости превращались потом в очень большие проблемы. Кто-то говорит, что если бы я родился в другом месте, то был бы больше востребован, и жизнь по-другому бы сложилась. Но это не серьезные разговоры.

- Значит, к сослагательному наклонению относитесь плохо?

- Не очень серьезно, потому что много чего от нас совершенно не зависит, происходит независимо от нас. Существует судьба, рок, даже космические какие-то переплетения, от нас не зависящие. Как есть – так есть. Что произошло, то произошло. Могло бы быть лучше и больше. Я уже вам сказал – у меня много фильмов. А мне дорог какой-то малюсенький проход. Какой-то взгляд, фраза. В театре удач гораздо больше, хотя меня считают трудным актером. Но почему-то мне не стыдно за то, что я сделал в театре, за те семь-десять ролей. Вот за это я отвечаю! Какие-то лучше, какие-то хуже, но я не халтурил, делал все на сто процентов, до конца... Для себя, перед собой мне не стыдно. Хотя, может быть, кому-то и не нравится то, что я сделал. Может быть, можно было и получше, но это уже другой вопрос. Но я все делал честно, открыто.

- Какое событие в вашей жизни вы считаете наиболее важным?

- В жизни очень много важных вещей. Важно, когда что-то происходит с родителями – хорошее или плохое. Важно, когда рождается сын, дочь, внуки. Важно, что я получил премию «Ника» за роль второго плана в фильме «Время танцора». Мне это дорого. Роль в этом фильме очень выигрышная... Когда актеры говорят, что им безразлично, нравятся они или нет, они лукавят. Очень важно, когда тебя ценят. Чтобы не было инфаркта. Получаешь аплодисменты, и это уже очень здорово.

- Сегодня вы чаще вспоминаете что-то или думаете о будущем?

- Больше вспоминаю, потому что есть что вспомнить. Я ж пессимист. Говорят, что пессимист – это хорошо информированный оптимист. Но я все-таки на что-то надеюсь. То есть 60 – не такой уж возраст, чтобы упасть... Правда, с болячками трудно, но все-таки можно что-то сделать. Даст Бог, получится. Встречу еще раз такого человека, как Михаил Иванович Туманишвили или Темура Нодаровича Чхеидзе. Или появится такой режиссер, как Давид Доиашвили

- Это какой-то несостоявшийся роман.

- Да-да! Доиашвили, который умеет, знает, чувствует – очень здорово!

- Хотя он совсем не похож на Туманишвили и Чхеидзе.

- Совсем не похож, да и не надо. Разные режиссеры, разные произведения, разные подходы. По-моему, это правильно. Хотел бы встретиться в работе с Робертом Стурюа, хотя вряд ли он меня возьмет. Но я с удовольствием с ним поработал бы. Мы с ним уже встречались в работе над спектаклем «Жизнь есть сон». Несмотря на то, что мне многое тогда не нравилось – отношение партнеров, например. Говорили: «Робик, он сделает!» Он-то сделает, а что сделаю я? Я ведь должен что-то сделать на этой сцене сам. Но, несмотря на трения, я был очень доволен. Роберт действительно талантливый

человек и с ним очень интересно работать. Вот есть такой замечательный актер, как Автандил Махарадзе. Он не работает в другом театре – он ждет Стурюа!

- Назовите последнюю книгу, которую вы прочитали.

- Я очень люблю читать. В детстве и юности меня привлекала художественная литература, а сейчас больше тяготею к эссе, воспоминаниям, размышлениям. Того же Мамардашвили время от времени перечитываю. Хочется казаться умнее, чем ты есть на самом деле, и вспомнить книги, которые прочел, но я сейчас не буду этого делать. Последнее, что я прочел, – это книга Батиашвили об архитектуре, об отношении к прошлому города.

- Главная мысль, к которой вы пришли в свои 60?

- Мне немножко не по себе. Почему-то я часто думаю о смерти. Может, это откуда-то изнутри идет? Это со мной происходит давно. Я ведь пережил клиническую смерть. Нет, я не боюсь смерти как таковой – просто думаю об этом. Главное – не мучится, а спокойно уйти из жизни, когда нужно уйти, когда тебя позвали и где-то ты нужен больше, чем здесь.

- Верите в то, что со смертью ничего не заканчивается?

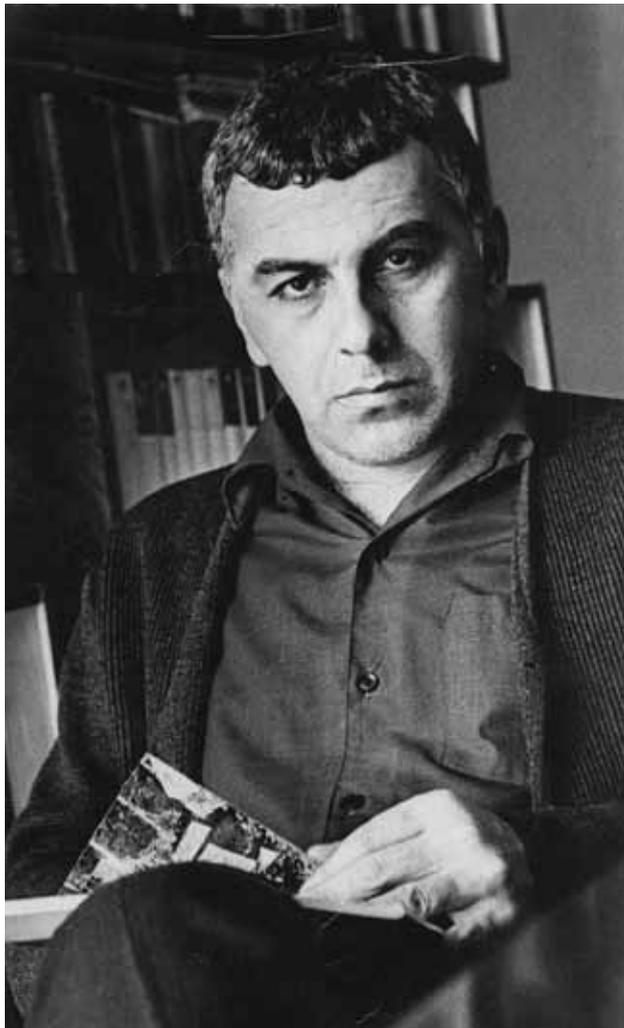
- Конечно, верю. Я это точно знаю. Есть определенные моменты не только собственной жизни. Есть философия, которая позволяет думать о том, что существует жизнь после смерти. Это и буддизм, и христианская

▲ С отцом Серафимом

философия. Когда это знаешь, чуть-чуть легче жить. Страх есть, ну и что? Мне просто грустно, когда любимые и даже очень известные люди уходят, и о них забывают, словно их и не было. Мне от этого не по себе. Не потому, что я умру, и меня точно так же забудут. Просто я этих людей очень любил, а их никто не помнит и не знает. К примеру, Павла Луспекаева взяли и забыли. Помнят только «девять граммов в сердце», а ведь он потрясающе работал в театре имени А.С. Грибоедова. Такие люди ушли из жизни! Рамаз Чхиквадзе, Эроси Манджгаладзе... Это было очень сильное поколение, на котором мы выросли и учились. Волнуюсь о молодых. Это поколение совсем даже не плохое, в чем-то даже потрясающее. Просто их нужно готовить, обучать, воспитывать. Мы немножко виноваты перед ними. У них есть рвение, талант, но мы не очень хорошо учим их жить. Показываем какие-то совершенно кошмарные примеры – исторические, политические, социальные. Но они еще молодцы, держатся!

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Тамаз Бибилури

ОН И В ПРОЗЕ ОСТАЛСЯ ПОЭТОМ

К 80-летию со дня рождения Тамаза Бибилури

Первое, что бросается в глаза и привлекает внимание читателя Тамаза Бибилури – культура письма, богатая лексика и поэтичность. Эти замечательные качества он сохранил до конца и до конца оттачивал свое мастерство. Тамаз Бибилури был писатель и журналист высокого класса, человек редкой начитанности и образованности. Он прекрасно знал русскую классическую и современную литературу, очень ценил Тургенева, Лескова, Бунина, особо выделял Чехова, знал современных русских писателей.

Основной темой его творчества стала грузинская, точнее – кахетинская деревня, что неслучайно – родился и вырос он именно там и досконально знал людей, их быт, обычаи, заботы, все это было его родное, понятное. И все это получило живое, правдивое и художественное отражение в его творчестве. Кроме знания материала, внимательного зоркого глаза и чувства

юмора, он владел даром повествования и мастерством диалога.

Здесь трудно не вспомнить один из его рассказов, написанный в сказочной манере «О бедной старушке», который повествует о семье Гогниаури. Сюжет его прост. Трое братьев-лентяев Гогниаури задумали поделить свое до смешного малое хозяйство. Изгнанная из дома в подсобку бабушка с большим неудовольствием подслушивает, как внуки договариваются о разделе, на ее взгляд, все должно остаться лишь одному из них без всякого раздела. Рассказ построен на тонко подмеченных деталях и привлекает непосредственностью и юмором.

Нельзя не упомянуть двухстраничный рассказ, вернее, зарисовку с натуры, являющийся фактически диалогом двух встретившихся в набитом пассажирами автобусе много лет не видевших друг друга людей «Прощание». Женщина и мужчина, уже постаревшие, видимо, с юности не встречались и подробно расспрашивают друг друга о жите-бытье, о семьях друг друга. Женщина сходит раньше и прощается. Прощание это символично – верно, она знает, что уже не доведется встретиться, и говорит ему: «Если обо мне что услышите, приезжайте, не поленитесь».

- Не беспокойся!

- Да, да, приезжайте. Мы ведь близкие, вам следует приехать».

Мужчина уже не отвечает. Женщина окидывает его прощальным взглядом».

В статье «Прототипы» автор пишет: «Ее фраза («если обо мне что услышите...») потрясла меня своей суровостью и грустью».

Большой успех у читателей и критики имел первый роман Тамаза Бибилури «Для семи голосов и жаворонка». Второй его роман – «Помоги, сказал он» - плод раздумий о людях и мире, ими создаваемом, умудренного жизнью человека. Философским осмыслением событий и характеров, манерой повествования он напоминает шедевр Георгия Шатберашвили «Солнце мертвых» и, в то же время роман-басню типа Кафки. Автор использует хорошо известный в литературе прием – повествование идет от лица гареджийского монаха Зосиме. Хотя роман совершенно самобытен, в нем звучат отголоски гениальных эпических творений Важа Пшавела «Алуда Кетелаури», «Гость и хозяин», «Зме-еед», в которых одна деревня представляет собой модель всего мира. Во вступительной части романа прямо говорится: «Одна маленькая деревушка вмещает в себя страсти и борения всей земли. Деревня – собранная в кулак уменьшенная Земля».

Монах Зосиме – друг детства и юности старейшины деревни Георгия Белиаури, живущего в уединенной серой башне. Георгий наследует эту высокую должность от отцов и дедов. В романе отчетливо проступает мысль, как неограниченная власть меняет некогда простого парня и высвечивает в его натуре совсем иные черты. В этом романе проявились глубокое знание автора наших сказаний, верований, ритуалов, народного театра, карнавалов.

Венцом творчества Тамаза Бибилури, самым привлекательным его произведением, на мой взгляд, являются «Времена года», написанные им по настойчивому совету известного грузинского литературного и общественного деятеля, писателя, переводчика художественной литературы Вахтанга Челидзе.

«Как проходил в нашей деревне целый год, с появ-

ления первых почек на ветках и до желтого листопада, следом за которым поспешала белая зима?

На этом свете у каждого есть своя деревня. Вот и я вспоминаю свою старую деревню, деревню моего детства и юности. Порой и загрущу, печаль меня одолеет. Что ж поделаешь, человека не осудишь за печаль. Печаль и грусть приносят воспоминания, а я ведь начинаю вспоминать. Хочу вспомнить мою деревню», - так пишет автор, и читателя так же охватывает грусть по той деревне, в которой родился и вырос автор, которой, увы, уже не существует.

Исток, начало и сердцевина всего в повести – лес, который автор рисует с особой любовью, с благодарностью.

Сегодня, когда уникальные леса Грузии были подвергнуты варварскому уничтожению с целью наживы, когда ценнейшая древесина была чуть не на корню за продана за рубеж, когда флора и фауна понесли тяжкие, часто невосполнимые потери, а целые деревни смело с лица земли оползнями, эта книга приобретает особое значение.

«Лес укрывал нас от ветра и холода. Он хранил для нас источники и ручьи. Давал начало рекам. Лесом были живы птицы и животные... Лес давал нам кизил и дикую грушу-панту, каштан и лесные яблочки-мажало, мушмулу и пшат, лесные орехи и желуди. В лесу нарезал крестьянин колья для виноградника и огорода... Из дерева делалась колыбель для младенца... и балка-основа для дома (обязательно из дубового дерева!)...» И все это украшалось искусной резьбой по древней традиции. Крестьянин знал, что срезать и как срезать – и когда. Без нужды и без головы топором не махали. Лес берегли.

Тамаз Бибилури до боли любил свою деревню Вачнадзиани. Это знали все его близкие и читатели его произведений. Какая темная сила навалилась или какая беда стряслась, из-за которой он навсегда покинул родное гнездо? Об этом мы узнаем из его записок «Заупокойный тост за прошлое». Эпиграфом к запискам он избрал строки из «Древа желаний» высококочимого им Георгия Леонидзе, в которых поэт приглашает на свой деревянный балкон тени дорогих ушедших. В записках мы читаем:

«Дом в Кахетии мы продали. Причина была очень «проста». Кто-то написал письмо моему отцу, положи, мол, на такое-то место деньги (думал, что мы богатые, что ли), иначе уьем твоего Тамаза. Отец дал мне прочесть это письмо. Я прочел, засмеялся и порвал письмо. Отец удивился. Через это письмо, говорит, мы, может, узнали бы кто его написал. Не нужно, - ответил я. - Но и жить в той деревне, где могут меня убить, тоже не нужно. Я не был трусом. Этого чувства и сейчас у меня нет. Просто мне разом все опротивело. На второй же день обрадованный отец продал дом и усадьбу и мы купили однокомнатную квартиру на Сабуртало (прим. район в Тбилиси).

Разве стоило из-за одного негодяя отринуть от себя Вачнадзиани? Но тогда ничего другого я не мог.

На протяжении лет в тех краях я не бывал».

Для Тамаза Бибилури, человека тонкого, поэтичной души, не было ничего лучшего, чем созерцание усеянного звездами ночного неба. Вероятно, он помнил строки «Божественной комедии» великого Данте, которые следовали за каждой песней рефреном и воспевали космическую всеильность любви, когда он писал следующее: «Рассеянные по вселенной планеты не ведают существования друг друга. Но есть сила, которая

управляет их гармонией и думается мне, если объяснить просто, эта сила есть любовь».

Этой же великой силе посвятил Акакий Церетели свой красивейший гимн «Восхваление», созданный во славу Творца.

Есть еще одна записка Тамаза Бибилури, сделанная совсем незадолго до смерти (как раз тогда мы с Гиви Гегечкори посетили его уже совсем ослабшего, истаявшего от тяжелой болезни). Он пишет о том, как все связано в бесконечности небес: «Солнце крепко держит свои планеты и ни одну не выпускает из рук. Планеты так же держат своих малых спутников. Солнце же, вроде бы такое могучее и самодержавное, по воле бог весть скольких звезд, снует по темному, страхом охваченному беспредельному простору вселенной».

За этими строками следует приписка верной спутницы Тамаза Бибилури, его друга и супруги Тиуры Вашадзе, проводившей бесчисленные ночи без сна на балконе рядом с ним – уже уходящим. Она сидела, сторожа его испепеляющуюся жизнь, не давая себе права хоть на минуту сомкнуть глаза, чуть-чуть вздремнуть, мучимая страхом что он в какой-то миг уйдет: «Конечно я не могу уснуть, хотя мне помогло бы, если я прилегла бы на несколько минут. Но не хочу потерять ни одной минуты пребывания с ним. Вдруг осталось очень мало времени и даже эти страшные ночи и дни останутся счастливым воспоминанием. И я выхожу на балкон, сажусь в кресло, и мы оба созерцаем великолепное звездное небо и тихо разговариваем о беспредельности, безграничности мира, о той таинственности, которую рождает в человеке великая тишина и созерцание затканного звездами ночного неба».

Мне очень жаль, что журнальная статья не позволяет сказать больше о личности и творчестве очень скромного и очень глубокого человека, писателя Тамаза Бибилури, который и в прозе остался поэтом, что я даже не упомянул о его прекрасных литературных статьях. Но оставляю себе надежду, что смогу это сделать – сказать недосказанное.

Он не дожил до своего шестидесятилетия, скончался в декабре 1992-го, 58 лет от роду.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

НИСЛАУРИ

Третий день Нислаури ни с кем не разговаривает. На рассвете выйдет из дому, закинет за плечо топорик и, не поев, отправляется в лес. Что он там делает, никому не известно, да никто и не осмелится следить за ним. Возвращается он, когда совсем стемнеет. Сбежит по освещенной луной тропинке прямо к дому, закинет топорик под навес и повалится ничком на тахту. До самой полночи не смыкает глаз.

Отец не спрашивает его ни о чем. Мать тоже молчит. Только встанет утром пораньше и тоже отправится бродить по соседним деревушкам, разбросанным по склонам окрестных гор в надежде найти подходящую девицу на выданье, чтобы, не откладывая, сыграть свадьбу и тем избавить сына от закравшейся в его душу тоски. И хотя догадывается она, что дело не только в этом, ходит без устали, внимательно приглядываясь к встречным девушкам. Не нравится ей ни одна: та толстая, эта худая... Но разве можно судить мать за то, что все они кажутся недостойными ее сына: другого такого красавца, как Нислаури, не сыскать на всем белом свете!

Впервые я увидел его три дня назад. Усталый и голодный, я медленно брел к деревне. Возле одного из домов я еще издали заметил двух стариков: мужчину и женщину. Увидев меня, они о чем-то переговорили между собой, подошли к забору и, не отрываясь, стали смотреть в мою сторону. Я спустился с пригорка, и, по мере того как приближался, перед моими глазами выросла небольшая, но еще не ветхий дом, загон для скотины, в котором бродили несколько свиней и теленок, и, наконец, старик со своей старухой.

Глухая, заброшенная деревня. «Передохну здесь денечка два или три, а потом отправлюсь через Кледарский перевал», - подумал я.

В этих местах редко увидишь новых людей и поэтому каждый прохожий здесь – гость и пока еще считается подарком судьбы. Принять его у себя – большая радость для хозяина.

Вот они мне и обрадовались...

Старик вынес из дома кувшин, подал его старухе, и та немедленно отправилась за свежей водой к роднику. Старик снова вошел в дом, откуда раздались скрип открываемого стенового шкафа и звук переставляемой посуды. Вскоре он вышел, поставил под навесом низенький столик и трехногий табурет, сел к столу и принялся нарезать тонкими аккуратными ломтями кусок домашней ветчины.

- У нас в горах, считай, все деревни опустели: разыхались люди кто куда... В нашей только две семьи и

остались... Мы со старухой, да повыше нас на самом краю живут муж с женой, и сын у них взрослый...

Старик встал, поднес ладонь ко лбу, словно заслоняясь от солнца, и крикнул вверх в сторону деревни:

- Нислаури-и-и! Нислаури-и-и!

- Эгей-эй! - отозвались оттуда.

- Нислаури-и! - повторил старик.

- Не пришел еще, нет!

- В лесу ходит, должно быть... - проговорил старик, но на всякий случай переспросил: - Так не приходил?

- Нет, не-е-т!

Солнце уже зашло. Сгустились сумерки. Корова подошла к воротам загона и замычала. Теленок негромко ответил ей.

На дикой груше устраивались на ночлег куры.

Старуха вернулась с родника, сняла кувшин с плеча и принялась разводить огонь в каменной печи, поздешнему – камине. Потом она вошла в дом и прикрыла за собой дверь. Зажгла в комнате свечу, а через некоторое время появилась во дворе в новом головном платке.

- Э-эй! - немного погодя крикнул старик.

- Э-эй! - отозвались сверху.

- Не пришел?

- Нет еще!

Старуха подоила корову, отвязала теленка и пустила его во двор. Теленок стал тыкаться мордой в мягкое, опустевшее вымя и жадно глотать с трудом добытое молоко.

Под навесом в камине уже пылал огонь. Стало тепло и уютно.

- Ты позвал Нислаури? - спросила старуха.

- Позвал, а как же! Конечно, позвал! – рассердился старик и досадливо махнул рукой.

Уже совсем стемнело. Ущелье окуталось мглой, где-то на краю деревни завывали шакалы. В небе над самой головой монотонно гудел самолет. Трещали поляны, и в кастрюле с тихим шипеньем закипало молоко.

- Нислаури! - позвал старик.

- Эй!

- Не вернулся?

- Пришел!

- Скажи, пусть к нам спустится!

Старуха накрыла низенький столик скатертью. Расставила тарелки с домашней ветчиной, соленьями, крутыми яйцами, творогом и сыром. Подала горячее, с толстой пенкой, молоко.

- Ты позвал Нислаури? - снова спросила старуха.

Старик нахмурился, с шумом выдохнул воздух и сердито покачал головой: мол, старуха немного туга на ухо стала.

- Куда же он девался? - не успокаивалась та и теперь уже сама крикнула в темноту: - Нислаури, где ты?
- Идет, идет, - послышался издали женский голос.
- Что? - переспросила старуха.
- Идет, говорит! - громко крикнул старик прямо ей в ухо.

Старуха улыбнулась и, кивнув головой, засуетилась вокруг стола: аккуратно расставила глиняные миски и налила в них горячее, прямо из кастрюли, молоко.

Все уселись за стол.

Старик говорил, а жена его, сложив руки на животе, не мигая глядела ему в рот. Иногда она растягивала

губы в улыбку и недоуменно смотрела вокруг: «уж не надо мной ли он смеется?», но вскоре успокаивалась и сидела, не сводя с мужа неподвижного взгляда и боясь шелохнуться, чтобы не упустить нить разговора.

Пес во дворе пролаял несколько раз и замолк. Послышались шаги. Старик привстал.

- Пришел! - радостно сообщил он.

Старуха закивала головой и подкинула дров в огонь.

Из темноты в освещенное пространство под навесом шагнул парень лет восемнадцати. Его высокая, плечистая фигура говорила о недюжинной силе. Большие черные глаза на удивительно красивом лице блестя, отражая горевший в камине огонь. Он остановился, посмотрел на нас и сдержанно произнес:

- Здравствуйте.

- Садись, Нислаури.

Парень сел. Старик не сводил с него влюбленного и какого-то молящего взгляда. Радость сквозила в каждом движении старухи, она металась от стола к камину и обратно, подкладывала парню сыр, яйца, хлеб... Как и остальным, она поставила перед ним стакан для вина.

Нислаури сидел за столом, не зная, куда девать свои длинные руки; это его смущало, но держался он с достоинством, лишь изредка глубоко вздыхал, словно его широкая грудная клетка не умещалась в тесной одежде, и испытующе поглядывал на нас.

Позади дома, возле которого мы сидели, прости-

ралась ночь – темная, безлунная, и только усыпанное звездами небо серебристой пылью клубилось в вышине.

Старуха обошла столик, остановилась за спиной у Нислаури и положила руки ему на плечи.

Передо мною словно ожила старинная фотография: старик, сидящий на трехноглом табурете, рядом с ним за низеньким столом примостился огромный парень с широким, загорелым лицом, красиво очерченными губами и изогнутыми, сросшимися на переносице бровями, за спиной у парня – сухонькая старушка с печальными глазами и новеньким платочком на голове.

- Выпьем за нашу Грузию! - торжественно произнес старик и поднял стакан.

Нислаури молча кивнул головой.

Старуха не расслышала тоста, но на всякий случай кивнула головой и улыбнулась.

Я выпил.

Нислаури по-прежнему молчал и, казалось, вообще не собирался разговаривать.

- Пей, парень! - старик протянул ему стакан.

- Рано мне чачу пить, - нахмурился Нислаури.

Старуха замахала рукой: не заставляйте, мол, его пить. И снова, положив руки ему на плечи, застыла с улыбкой умиления на лице.

- Ты куда путь держишь? - спросил меня старик.

- В Кледеари.

- А потом?

- Оттуда в Ркони пойду.

Нислаури молча смотрел на меня.

Старуха взяла с полки несколько луковиц и положила их на стол. Старик поднял стакан:

- Выпьем за нашего гостя!

Нислаури кивнул головой, но пить опять не стал.

Старик протянул стакан жене. Старуха ласково посмотрела на меня, пригубила чачу и вернула стакан мужу.

В небе упала звезда. Откуда-то снова послышалось гудение самолета. Огонь в камине притих и скоро угас совсем. Над низеньким столиком поплыли сумерки.

- Нислаури, Нислаури, - послышался женский голос с горы.

Парень встал. Голова его почти уперлась в балку навеса. Он молча протянул мне руку. Дойдя до лестницы, обернулся, словно хотел что-то сказать, но передумал. Я догнал его у калитки, и он шепотом спросил меня:

- Ты из города?

- Да.

- Спокойной ночи.

И ушел, точно растворился во тьме. Только негромко хлопнула калитка.

- Нислаури, Нислаури, - несло сверху.

- Ушел, ушел, - отозвался старик.

Где-то залаяла собака и умолкла.

Под навесом стало совсем тихо. Старик разлил чачу по стаканам. Старуха ушла в дом. Покосившись на дверь, за которой она скрылась, старик сказал мне:

- Выпьем за Нислаури, пожелаем ему хорошей жизни!.. Из всей деревни здесь только две наши семьи остались – мы со старухой да его родители... Единственный сын у них... Если он уйдет, мы тоже не останемся... Что тут без него делать? А он все в сторону города поглядывает... Восемнадцать лет парню исполнилось, как его удержишь?

Старуха постелила мне постель. Я лег. Сквозь открытое окно в комнату лилась прохлада. Высоко надо

мною серебрилось звездное небо...

Старики похрапывали. Некоторое время я боролся с дремотой, потом уснул.

На другой день я встретил Нислаури у реки. Раздевшись догола, он нежился на песке. Горячее солнце жгло его крепкое, мускулистое тело. Издалека заметив меня, он приподнял голову и, не отрывая от меня взгляд, ждал, пока я подойду.

- Когда поедешь в Клдекари?

- Вот денек отдохну...

Повернувшись на спину и прикрыв глаза ладонью, он помолчал.

- А ты бывал в Клдекари? - в свою очередь спросил я.

- Бывал... раньше...

- А сейчас куда ходишь? Что-то не видно тебя...

- Хожу... - неопределенно ответил он, потом вдруг сел и сказал: - Вон за той горой есть еще одна... Если подняться на ту гору, будет видна дорога... Только очень далеко она... По той дороге с утра до вечера автомобили едут...

- Ну и что?

- Ничего. Просто смотреть интересно. - Он опять откинулся на спину и положил руки под голову: - В конце нашего ущелья есть деревня одна...

- Знаю.

- Там всего три семьи осталось.

Он неожиданно рассмеялся.

- Чего ты?

- Девчонка у них есть...

- Любишь ее?

- Люблю? Еще чего выдумашь!

Он вдруг вскочил, потянулся всем телом и прыгнул в воду.

Долго плескался, разбрасывая брызги во все стороны, фыркал, как тюлень, и бормотал что-то себе под нос. Наконец вышел на берег и уселся рядом со мной.

- Послушай, - он задохнулся от смеха. - Та девчонка... Ну, та самая, о которой я тебе сказал... Она - хромая!

Он вдруг помрачнел, встал и, не говоря ни слова, побежал к деревне.

На третий день, бродя по склонам, я решил провести Нислаури.

Когда я зашел к нему, парень еще не вставал. Солнце стояло высоко, пора было завтракать, а он и не думал подниматься. Нислаури лежал на полу, завернувшись в бурку, из-под которой в разные стороны торчали его длинные ноги. Мускулистая шея покоилась на продолговатой подушке-мутаке. Открытые глаза без всякого выражения блуждали по потолку.

Мать пыталась заставить его подняться. Она уже убралась в доме, полила земляной пол под навесом и теперь подметала. То и дело звучал ее рассерженный и немного удивленный голос:

- Вставай, парень, вставай!

Из загона донеслось ржание лошади. Во дворе ку-

дахтала куры.

- Вставай, весь мир уже на ногах, люди разбогатеют успели! - пыталась она расшевелить его шуткой.

- Вставай, слышишь, тебя конь зовет!

- Вставай, господь бог пряники раздает, опоздаешь!

- Вставай, твой отец уже третью вязанку дров из лесу притащил!

- Вставай, неужели не проголодался?

- Вставай, а то водой окачу!

- Вставай, солнцем голову напечет!

- Да что же это такое с ним?

Мать ушла на огород полоть грядки. Солнце поднялось выше. Пушистые цыплята попискивали вокруг наседок. Из загона доносилось хрюканье, мычание, ржание...

- Пора вставать, парень, - громко сказал я.

Нислаури лениво потянулся и словно нехотя встал. Зевнул, ополоснул рот холодной водой из кувшина. Быстро оделся, схватил топорик и вышел за ворота.

- Ты когда идешь в Клдекари? - крикнул он мне с дороги.

- Завтра.

Больше я не встречал Нислаури. В ту ночь я спал крепко. Проснулся поутру и тут же услышал далекий женский плач. Он доносился оттуда, где, как мне казалось, стоял дом Нислаури. Я вскочил и огляделся. Вокруг никого не было. Мои старики, как видно, уже куда-то ушли.

Я бежал по пустым деревенским улочкам, и плач становился все громче. Тревожно лаяли собаки, мычали коровы.

- Ушел, - дрожащими губами сказал мне старик, которого я встретил возле каменной ограды.

Я не ответил.

- Как ты думаешь, вернется?

Женщины молча плакали.

Отец Нислаури, сидя на корточках перед домом, тесал бревно.

- Балку под крышу готовит, - пояснил старик и махнул рукой, - а кому она нужна теперь? Георгий...

- Чего тебе? - не поднимая головы буркнул отец Нислаури.

- Оставь, кому она теперь нужна?!

Георгий словно не слышал, он продолжал тесать, аккуратно снимая слой древесины острым топором.

Женщины плакали.

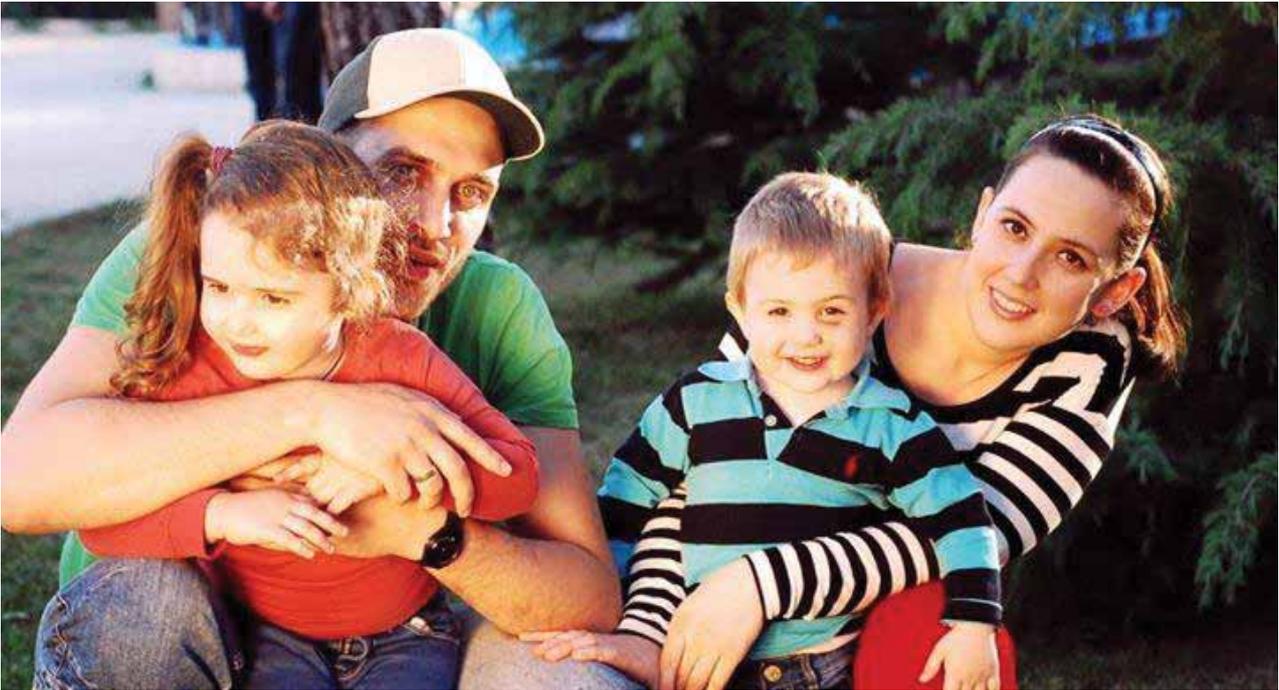
...Когда я вышел на Клдекарскую дорогу, из деревни до меня уже не доносилось ни одного звука. Я поднялся на перевал и в последний раз бросил взгляд на деревню перед тем, как она совсем исчезла из виду.

Некоторое время я еще думал о людях, которые там остались, но потом мысли мои приняли другое направление, и я стал думать о предстоящем путешествии.

Завтра я уже буду в Тедзамском ущелье, а оттуда рукой подать до Ркони.

В золотистом осеннем одеянии встретит меня древний храм...

Тамаз БИБИЛУРИ
Авторизованный перевод Л.ПРОМЕКО

▲ Вано Курасбедиани с семьей

ТРУЖЕНИК СЦЕНЫ

Его любят все, потому что он всех любит и желает всем счастья. Он умеет оказываться в нескольких местах одновременно. Любит играть в техасский покер, но редко и в меру. Главное в его жизни – дети. И театр. Точнее, два театра – Грибоедовский и Свободный. Самый фактурный, он же самый темпераментный грибоедовец Вано Курасбедиани отмечает в мае тридцатилетие.

- Начнем немного издалека. Ты вот уже третий год – главный тбилисский шпрыхсталмейстер. Как ты очутился на арене цирка?

- В цирк я попал совершенно случайно. Наш актер Аполлон Кублашвили работал там шпрыхсталмейстером, и когда решил уйти, предложил мне попробовать. Так и получилось. Я уже третий год веду цирковые программы. Это довольно интересная, творческая работа. Мне дают очередность участников, а вот как их представлять, я придумываю сам. Чаще всего я не согласовываю программу с дирекцией, мне доверяют. Это приятно.

- Можешь вспомнить самый впечатляющий номер за эти три года?

- Однозначно, это номер воздушных акробатов Аллахверди и Галины Исафиловых. Они – обладатели «Золотого клоуна», высшей премии фестиваля в Монте-Карло для цирковых артистов. Они единственные в мире выполняют ряд уникальных трюков. Когда смотришь, дух захватывает.

- Хотя, как ты сам говоришь, все это подработка. Главное – это театр. В театре ты служишь...

- Да, на сегодняшний день театр Грибоедова для меня – главное. Я не могу назвать это местом работы.

Это гораздо больше. Бывает, что я чем-то недоволен. В подавляющем большинстве случаев, бываю недоволен собой. Уже девятый год я здесь, и счастлив.

- Сюда, так же как и в цирк, ты попал случайно. Расскажи об этом.

- Я заметил, что многие важные вещи происходят в моей жизни случайно. Или неслучайно. Так вышло и с Грибоедовским. Один мой друг был знаком с нашим худруком Автандилом Варсимашвили и директором театра Николаем Свентицким и познакомил с ними меня. Хотя, еще раньше Авто занимал меня в массовке в своем проекте о Паоло Яшвили, который он делал в театре Руставели. И вот, вместе они решили дать мне трехмесячный контракт. Сразу сказали, что берут меня из-за фактуры. С тех пор прошло девять лет, а я все еще здесь.

- Что было главной проблемой в начале работы?

- Язык. Я ведь заканчивал и школу, и институт на грузинском. В семье, правда, мы разговаривали на русском, но нечасто. Для меня он иностранный. Я играю на иностранном языке. Я не билингва, к сожалению, как многие другие грибоедовцы.

К тому же я пришел в Грибоедовский с недостаточно хорошей школой. Когда у начинающих актеров прочная, хорошая школа – они гораздо увереннее в себе. Сначала я учился у Сосо Немсадзе, потом у Шота Кобидзе, относился к учебе не очень серьезно, прогуливал. На последнем курсе даже не хотел быть актером, планировал стать синхронистом, специалистом английского языка, как моя мама.

- Тебе сложно учить текст?

- Со временем все легче. Все зависит от того, сколько времени у меня остается после репетиции. После нескольких репетиций текст уже запоминается. Мне на редкость легко даются стихотворные тексты, что меня немало удивляет. Потому что весь текст и в «Зимней сказке», и в «Маяковском», и в «Карьере Артуро Уи» поэтический. У тебя нет возможности допустить ошибку. Потому что от одной ошибки валится весь текст, а потом текст партнера, а потом и весь спектакль. А в прозе – ошибся, сказал своими словами и – все в по-

▲ Сцена из спектакля «Гроза»

рядке.

- И вот ты стал грибоедовцем. И твоей первой ролью стал...

- Сержант Лимончик в детском спектакле «Чиполлино». Это была роль без слов. Ну, а первой большой ролью был Иван Бездомный в «Мастере и Маргарите».

- Ты согласен с тем, что сцена – магическое место?

- Ну, некоторые актеры так думают. Я уверен, что нет никакой четвертой стены, это выдумки актеров-фанатиков. А я не понимаю и не принимаю никаких форм фанатизма. Ничего магического нет. Просто здесь не получается думать ни о чем другом. Потому что если ты профессионал, если ты любишь свое дело, если ты хочешь хорошо сыграть свою роль, у тебя не остается времени думать о том, что у тебя кредит в банке или нужно купить хлеба по дороге домой. Если это происходит, ты отключаешься и это замечают все – и партнеры по сцене, и зрители. Ты уже не на сцене, ты уже в кредитах и в магазине. Вся магия заключается в том, что все внимание у тебя направлено на образ, не смотря на то, технически ты играешь или на эмоциях. Бывает, что я играю на технике, но даже тогда нельзя думать о своих проблемах и насущных делах, нужно думать о технике. А так, у меня болел зуб – вот я вышел на сцену и он прошел или я излечился от рака, играя Гамлета – такого, по-моему, не бывает.

- В таком случае не могу не спросить, как ты думаешь, грибоедовский «Мастер и Маргарита» - мистический спектакль, или просто так сложилось?

- По-моему, просто сложилось. Тогда, почему с остальными актерами не произошли трагические события, которые произошли с исполнителями главных ролей? Почему я не погнал в сумасшедший дом? Конечно, высшие силы есть. Я верю в это. А вот сам спектакль был каким-то мистическим, да. Не забуду такой эпизод. На репетиции одной из первых сцен, когда Берлиоз и Бездомный спорят с Воландом и тот спрашивает, «что же вы, утверждаете, что и дьявола тоже нет?» Нико Гомелаури, исполняющий роль Воланда, так пронзительно посмотрел мне в глаза, что я какое-то время не мог пошевелиться. Был такой момент.

- Или Никуша Гомелаури был хорошим актером...

- Нико был замечательным актером. Возможно, именно поэтому эта мистика, если она и была, так на него подействовала. Мне очень приятно, что его помнят и любят, особенно молодежь. Для нас, соратников по цеху, Нико был особенным. Он не хотел сдаваться, узнав о своем диагнозе. Стал сильнее. На каждом спектакле в этот период он доказывал самому себе, что он жив, и пока он жив, будет играть, будет стоять на сцене. Он не хотел, чтобы его жалели.

- Когда я писала о тебе в первый раз лет пять назад, мой материал назывался «Будущий народный артист». Это все еще мечта или уже шутка?

- Я вырос, и больше я так не шучу. На то есть два резона. Первый – в Грузии не присуждают званий, а второй – я перестал мечтать и начал реально смотреть на свою жизнь, на свою профессию. Кроме того, у меня тогда не было семьи. А после того как у человека появляется семья, он начинает реальнее смотреть на мир, гораздо реальнее, процентов на восемьдесят. А когда рождаются дети – на все 120.

- Расскажи, пожалуйста, о своих детях.

- У меня двое обыкновенных детей. Я не люблю, когда родители видят в своих детях что-то гениальное и сверхъестественное и утверждают, что они самые-самые. Мою дочь зовут Нене. Это старинное аджарское имя. Сейчас ей четыре. Я всегда хотел назвать своего сына в честь своего отца – Александром. Конечно, первенцем мы ждали мальчика, но родилась девочка. Я хотел даже назвать ее Александрой. В конце концов, жена мне сказала – вот когда родится мальчик, ты его назовешь, а девочку назову я. Так она и стала Нене. А сына мы, разумеется, назвали Александром, Сандро. Ему почти 3 года. А жена у меня раньше работала в нескольких страховых компаниях, а сейчас – в Минздраве, в программе Всеобщего здравоохранения.

- Насколько ты амбициозный человек?

- Все мои амбиции сошли на нет после окончания института. Тогда я посмотрел в глаза реальности, и понял, что никакой я не сверхталантливый. И понял, что нужно постоянно работать над собой и выполнять те задачи, которые ставит перед тобой режиссер.

- По какому принципу, в таком случае, ты оцениваешь успех?

- Я никогда об этом не задумывался. Может, для зрителей Грибоедовского театра я успешный актер, поскольку занят в большинстве спектаклей. Пару недель назад незнакомый человек написал мне в социальной сети, что ему очень нравится моя игра, что не пропускает ни одного моего спектакля. Мне было безумно приятно.

- Каким бы ты хотел увидеть свой театр накануне его 170-летия?

- Хороший вопрос. Я бы с удовольствием увидел его материально обеспеченной организацией, хотя я понимаю, что это сложно, практически невозможно. Я бы хотел видеть в своем театре приглашенных звезд-режиссеров. Потому что для актерского опыта это важно. Понимаю, что мне очень повезло с режиссерами, с которыми работаю. Благодаря им я очень вырос. Актер ведь растет тогда, когда режиссер с ним работает, когда он направляет. А со мной много работали. Но вот почему хочу, чтобы у нас в театре ставили приглашенные режиссеры. Дело в том, что «твой» режиссер знает тебя как облупленного, знает все твои возможности, твои сильные и слабые стороны. Например, я люблю работать с Автандилом Эдуардовичем. Даже если он задумает сделать со мной моноспектакль, он сделает его за два дня, потому что хорошо меня знает. Однако всегда интересно попробовать с кем-то новым. Правда, бывает по-разному. Вот хороший режиссер, а ты его не понимаешь, и он тебя не понимает. Это тоже опыт, и очень ценный – как понять непонятливого режиссера? Еще я бы хотел увидеть театр таким, какой он есть. Я его очень люблю. С такими же коллегами, с такими же работниками технического персонала. Я всегда рад, когда у меня репетиционный период, не-

смотря на то, что я лентяй. Я люблю приходить в театр.

- На сегодня одним из этапных для тебя спектаклей стал «Маяковский». Как тебе работалось над образом поэта-бунтаря?

- О, это мой любимый спектакль.

- Настолько любимый, что ты даже однажды забыл на него приехать?

- Я до сих пор не могу понять, как это произошло. Думаю, самое худшее с человеком происходит там, где он кого-то или что-то любит. Кого мы больше всех огорчаем – маму. А кого мы больше всех любим – маму. На свой репертуар я смотрю так – запоминаю первый спектакль месяца, а потом узнаю следующий и так далее. Почему-то на той неделе, это произошло 18 ноября, никогда это не забуду, была пятница, а мы давно не играли по пятницам. Я помнил, что на следующий день, т.е. в субботу у меня «Зимняя сказка». А «Маяковского» проглядел. В ту пятницу все совпало. Я забыл дома мобильный телефон, наша нянечка не отвечала на мой телефон, когда мне звонили из театра. Меня нашли через мою маму, которая в это время сидела со мной в машине в пробке. Ей позвонили в семь минут седьмого, а спектакль начинался в шесть. Одним словом, я добрался до театра слишком поздно, несмотря на то, что ехал, как сумасшедший. Очень обидно! А сам спектакль я очень люблю. Он получился легко, и работа была интересная, и спектакль масштабный.

- В нашем театре есть режиссер Вахтанг Николава. Вы с ним начинали в одно время, и ты занят практически во всех его спектаклях. Ты, как коллега и как друг, как оцениваешь его рост. И как тебе с ним работается?

- Вахо – это человек, о котором я могу говорить часами. Я с ним начинал еще с его преддипломной работы. Это был «Предназначенный на слом» Теннесси Уильямса. Я играл у него во всех спектаклях, кроме «Алых парусов». Признаюсь, с ним непросто работать. Вахо, безусловно, режиссер-экспериментатор, и это здорово. Эксперименты занимают много времени и нервов, но это правильно, потому что искусство должно занимать много времени и нервов. Именно поэтому с ним сложно, но интересно работать.

- А есть у тебя любимая роль в его постановках?

- Даже не знаю, которую назвать - Тихона в «Грозе» или Поликсена в «Зимней сказке». Возможно, «Зимняя сказка» гораздо зрелищнее. Но «Гроза» - особенный спектакль. Мне кажется, это самая сильная работа Вахо до сегодняшнего дня. Тут везде новаторские находки. И хотя по времени меня на сцене немного, это эмоционально напряженный спектакль. В нем я могу выплеснуть все отрицательную энергию, накопившуюся в моей жизни. Можно просто выпустить пар, избавиться от всего негатива, собравшегося за те дни, что ты не играл спектакль. Мне кажется, Вахо очень правильно решил этот образ – мой Тихон, мужик, он не сопля, не маменькин сынок. Мне это нравится. Вахо так и поставил мне задачу в начале работы, и этим меня заинтересовал. Тихон – сильный, любящий человек, которого все предали, все сломали. Последним ударом стала измена жены. Но все равно, он находит в себе силы простить Катерину после измены. Мне все нравится в этом спектакле – и атмосфера, и музыка.

- Все в театре, в конечном счете, делается для зрителя. Твой идеальный зритель, он какой?

- В первую очередь для зрителя. Когда ты переодеваешься, накладываешь грим, готовишься выйти на сцену – ты это делаешь для зрителя. Поэтому идеального зрителя, в первую очередь, должно быть

много. Это очень важно. А во-вторых, зритель не должен быть снобом. Ты всегда чувствуешь, когда на тебя из зала смотрят прищуренными глазами и это ужасно сбивает. Например, бывает, что актер привык получать аплодисменты за какую-то сцену. И вдруг их нет. Все, он «сбился и убился». Бывает и такое. И все, он просто доигрывает спектакль. Бывают плохие залы. Я, например, больше всего чувствовал это в Театральном институте. Давление комиссии, которое тоже сбивает.

▲ Сцена из спектакля «Мастер и Маргарита»

Ненавижу сдачи, когда собираются «театральные». Невозможно играть!

- Помню, ты хотел сыграть Холдена Колфилда из «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Все еще мечтаешь об этом?

- Уже не хочу, я вырос. Не могу сказать, что я хочу сыграть какую-то конкретную роль.

- Одним словом, ты не Гамлет?

- Ну, если какой-нибудь режиссер увидит во мне Гамлета, я с удовольствием его сыграю.

- А в режиссуру податься не думал?

- Однажды, только в кинорежиссуру. Драма – тяжелая работа, и больше всего в театре мне жалко режиссеров. Потому что от режиссера все чего-то хотят – кто-то освободиться, кто-то получить роль, потом приходит художник, ему что-то нужно, потом костюмер, кто-то поправился и не влезает в костюм... Я не понимаю, почему люди становятся режиссерами. А актеров, которые уходят в режиссуру, совсем не понимаю. Ну, наверное, счастливый случай – Вахо Николава.

- Как ты работаешь над ролью? Есть у тебя своя «система Курасбедиани»?

- Я должен делать то, что видит режиссер. Крайне редко вхожу в полемику с ним. В большинстве случаев, я делаю то, что говорит режиссер, но так, как мне кажется правильным. Есть ведь моменты, когда режиссер видит что-то одно, а ты представляешь себе по-другому. Артист в это время ощущает чудовищный дискомфорт.

- Через несколько дней тебе исполнится целых 30 лет!

- Я себя считаю пока еще... 30-летним ребенком. Могу подурачиться, могу мечтать.

- Что ты желаешь себе, тридцатилетнему?

- Зарабатывать больше. Остальное у меня есть.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Тифлис. Дворцовая улица

О БЕДНОМ ПОЭТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

(Фрагменты из романа – расследования)

Окончание

Он стремился, как мне кажется, утереть нос самому Валерию Брюсову с его знаменитым оккультно-эротическим романом «Огненный ангел», в котором довольно точное воспроизведение средневековых магических процедур соединялось с любовным опытом и реальными эротическими коллизиями людей модернистской эпохи.

Впрочем, в данном случае он, если и не переощеголял Брюсова, то создал все же вполне убедительный текст, именно художественно убедительный, превосходную стилизацию под раннесредневековые документы и не просто даже документы. Эльснер ведь попытался воссоздать, а точнее заново придумать, творчески воспроизвести мир каббалистической эротики, что очень даже должно было привлечь жену Сергея Кречетова, которая не один уже год всецело была поглощена оккультно-эротическими переживаниями.

Любопытно и то, что распространяться о своих отношениях с Эльснером К. особо не любил, вообще не любил говорить об Эльснере, вернее говорил, но как-то очень уж глухо, неуверенно что ли, невнятно, а вот о любовном романе того с Рындиной отчего-то рассказывал мне с самым несомненным удовольствием, явно гордясь, что человек, введший его в Серебряный век,

был не только лично знаком с мэтром Брюсовым, но и являлся фаворитом самой Рындиной.

Впрочем, я тогда о Рындиной по сути мало что знал (в Советском Союзе о ней писать было совсем не принято), и история эта на меня тогда особого впечатления не производила.

Однако впоследствии, в тот период, когда я стал выяснять, как возникла великая библиотека К., сюжет Рындина – Эльснер очень даже привлек мое внимание и по-настоящему заинтересовал.

Сообщу теперь итоги моих разысканий, отнявших у меня не мало времени и сил.

Пришлось мне даже съездить разок в Ростов-на-Дону, проникнуть в некоторые тамошние частные архивы, просматривать аж на протяжении целых двадцати дней дневники и письма ростовчан за 1919 и 1920-е годы, а также газеты периода белогвардейского Ростова, и в итоге мне чудом удалось кое-что узнать в отношении супругов Кречетовых и Владимира Эльснера.

Итак, вот что удалось мне узнать в Ростове на Дону. Излагаю суммарно, вкратце, все подробности по возможности опускаю, дабы они не утяжеляли рассказ и не вводили читателя куда-нибудь в сторону. Интересные, пикантные детали часто пагубно влияют на наше восприятие, заслоняя главное, ради чего, собственно, и ведется разыскание.

Вот я и стараюсь ни на миг не забывать, что меня в настоящем романе-расследовании по большому счету интересует лишь одно – как в Тбилиси в советское время могло появиться уникальное книжное собрание К., в котором неслыханно полно оказалась представлена поэзия русского модернизма – и все первые издания! – плюс отдельная коллекция российского авангарда.

В разрешении этой загадки поездка в Ростов-на-Дону как раз и оказалась для меня большим и даже неоценимым подспорьем. Причем, когда я прибыл в Ростов-на-Дону и занялся сбором материала, то меня, в первую очередь, естественно, интересовали исключительно Кречетовы и Эльснер. Однако целостная история белогвардейского Ростова непременно должна быть еще написана. Непостижимо, почему тамошние старожилы даже и не чешутся. Это не справедливо!

Когда в декабре 1919-го года стало более или менее очевидно, что Ростов придется неминуемо отдать красным и что ОСВАГ переведут в Новороссийск, который совсем не был приспособлен к тому, чтобы разместить там учреждение с таким громадным штатом сотрудников, Лидия Рындина уговорила супруга своего Сергея Кречетова библиотеку его с собою в дальнейшие странствия не брать.

Было уже ясно, что в итоге придется все равно библиотеку бросить – не в Ростове, так в Новороссийске. Ходили упорные слухи, и вполне достоверные, что ОСВАГ скоро совсем закроют (так и произошло, но только, когда командующим стал барон Врангель, на дух не переносивший, как он говорил, «интеллигентскую гниль»; правда, и Деникин не переносил ее, но все же как-то терпел), и тогда просто всем членам пресс-бюро придется бежать, куда глаза глядят. И это, увы, произошло.

Наиболее возможной ступенью бегства явно маячил уже и Константинополь (не к красным же было идти) и вообще долгое изгнание, на которое до этого они как-то все же не очень рассчитывали, веря поначалу на возврат к прежней, цивилизованной жизни. Но стало очевидно, что в ближайшее время никакого возврата не будет.

Ростов явился тогда для многих иллюзией рая, и эта прекрасная иллюзия вдруг начала сокрушительно рушиться прямо на глазах у вполне прижившихся там и даже, можно сказать, благоденствовавших российских интеллигентов (Иван Билибин, Евгений Чириков, супруги Кречетовы, Эльснер, Евгений Лансере, Илья Сургучев и многие другие).

В общем, Рындина в предчувствии окончательного своего отъезда из Ростова предложила отдать библиотеку Эльснеру.

Во-первых, он остается как будто, во всяком случае бежать далее с армией не хочет (и понятно, что он, будучи сверх-страстным библиофилом, совершенно точно останется, коли узнает, что ему отойдут кречетовские книги).

А во-вторых, он, безо всякого сомнения, будет наиболее достойным хранителем кречетовского собрания, ибо является тонким и основательным знатоком отечественного декаданса и кречетовской библиотеке никак не даст пропасть.

Так или примерно так, как смею я думать, утверждала Лидия Рындина.

И Сергей Кречетов сразу или нет, но в итоге согласился с предложением обожаемой своей супруги; вообще он, ежели не находился в состоянии аффектации, то бишь не был одержим приступом бешенства, не призывал ни в чем ей отказывать.

Да, Эльснеру доверить книги вполне можно было – он их точно не бросит и никому не отдаст, будет холить и лелеять из последних своих сил. Это уж совершенно точно. Лидия права.

Многим в Ростове, и особенно сотрудникам пресс-бюро ОСВАГа, кажется, было отличнейше известно, и уж тем более супружеской паре Кречетовых, что Эльснер был чрезвычайно книжной душой, а вернее даже гнилостно-книжной: в его случае библиофильство было самой настоящей болезнью.

В общем, Эльснер тут подходил как никто. Тем более, что некоторое время (и как раз предотъездное) он был в прямых фаворитах Лидии Дмитриевны, так что у него, можно сказать, были и некоторые даже права что ли на остающиеся после них в Ростове вещички, в том числе, выходит, и на книги.

И Кречетов пред отъездом своим из Ростова и в самом-то деле отдал Эльснеру свою библиотеку, а точнее библиотеку книгоиздательства «Гриф». Это так должен был рассказывать Эльснер потом ученику сво-

ему К. Но даже если и не рассказывал, то К. так или иначе понимал, что у Эльснера оказалась кречетовская библиотека.

Да, непреложный факт при этом таков: ростовская библиотека поэта и издателя Сергея Кречетова оказалась впоследствии у Эльснера в Тбилиси, в его уютной, но претенциозной квартирке.

То, что Эльснеру библиотека была преподнесена на прощанье (пред отъездом своим) супругами Кречетовыми, Владимир Юрьевич рассказывал, видимо, потом К., да и еще кой-кому в Тбилиси (писателям и представителям литературного бомонда), но не очень открыто, конечно, вполголоса, на ушко.

Кречетов ведь был эмигрант, да еще и белогвардейский публицист, создатель полумифического братства борьбы против красной заразы, но крику издавал немало. Так что публично рассказывать о связи своей с Кречетовыми Эльснеру было никак нельзя – слишком уж вероятно была опасность, что к Владимиру Юрьевичу вспыхнут повышенным интересом органы безопасности.

Причем, сам К. версию Эльснера, что Кречетовы именно подарили ему библиотеку пред отъездом своим из Ростова, полностью принимал на веру. Он вообще относился к учителю своему с чрезвычайным пиететом. Говорил о нем неизменно с придыханием. Это я помню совершенно точно.

Итак, других источников, кроме устного и одновременно секретного рассказа самого Эльснера, судя по всему, так и не сохранилось.

Но в принципе Владимир Юрьевич мог ведь и подобрать брошенную хозяевами (Кречетовыми) библиотеку, мог и похитить ее или хотя бы раритетную часть. Может быть, 4 тома альманаха «Гриф», особенно дорогие сердцу издателя, Кречетов, как мне представляется, собирался все ж таки забрать с собой, в долгую эмигрантскую дорожку, а Эльснер унес их со всем остальным.

Я у К. видел потом эти бесценные четыре тома. Насколько законно достались эти редчайшие тома Эльснеру, смотревшему на них с явным вожделием? Вопрос, как думается мне, вполне резонный.

Однако приходится придерживаться версии Эльснера. Иные просто не сохранились, увы. Так что приходится прислушиваться к тайным нашептываниям Владимира Юрьевича.

Безмерно ошарашенный и даже потрясенный неожиданным даром, будто бы преподнесенным супругами Кречетовыми, Эльснер, как он рассказывал – и это уже выглядит вполне бесспорным, – нанял несколько поместительных пролетов и на них перевез бесценный груз к себе на ростовскую квартиру.

Однако в Ростове и Эльснеру оставаться было чересчур опасно – красные непременно прихватили бы его и к стенке явно бы поставили: все-таки он был из пресловутого ОСВАГа, осведомительного агентства Добровольческой армии, о котором тогда прослышали едва ли не все, зная, что это ведомство ведало не только пропагандой, но еще и белогвардейской разведкой. Вот как белогвардейского агента его бы за милую душу и кокнули – безо всякого сомнения.

Да, клеймо ОСВАГа – это было совсем не шутка. Не забудем, что дело происходило в Ростове – можно сказать, столице ОСВАГа. Всех оставшихся выловили бы до единого.

И Эльснер, дабы не искушать судьбу, решил бежать в Грузию, тогда еще меньшевистскую и вполне независимую. И на корабль его с десятками ящиков книг никак не взяли бы, а до Тбилиси можно нанять возчиков и добраться туда с каким угодно большим грузом. А без кречетовской библиотеки Эльснер покидать Ростов никак не собирался.

Идею Эльснера перебраться в Грузию задумал

последовать и соредатор Кречетова по «Орфею» художник Евгений Лансере. Он тоже переезду в Новороссийск, а потом в Константинополь предпочитал свободную Грузию, тем более, что он ведь уже последние несколько лет провел на Кавказе, создавая потрясающую визуальную версию «Хаджи Мурата». И для Лансере легче и сподручней всего было перебраться в ставший уже родным горный край, который вполне способен был укрыть его от красных варваров.

В общем, Лансере напротился в попутчики. И Эльснер, при всем ревнивном своем отношении к этому художнику, согласился: вдвоем как-то веселее, безопасней, да и дешевле к тому же.

Ну, и еще Эльснера интересовала коллекция альбомов и разнообразных изданий, иллюстрированных Лансере, которые тот повсюду возил с собой.

А тут появлялся реальный шанс взглянуть и даже прикоснуться к домашней библиотеке Лансере, не обильной, но любопытной. Ну как было не согласиться? И Эльснер согласился. Его можно понять.

Итак, Эльснер и Лансере сообща наняли у одного армянина громадные два воза, на которые погрузили свое имущество, почти целиком состоявшее из книг, альбомов, ящиков с красками и кистями – личный скарб занимал гораздо менее места, но он все же был.

Армянин со своим сыном безо всяких происшествий довели Эльснера и Лансере через две недели до самого Тбилиси – и ни одна книжка с воза не упала.

В момент сборов проницательный, юркий и услужливый Эльснер вызвался помочь Лансере перевезти к армянину и уложить на возы и свою и его часть поклажи. Тот, естественно, с радостью согласился. Такого облегчения он и ожидать даже не мог. Лансере ведь был обременен женою и детьми, так что ему и так хлопот с отъездом хватало.

Эльснера, судя по всему, он не больно-то жаловал, презирал за графоманию, высокомерие и ловкачество, понимал, что Владимир Юрьевич бешено завидует, что это именно его, Лансере, выбрали соредатором журнала «Орфей».

Однако помощь от Эльснера Лансере незамедлительно принял и чуть ли не с восторгом и с бесконечной благодарностью, ибо эта помощь сулила ему избавление от многих хлопот, обрушившихся тогда на него наподобие смерча.

И Эльснер ретиво и умело принялся за работу (он вообще был превосходный организатор). И дабы не возникало в дальнейшем никакой путаницы, на своих пакетах, коробках и ящиках он собственноручно писал жирным черным карандашом: «ВЭ», а на пакетах, коробках и ящиках Лансере ярко-красным карандашом писал «ЕЛ».

Тогда именно, в суматохе беженских сборов, на законных основаниях копясь в бумагах и вещах Лансере, Эльснер, видимо, как раз и присвоил себе чудесный, непревзойденный рисунок Евгения Лансере –

«Орфей, разрываемый вакханками».

Он был выполнен двумя карандашами – красным и черным; сам Орфей, смертельно напуганный, был выполнен жирным, плотным черным карандашом, а окровавленные бешеные вакханки – дрожащим, брызжащим красным.

Потерю своего орфического рисунка, как мне представляется, Лансере обнаружил гораздо позднее, видимо, находясь в Тбилиси, возможно, уже даже ставшим советским, так что художник, может, еще и рад был, что след его белогвардейского творчества потеряян, но мог, впрочем, и волноваться, что рисунок вдруг всплывет, станет достоянием гласности, и тогда для него возможны крупные неприятности.

Но хватит пока о том волшебном рисунке, увы, теперь бесследно исчезнувшем. Полагаю, что уже навегда.

Итак, в отличие от всей ростовской благородной публики, Владимир Эльснер и Евгений Лансере двинулись отнюдь не к Новороссийску, вслед за отступающей Добровольческой армией, а совсем в ином направлении – в сторону Грузии.

Прибыв в Тбилиси, они тут же и разошлись: каждый начал разыскивать для себя пристанище. Эльснер, одинокий холостяк, предпочитающий в общем-то молодых людей, стал искать для себя мансарду, а Лансере, семейному человеку, необходимо было более или менее просторное жилье.

Но главное, что они решили, что каждый будет устраивать свою судьбу по-своему и, причем, так, чтобы эти судьбы по возможности не пересекались.

Это было полезно и в плане жизнеспособности, дабы никто не смел сказать потом, что двое бывших осваговских спелись и составляют некое подобие контрреволюционного кружка в советском Тбилиси. Упаси Бог!

И вообще во время совместного путешествия-бегства из Ростова в Тбилиси Эльснер и Лансере, кажется, совсем перестали переносить друг друга. Они стали стойко испытывать друг к другу взаимную неприязнь, которая прежде явно намечалась, а тут окончательно оформилась.

Лансере в его присутствии стал частенько демонстративно помалкивать и, причем, весьма иронически и даже презрительно, не скрывая едкой ухмылки, а что касается Эльснера, то это просто выводило из себя, бесило гордого, высокомерного барона, не могшего вынести, что его чуть ли не открыто игнорирует этот горбоносый субъект, мнящий себя большим мастером.

А потом едва ли не окончательно развела их пропажа рисунка с Орфеем, разрываемым вакханками, которая в какой-то момент вдруг обнаружилась.

Правда, Эльснер так и не признал никогда, что рисунок находится у него. Впрочем, Лансере ему не верил ни на йоту и чуть ли не в глаза называл его «вором», а Эльснер в ответ виртуозно разыгрывал, как он оскорблен в своем баронском благородстве.

А что касается рисунка с Орфеем, то так как он впоследствии оказался именно у К., то попасть он к нему мог только через Эльснера, и никак иначе. И К. сам об этом говорил при мне, утверждая, правда, что это дар дорогого учителя (последнее вызывает у меня серьезные и даже безусловные сомнения).

В общем, Лансере оказался совершенно прав: рисунок его был вовсе не затерян, а именно выкраден, и похитил его никто иной, как Эльснер.

Такая вот вырисовывается траектория, а точнее происхождения рисунка «Орфей, разрываемый вакханками», который из Ростова-на-Дону был переправлен в Тбилиси.

По прибытии своем в Тбилиси, Лансере довольно-таки скоро устроился рисовальщиком в этнографический музей, часто от него выезжая в экспедиции. Работы было много, но при этом жалованья скудного на жизнь семьи хватало с трудом (он ведь был с семьей), и он брал много частных заказов, вынужденно стал заядлым портретистом. И постепенно у него в Тбилиси образовалась весьма обширная клиентура.

А вот Эльснер устроился библиотекарем. Получал он сущие крохи, но был доволен донельзя: он ведь обожал возиться с книгами. Когда на библиотечных полках он видел что-то интересненькое, глазки его плотоядно блестели, а ручки дрожали.

И еще. Несмотря на нищенскую свою зарплату библиотекаря, он умудрялся даже как-то пополнять доставшуюся ему от Сергея Кречетова коллекцию, и вот каким образом это происходило. Знаю я об этом, ясное дело, от К.

Насколько я понимаю, если что и посещал тогда Владимир Юрьевич, так это именно тбилисские букинистические лавки, а там после беженцев, спасавшихся от большевистских ужасов в независимой грузинской республике, осело много не только занятого, а еще даже и исключительно ценного.

Вот и подбирал Эльснер по возможности драгоценные обрывки эмигрантских библиотек, которые беженцы побросали в основном и улепетнули кто куда, когда страшная красная опасность нависла и над вольной Грузией.

А в Грузию беженцы в 17-21-х годах немало книжных раритетов навезли. Собирались, как видно, вернуться назад и зажить по-прежнему, в окружении своих и дедовских книг. А когда пришлось за море убежать, то стало ясно им, что вернуться уж им будет не суждено.

Вот в Тбилиси многие из беженцев пред окончательным бегством своим фамильные книжные собрания в спешке и побросали – на радость нашему Эльснеру, жадному книжному червячку. Собственно, данное обстоятельство во многих отношениях как раз и скрашивало его жизнь в Тбилиси, делало эту жизнь для него более или менее привлекательной.

Особо Эльснер охотился тогда за «Золотым руном». Он буквально жаждал иметь полный комплект журнала – все 34 номера. Томов было гораздо меньше: номера были сдвоенные и даже строенные. А у Кречетова в библиотеке были лишь номера с января по июнь 1906-го года. Потом, как известно, Кречетов порвал с издателем Николаем Рябушинским и покинул «Золотое руно».

А журнал ведь этот выходил аж до конца 1909-года, но Кречетову, как я понимаю, он уже был совсем не интересен, даже враждебен. И соответственно, в его коллекции номера «Золотого руна» исчислялись лишь первой половиной 1906-го года (шесть номеров). И Эльснер, естественно, страстно жаждал заполучить полный комплект «Золотого руна», то бишь остальные 28 номеров.

Однако рысканье по тбилиским лавкам ничего в этом отношении не дало – «Золотого руна» не было там и в помине. И тут Эльснер вспомнил о недруге своем Евгении Лансере, который оформлял «Золотое руно» с первого номера.

Эльснер спешно разыскал Лансере и оказалось, что у того есть и полный комплект и еще дубликаты отдельных номеров, художник тогда был в тяжелом положении и продал презираемому им Эльснеру все дубликаты – по рублю серебром за номер. Правда, и Эльснер был тогда как будто совсем не при средствах, но очень уж хотелось обладать всеми 34-мя номерами «Золотого руна» и необходимую сумму, выходит, где-то раздобыл.

Вообще поначалу, после появления своего в Тбили-

▲ К.Сомов. П-т Евгения Лансере. 1909

си, контакты меж Лансере и Эльснером все-таки еще какое-то время как будто сохранялись. Так, в 1922-м или 1923-м году (в точности не знаю) Эльснер поместил в газете «Заря Востока» рецензию, и даже и благожелательную вроде бы, хотя он был ужасно зло-речив, на книгу Лансере «Лето в Ангоре» (это цикл турецких очерков).

Но возвращаемся к поискам Эльснером полного комплекта «Золотого руна».

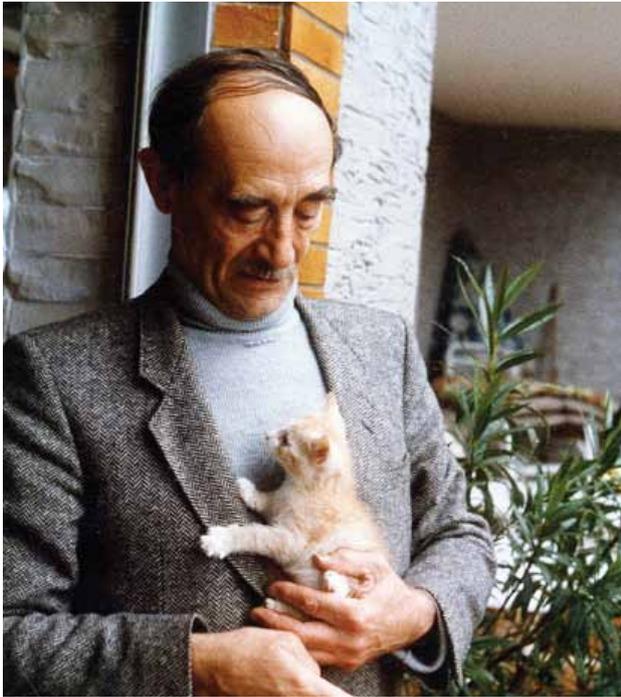
Заполучив благодаря содействию Лансере, весь уникальный комплект «Золотого руна», Эльснер был совершенно счастлив, хотя потом и называл Лансере противным скупердяем и откровенным жмотом; «мог бы и подарить своему товарищу по несчастью» - тараторил он направо и налево в тбилисских салонах. Он вообще с необычайной легкостью говорил о других пакости и с крайним трудом выжимал из себя благожелательные характеристики.

И вместе с тем Эльснер необычайно гордился, и вовсе не думал этого скрывать, что является редкостным обладателем абсолютно полного комплекта «Золотого руна».

Между прочим, особенно рьяно он разыскивал номер «Золотого руна», в котором был опубликован «Хоромедон» Макса Волошина. Это прозаический текст, фактически представляющий собой некое подобие орфического гимна. И номер с «Хоромедоном», когда был наконец-то разыскан Эльснером (как раз у Лансере), привел его просто в состояние экстаза. Кажется, тут он был поистине счастлив. На его глазах, обычно суховато-едких, со злым блеском, тут даже выступило что-то вроде слез.

Кстати, ходил одно время по Тбилиси слух, что Эльснер недостающие номера журнала «Золотое руно» приобрел отнюдь не законным образом: говорили, будто бы он прихватил эти номера еще в Ростове и заодно с «Орфеем» Лансере (имею в виду рисунок), тогда, во время совместных сборов.

Естественно, весь эльснеровский комплект «Золотого руна» в полнейшей сохранности перешел потом к К., точно так же, как и упомянутый рисунок. Я видел у К. полный комплект «Золотого руна», разумеется. Несомненно, тот самый, эльснеровский, составленный из того, что было у Кречетова и Лансере. Да, кому хотите

▲ **Константин Герасимов**

– тому и верьте. Это я о происхождении тбилисского комплекта «Золотого руна», о поиске Эльснером недостающих номеров.

Вообще тбилисские слухи – зачастую новости вполне серьезные, бывали они не раз еще и поточнее даже газетных сообщений. Конечно, их нельзя полностью принимать сразу на веру, но прислушиваться очень даже стоит.

А К., между прочим, никому, кажется, и не объяснял, откуда у него полный комплект «Золотого руна». При мне во всяком случае не объяснял. Вообще как настоящий собиратель он ненавидел вопрос «откуда?» Считал такого рода вопросы крайне бестактными и даже неприличными, совершенно хамскими.

Это только про рисунок «Орфей, разрываемый вакханками» К. сам говорил, что его подарил ему сам Эльснер, учитель его. А об остальном – ни гу-гу. Про происхождение полного комплекта «Золотого руна» упорно помалкивал. Но это молчание ничего не меняет.

Комплект «Золотого руна» мог попасть к К. только через Эльснера. Но это произошло потом, в 1964-м году.

Но вернемся покамест в Тбилиси, в который ранней весной 1920-го года бежали из оставленного белыми Ростова Владимир Эльснер и Евгений Лансере, поэт и художник, имитатор и истинный творец.

Каждый из них, между прочим, вез в Тбилиси свой экземпляр журнала «Орфей». Каждый потом, устроившись в Тбилиси, упрятал впоследствии белогвардейский журнал куда-нибудь в глубине книжной полки или в коробку с документами.

Не прошло и двух лет после появления Эльснера и Лансере в Тбилиси, как Грузия стала советской. Так что от большевиков убежать так и не удалось, что особо приятных эмоций у бывших сотрудников денкинского ОСВАГа никак не должно было пробуждать, хотя бы поначалу, однако, я думаю, что Владимир Юрьевич дрожал почти что уже до самого конца дней своих.

Хорошо было Лансере – он довольно-таки быстро, еще в Тбилиси, стал советским классиком (ему даже доверили придумать рисунок герба грузинской советской социалистической республики) и осмелел, тогда

как Эльснер настоящего признания в стране большевиков так никогда уже и не обрел и, как я понимаю, едва ли не до самого конца всегда чувствовал себя как бы полунелегалом.

Но возвращаемся к 1921-му году.

Эльснер сидел тихо-тихо, по окончании рабочего дня спешил домой и старался не покидать свою обитель, дабы не привлекать ничьего внимания. Только, как я уже говорил, он регулярнейшим образом посещал – никак не мог отказать себе в этом – тбилисские букинистические лавки, быстро проскальзывая в них незаметной, но явно дрожащей тенью.

Покупал не так уж и часто, как того хотелось ему, но постоянно заходил туда полюбоваться Брюсовым, Гумилевым, Ахматовой, Кузминым, Петром Потемкиным, своим приятелем и бывшим любовником, и еще многими другими стихотворцами Серебряного века. Смаковал разные поэтические сборнички, альманахи. И особенно радовался, переполнялся гордостью, ежели встречал четвертый том «Чтеца-декламатора» («Антология мировой поэзии»), выпущенный в свое время им самим.

Лансере же всюду вполне открыто появлялся, и он очень стал котироваться среди местных художников и среди новой партийной знати. И, наконец, он довольно скоро (в 1926-м году) сделался профессором Тбилисской академии художеств. С работой рисовальщика в этнографическом музее было раз и навсегда покончено. Он стал полноценным профессором. Мастером, учителем. Это известие настолько расстроило и рассердило Эльснера, что он вдруг решительно вышел из подполья и в главной партийной газете Грузии «Заря Востока» выступил со статьей, лично направленной против новоявленного профессора Лансере.

Эльснер в той статье писал, в частности, что у Лансере по-настоящему нет подражателей, нет и подлинных учеников, что он слишком мягок, что не дает студентам академии художеств всего того, что может и должен им дать и т.д. Это был форменный донос – иначе и не скажешь.

Лансере потом утверждал (осталась запись в его дневнике, не так давно опубликованном), что цель у Эльснера была самая подлая – отомстить и напакостить за то, что он (Лансере) пренебрегал им (Эльснером).

Что же тогда произошло? Отчего вдруг Эльснер так разобиделся? Думаю, дело в следующем.

Эльснер не мог никак пережить, что Лансере получил в советской Грузии достаточно высокий социальный статус, в то время, как он сам оставался там фактически на положении в высшей степени неясном и никакого официального признания так и не получил.

Впоследствии Эльснер вел литературную студию при газете «Молодой сталинец» и еще читал в консерватории курс марксистско-ленинской эстетики. О чем рассказывал студентам бывший белогвардейский зубр? Можно только предполагать.

Официального признания он так и не получил уже никогда. В утешение ему оставалась только кречетовская библиотека, вывезенная из Ростова. Он холил ее, лелеял и расширял постепенно. Для этого он рыскал едва ли не каждодневно по букинистическим лавкам и имел своих адептов на книжном черном рынке.

Потом он женился на петербургской, а вернее на ленинградской красавице Оленьке Верховской.

Но вот что исключительно важно сейчас для нас: где-то в 1944-1945-х годах появился в жизни Эльснера Константин Герасимов, ставший верным учеником, трепетным и безмерно увлеченным, насколько этот суховатый, неизменно спокойный, уравновешенный юноша мог быть увлечен...

Ефим КУРГАНОВ

«ПОД СВЯТЫМ И МУДРЫМ БОЖЬИМ ОКОМ...»

Год назад ушла из жизни драматург, поэт Инга Гаручава, и вместе с ней – «обрывки видений и снов», «осеннее солнце», «прогретые озябшие спины», «сверкавшие радугой водопады», «дрожание воды и облаков». Словом, целый мир любви, в котором все ей были сестры и братья, в котором она «во сне, как наяву летала», «раскинув руки для объятий». Я просто не знаю более светлого, духовного и несущего добро человека, чем Инга Гаручава. Она обладала ясным умом и удивительной способностью внимать собеседнику, не упуская ни одной детали исповеди, откликаясь всей душой. Поражали ее глаза – на редкость выразительные и излучающие тепло. «Погружаясь» в них, собеседник обретал покой и легкость. Потому что Инге дано было знание, выраженное в стихотворных строках: «Под святым и мудрым Божьим оком все равны и все прекрасны дети, и деревья, наливаясь соком, Божье имя шепчут на рассвете! Если б оказалось все возможным, то, что было нам дано когда-то, мир велик, и слово непреложно, Истина для всех проста и свята!»

Находиться в доме Инги Гаручава и ее любимого мужа, верного друга и соавтора Петра Хотяновского, наслаждаться их гостеприимством и рассказами было невероятным счастьем! Я по сей день слышу мягкий, приятного тембра, словно обволакивающий голос Инги, повествующий о том, как, «из какого сора» родилась та или иная пьеса или сценарий. Для нее акт рождения художественного произведения был каким-то особенным, во всяком случае, не случайным явлением. «Процесс творчества – акт мистический!» - так всегда считали Инга Гаручава и Петр Хотяновский.

Хотя сначала Инга даже не думала о профессии драматурга. «Училась у Алексея Дмитриевича Попова – это был его последний курс, который он не успел довести до конца. Доводила Мария Осиповна Кнебель, - вспоминала Инга. - На первом курсе мы получили задание – зафиксировать на бумаге свои наблюдения над жизнью: что интересного увидели на улице, в магазине, на вокзале – где угодно! У меня сохранилась книжка с записями, на которой рукой Алексея Дмитриевича написано: «Отлично!» А дальше идут такие слова: «Но, может быть, мы будем писателем?» Но быть писателем я не собиралась, так как очень любила свою профессию режиссера. Я чувствовала, что любима Алексеем Дмитриевичем. А от этого обычно вырастают крылья, и ты готова, находясь в состоянии полета, придумывать самые невероятные вещи. Алексей Дмитриевич дал мне очень много, я была исполнителем его представлений о режиссуре. Он был просто гений – и как педагог, и как режиссер, и как человек!

▲ Инга Гаручава

Вспоминаю его с неизменной любовью и нежностью. На третьем курсе в учебном театре мы первыми поставили «Коллег» Василия Аксенова. Я сделала инсценировку, по которой наш курс поставил спектакль. Помню, с этой инсценировкой ходила к Аксенову, чтобы получить разрешение. Тогда я не считала, что это работа литературная. В спектакле я играла Инну – главную героиню «Коллег». Ведь одним из главных предметов на нашем факультете было актерское мастерство. Что касается Пети, то я замечала, что он очень интересно рассказывает и при этом фантазирует. И посоветовала ему писать... С первой же работы мы договорились, что каждый пишет свою сцену, а затем мы сводили все вместе».

Инга Гаручава прожила очень интересную, счастливую жизнь, наполненную яркими впечатлениями, творческими радостями, встречами и любовью. Но она всегда чувствовала, что земная жизнь коротка. Что многого просто не успеть. Из этого ощущения быстротечности жизни родились пронзительные строки: «Дай мне пожить, я еще не жила, дай мне напиться, воды не пила. Дай полюбить, я ненужных любила. Дай мне единожды слово найти, чтобы была в нем великая сила, чтобы людей от земли возносила, чтобы спасенье давала в пути. Белый цвет вишен, белый, белый. Черный край пруда, черный, черный. Песню подберу, как цветок сорный. Душу я соединю с телом. Все смогу теперь, все сумею. Жалость какая!.. Не успею».

Но Инга Гаручава – женщина с душой ребенка – успела многое... Кроме стихов, она оставила нам своим пьесы, написанные в соавторстве с Петром Хотяновским.

Они вошли в литературу в 70-е годы прошлого века. Близкие к плееде «поствампировцев» или, иначе, «новой волне»: Л.Петрушевская, В.Арро, В.Славкин, А.Галин, А.Казанцев, А.Соколова, С.Злотников, Л.Разумовская и др., Инга Гаручава и Петр Хотяновский выступили в конце XX-начале XXI вв. с новыми темами и идеями. С точ-

▲ Инга Гаручава и Петр Хотяновский

ки зрения формы или структуры большинство их пьес можно отнести к традиционной русской реалистической психологической драматургии, в то же время они остро современны: авторы живо реагируют на перемены в общественном сознании.

И.Гаручава и П.Хотяновского всегда особенно волновала нравственная проблематика, она была всегда во главе угла их пьес. В конце XX-начале XXI века, с крушением старых идеалов, с утверждением новой системы ценностей, драматурги в своих пьесах стали еще более настойчиво напоминать о вечном, нетленном, о том, что является основой существования человеческого общества – в противовес миру чистогана, бездуховности, когда утрачиваются нравственные ориентиры и происходит распад человеческой личности. При этом нередко драматурги обращаются к элементам мистики. Однако она не имеет самодовлеющего значения – это лишь форма, через которую выражены глубокие размышления о человеческой душе, о земном пути, который проходит человечество, о том, для чего мы являемся в сей мир.

«Драма 90-х гг. вывела на сцену представителя нового поколения, которое выросло в сложный период переоценки ценностей, когда советская идеология себя изжила, а новая действительность еще не успела выработать своих «рецептов». Драматурги активно ориентируются на экзистенциальную проблематику, тесно связывая ее с социальной, поэтому философия существования «социально-экзистенциального героя» выражена в поисках не столько смысла жизни, сколько в стремлении справиться с бременем своей судьбы, преодолевая страх, одиночество и заброшенность», - пишет С.Я. Гончарова-Грабовская в своем исследовании «Модель героя в русской драматургии».

В этом смысле очень показательна пьеса И.Гаручава и П.Хотяновского «Мистификатор», которая была поставлена на сцене театра имени А.С. Грибоедова в 1999 году режиссером Давидом Мгебришвили. В том же 1999-м на всемирном конкурсе радиопьес BBC она получила приз как лучшая пьеса. Была поставлена в театрах Петербурга, Норильска. Режиссер Александр Исаков обратился к «Мистификатору» дважды: «Эта пьеса написана давно, - рассказал он в интервью газете «Заполярная правда». - Но из того, что я прочитал за последние годы (а читал я много, в том числе и современных пьес), она кажется наиболее сильной, интересной и притом может уже быть отнесена к классике, потому что вскрывает вечные проблемы. Вопрос выбора».

Носителем нравственных, христианских ценностей выступает в пьесе некий Спут – загадочный герой «неземного» происхождения, выступающий в качестве спа-

сителя душ двух молодых людей. Правда, спасение осуществляется парадоксальным образом: Спут предлагает «обыкновенному» грешнику Георгу и его женщине Ирме убить себя (то есть, Спута!) в обмен за выигрышный лотерейный билет, который принесет миллион долларов.

В пьесе подчеркивается, что найти сегодня людей, способных совершить убийство ради денег, несложно. Авторы словно специально, принципиально усиливают этот момент – зло, по их мнению, настолько тотально, что им как заразой поражено практически все человечество. «Если б я знал, что моя просьба вызовет столько споров, я бы нашел других людей. Сейчас это очень не трудно, - говорит Спут. - В газете писали про человека, который зарезал трех людей, чтобы украсть два кольца, магнитофон и немного денег». Георг тоже не устоял перед искушением – он совершает убийство ради богатства. Казалось бы, аксиома о продажной сущности человеческой подтвердилась в очередной раз. Однако не все так просто: встреча со Спутом буквально преобразует Георга. Он даже пытается продолжить дело Мистификатора, предлагая Доктору ту же дилемму, что когда-то предложил ему Спут... Однако фокус с лотерейным билетом на этот раз не срывается. Но и Георг уже никогда не будет прежним. «Зло рождает зло... Пожелайте добра... Любите, любите... вас услышат!» - твердит он «обыкновенным» грешникам, каким недавно был сам.

Зло порождает зло – эта тема развивается и в пьесе «Капитолийская волчица». Героиня пьесы – Актриса – стоит перед судом совести. Только в этот раз ей является не некий ангел-искуситель, но – беспощадный обличитель. Своего рода Каменный властелин. При этом героем захлестывается игровая, театральная стихия. Постоянно меняются роли. Герои выражаются подчеркнута театралью, местами – даже пафосно. Герои – это то Продавец и Покупатель, то Мать и Сын, то Жертва и ее Убийца, то Актриса и Драматург. В этой головокружительной игре, изнурительной борьбе двоих происходит освобождение, очищение, катарсис. И Актрисе открывается правда о самой себе: «Я актриса. Я могу говорить на сто голосов... Но в этой сотне голосов иногда теряется голос собственной совести». Все, что человек делает на протяжении своей жизни, обязательно возвращается к нему. В этом И.Гаручава и П.Хотяновский уверены. Уверены они и в том, что каждому человеку дан шанс осознать свои ошибки. Осознать, остановиться и обрести мудрость. Как это и происходит с Актрисой. Ее непростой жизненный опыт, ее, прямо скажем, не совсем праведный путь к успеху, а, главное, обретение своего «я» помогают ей приблизиться к вершинной для нее роли – роли Капитолийской волчицы, которую Актрисе предлагают сыграть. Монологом Капитолийской волчицы и завершается пьеса: «Плохо быть старой, плохо быть мудрой... Ползи, ползи, волчица. Вот она, вершина холма. Светло, как днем. Спасибо, луна...»

Обретение себя через страдания и потери – эта любимая драматургами тема отчетливо звучит и в пьесе «Бумажное сердце». По ней на канале «Культура» был снят очень успешный телевизионный фильм с прекрасными актерскими работами Аристарха Ливанова и Елены Сафоновой (режиссеры Валерий Кремнев и Изумруд Кулиева). Позднее режиссер Гига Лордкипанидзе снял по этой пьесе фильм, в котором главную роль сыграла грузинская оперная звезда Ладо Атанели. В пьесе И.Гаручава и П.Хотяновского вновь показана артистическая среда – мотив, вообще близкий драматургам. Они с удовольствием воссоздают «царство шутов, лицедеев, балаганщиков» - этот мир сверхэмоциональных, чуть взбалмошных, амбициозных людей, преданных сцене, мечтающих об успехе и аплодисментах, совершающих

ошибки и кающихся. Герой «Бумажного сердца» жил, как говорят, «на всю катушку». «А что я творил на сцене! – вспоминает он на пороге смерти. - На сцене я совсем себя не щадил. В любой, даже самой маленькой роли выкладывался до конца. По-честному. Пока однажды, в кулисах сердце не остановилось. Неожиданно стало, и все. Я ничего не успел почувствовать. Ни боли, ни страха... Это была плата. Плата за аплодисменты, роли, звания. Плата за успех».

В пьесе «Завтрак для императора» драматурги вновь изображают ненавидимый ими мир тотального насилия и торжества «шуршиков» (так героиня пьесы Елизавета называет всемогущего золотого тельца). От него не скрыться даже в психиатрической больнице, где в силу обстоятельств находятся персонажи пьесы. Иллюзорный мир, который пытаются выстроить Елизавета и «Наполеон» (он же актер Лука), не может спасти их от агрессивной реальности.

Тем не менее «Наполеон» верит в существование какой-то утопической страны, где царит добро и справедливость: «Мы все можем заново родиться в стране, где нет убийств, нет насилия, где шуршание шуршиков не заглушает человеческого голоса...». Волею авторов происходит чудо: фантазия воплощается в реальность. Правда, для этого нужно приложить усилие – всем вместе «надавить на решетку», разрушить «тюрьму». Герои делают это усилие – решетки падают, и перед ними открывается рай: «За окном, в ярких лучах солнца шелестит зелень сада, а между деревьев, маятником качается детская люлька». Здесь вновь прочитываются христианские мотивы: рождение младенца. С рождением младенца должен преобразиться человеческий мир.

Как отмечает С.Я. Гончарова-Грабовская, центральное место в структуре художественного пространства современной драмы занимает Дом-квартира – среда обитания, в которой герои вынуждены находиться. С одной стороны, Дом олицетворяет порядок, гармонию, красоту – целый комплекс устойчивых семантических мотивов, предметно-образных ориентиров, воссоздающих определенное мифопоэтическое пространство, в котором живут герои, с другой – он свидетельствует об их социальном статусе и представляет их жизненную опору, нравственные и эстетические качества, духовность. В то же время Дом может олицетворять хаос, развал, как определяющий признак неустроенности человека в этом мире.

Как известно, на протяжении XX века образ Дома менялся, отражая изменения, происходящие в обществе. В начале века исчезает русская усадьба и остаются только воспоминания о вишневом саде и дамах в белых платьях. Чеховское дворянское гнездо превращается в усадьбу-дачу, ностальгия по которой ярко проявится в русской драматургии конца века в качестве синдрома уходящих ценностей. Дворянско-усадебный космос сменяется в советской России замкнутым пространством квартиры, которое постепенно суживается до коммуналки или дачного дома.

В пьесе «Прощеное воскресенье» оставленный, брошенный дом, в который возвращается героиня, прежде чем навсегда его покинуть, – почти живое существо. Хозяйка по имени Саломея (ее замечательно сыграла Гуранда Габуния), вернувшаяся сюда спустя год, ведет с ним долгую беседу. И дом отвечает ей разнообразными звуками. Он воплощает в себе высшие духовные ценности. «Я думаю, все дело в четырех камнях, – размышляет Саломея. - В четырех огромных камнях, которые мой прапрадед зарыл глубоко в землю, поставил на них четыре столба, а сверху построил тебя, домик. Прапрадед дал этим камням имена. - Первый камень, на котором

стоит дом, это любовь, – говорил он. - Второй камень, на котором стоит дом, – это любовь. - Третий камень, без которого не может стоять дом – это любовь. И четвертый камень – любовь! Он говорил: - Если под домом лежит хоть один камень, который называется иначе, дом обязательно рухнет».

В образной структуре драматургии И.Гаручава и П.Хотяновского много знаковых элементов, символов. Развернутая метафора – в монопьесе «Фрак для Нобеля». Герой пьесы – Иосиф Бродский – на протяжении всего действия обращается к Фраку. На живом диалоге Жанны Д'Арк и Костра выстроена одноименная пьеса драматургов, жанр которой они определяют как фантазмагория. Неодушевленный предмет – Костер – обретает плоть и кровь и вступает в активное взаимодействие с героиней.

А в фантазмагории о Сталине «Полет черной ласточки» (спектакль по этой пьесе шел на сцене московского «Современника») такой метафорой становится шинель вождя всех времен и народов. В начале марта 1953 года (перед самой смертью генералиссимуса) над ближней дачей Сталина разверзлась дыра, остановившая течение земного времени. В последние часы отец народов должен подвести итог своей жизни: раскататься в совершенных им поступках и сделать то, что не успел. Он решает жениться на женщине, которую давно любил, и шить новую шинель. Воспользовавшись этим, соратники собираются пришить к шинели пуговицы из урана. В последние часы Сталина окружают: женщина вождя, портной, специально выванный из лагеря, сельский батюшка (вождь решил венчаться по православному обряду), майор спецслужб и хор цыган.

И.Гаручава и П.Хотяновский предлагают порой самые неожиданные, невероятные сюжетные ходы, их фантазия не знает границ. Они смело разрушают каноны жанров, границы между реальным и ирреальным, фантастическим. Из каких-то мистических совпадений, встреч, видений, знаков часто и рождаются их пьесы.

Так появилась пьеса «Мистификатор». «Мы поехали отмечать серебряную свадьбу в Киев – по традиции в этом городе мы празднуем все даты, связанные с нашим браком. Мы оказались запертыми дурной погодой в чудесной гостинице Украинского ЦК. Будущий герой пьесы Спут – он и есть Мистификатор – появился ниоткуда. «Произнес» какой-то пустячный монолог и не отпустил нас два дня, пока мы не записали под его «диктовку» первый акт. Потом он исчез на несколько лет и вернулся с известием, что БиБиСи объявило всемирный конкурс радиопьес. «Это знак!» - решили мы. Быстро сделали радио- и театральные варианты пьесы «Мистификатор», отослали ее на конкурс в Лондон и в театры», - вспоминала Инга.

По мнению же П.Хотяновского, «творчество без мистики, это, выражаясь современным языком – «жесть». Мистика – часть нашей реальной жизни. Часто сталкиваясь с этим в быту, мы восклицаем: «Мистика!», но не осознаем того, что случившееся действительно мистично. Настоящее творчество мистично по своей природе. «Слышавший да услышит. Видящий да увидит»... Мы больше получаем извне, чем выдаем «из себя». И этот момент инспирации – совершенно мистический. К примеру, как-то за утренним кофе Инга говорит мне: «Наша следующая пьеса будет называться «Фрак для Нобеля!» И спрашивает: «Как ты думаешь, о чем будет пьеса?» Ни на секунду не задумываясь, я отвечаю: «Это будет пьеса-монолог Иосифа Бродского за час до вручения ему Нобелевской премии».

Инна БЕЗИРГАНОВА

ВЫСТАВКА ЭКСЛИБРИСОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РЕНЭ ШМЕРЛИНГ

В выставочном зале Центра грузинского искусства им. Г.Чубинашвили «Ars Georgica» прошла выставка экслибрисов. Выставка, посвященная 110-летию со дня рождения известных грузинских художников-графиков Владимира (Ладо) Григолиа и Николая Чернышкова, представила коллекцию экслибрисов, собранных Ренэ Шмерлинг, а также хранящиеся в ее архиве миниатюрные гравюры и несколько образцов станковой графики.

▲ Ренэ Шмерлинг

Ренэ Шмерлинг (1901-1967) – грузинский ученый, выдающийся исследователь искусства, искусствовед и художник, родилась и жила в Тбилиси. Она изучала орнаменты грузинского средневекового зодчества, скульптуру, художественное оформление книг, а также современное искусство. Ренэ Шмерлинг получила разностороннее образование и сфера ее интересов была довольно широка. Отец ее, Оскар Шмерлинг (1863-1938), основоположник грузинской карикатуры, иллюстратор множества книг, знаток ныне ставшего достоянием истории быта старого Тбилиси, отображенного им в нескольких десятках открыток, занимает видное место в истории грузинского искусства. Продолжательница семейной творческой традиции Ренэ Шмерлинг с увлечением работала и в области живописи, оставила богатое наследие, которое, несомненно, нуждается в изучении и оценке.

Экслибрис (от лат. «из книг»), или персональный знак владельца книги издревле считается одним из важных показателей культурного уровня нации. Представляет собой миниатюрную композицию, выполненную техникой гравюры. Экслибрис считается краеугольным камнем мышления художника-графика. Изображение малого объема, автор которого с помощью минимальных деталей достигает максимальной выразительности и одновременно передает богатую информацию о личности владельца книги, о его профессиональных и личных интересах или о его хобби. На экслибрисе может быть изображена какая-либо эмблема, символ, иногда – портрет автора, иногда – декоративная композиция из шрифта и орнамента. Экслибрис помещают преимущественно на внутренней стороне обложки, на форзаце, в верхнем левом углу. Родина экслибриса Германия. Первым его образцом считается книжный знак рыцаря Бернгардта фон

Рорбаха (1460). В XVI веке в этом виде графики работали такие известные мастера искусства, как Альбрехт Дюрер, Ханс Гольштейн и Лукас Кранах.

Параллельно с гравированными экслибрисами в XVI-XVII веках в Италии и Франции появляются на обложках тисненые знаки собственности – в основном в виде герба, либо декоративные композиции имени и фамилии владельца книги. Такие знаки получили название суперэкслибрисов.

В Грузии экслибрис впервые встречается именно в виде суперэкслибриса на рукописных и печатных книгах каллиграфа Николоза Чачикашвили (XVIII век). Изображения на бумаге появляются с конца XIX века и фигурируют на протяжении всего XX века.

Экслибрис, как уникальный образец искусства сразу же привлек к себе внимание коллекционеров. Его собирали библиофилы и библиографы, художники, историки искусства, букинисты. В Европе уже в XVIII-XIX вв. возникли первые большие коллекции. С начала же XX в. экслибрисы собирали русские коллекционеры У.Иваски, В.Трутовский, В.Савонко, Э.Розенблат и др.

Коллекционеры были тесно связаны друг с другом и с художниками, которые работали в этой сфере, заказывали им экслибрисы, если же кто-то из них оказывался владельцем нескольких экземпляров одного и того же экслибриса, обменивались ими, а также устраивали выставки своих коллекций.

Расширение деятельности коллекционеров в XIX веке привело к основанию нескольких обществ экслибристов. Этому содействовали и объединения любителей книг. Экслибрис стал бурно развиваться, началось его изучение, систематизация и популяризация. Укрепились связи художников и коллекционеров. В итоге в 1967 году была

основана Международная ассоциация экслибрисистов, представители различных стран имели контакт с этой ассоциацией, с ней сотрудничал и грузинский художник и коллекционер Ладо Цилосани.

В 20-30-е годы XX века в Грузии подобные объединения еще не существуют. Однако вокруг художников Иосифа Шарлеманя и Евгения Лансере в Тбилисской Академии художеств концентрируется группа художников-графиков, работающих в сфере экслибриса, вместе с ними работали и студенты. По инициативе графиков-профессионалов студенты создают миниатюрные гравюры-экслибрисы. 30-е годы можно считать порой расцвета грузинского экслибриса. Одновременно начинается собирание коллекций.

Известный архитектор и художник Владимир (Ладо) Цилосани собрал одну из самых больших коллекций экслибриса в Грузии. Он и сам активно работал в этой области, известны десятки образцов выполненных им книжных знаков. Благодаря постоянной переписке с крупными коллекционерами европейских социалистических стран и республик Советского Союза, а также личным контактам коллекция Цилосани непрерывно пополнялась и обогащалась новыми экспонатами. Представителем этого поколения любителей экслибриса была и Ренэ Шмерлинг. По всей вероятности, основная часть ее коллекции сформировалась именно в 30-е годы.

Коллекцию Ренэ Шмерлинг составляют уникальные образцы грузинских, армянских, а также русских и европейских образцов экслибрисов, всего 232 экземпляра. Некоторые экслибрисы представлены в двух-трех экземплярах.

Заслуживают внимания находящиеся в этой коллекции работы Николая Чернышкова – 18 миниатюрных рисунков, книжные заставки, концовки, композиции, исполненные в карандаше и ксилографии, а также 20 гравюр графики.

В коллекцию входят выполненные углем портрет Якова Николадзе (типографский оттиск) и небольшого размера композиция с изображением цветка. Установить автора этих двух работ не удалось.

По уникальности экспонатов значение коллекции Ренэ Шмерлинг бесспорно велико. Здесь собраны экслибрисы XIX и первой половины XX веков, абсолютное большинство которых ныне признано раритетом.

Уникален хранящийся в коллекции грузинский материал. Он, в основном, относится к периоду наивысшего расцвета грузинского экслибриса. Выделяются экслибрисы Ладо Григолия и Давида Цицишвили. В 1934-35 годах они были экспонированы на Международных выставках в Лос-Анджелесе и премированы: экслибрис Ладо Григолия, сделанный им для собственной библиотеки, получил золотую медаль и почетный диплом в 1934 году, а в 1935 г. экслибрис Давида Цицишвили, сделанный для Георгия Ниорадзе, был отмечен серебряной медалью. В коллекции хранятся также работы других художников, участников этой выставки-конкурса: Ладо Гудиашвили, Рубена Лорис-Меликова, Гиго Шарбабчяна, Назик Терьян, Павла Бусырева, Павла Кузаяна, Владимира Цилосани. Огромное значение в истории развития экслибриса имеет работа Ирины Грабовской, созданная для инженера Л.Луценко (1928), которая считается первым экслибрисом на космическую тему. Здесь же представлены книжные знаки Ш.Думбадзе, Г.Лежава, И.Тимофеева и уникальный экслибрис для Библиотеки Тбилисского Государственного университета им. Ив. Джавахишвили, созданный в первые же годы его основания – 1918-1920 гг. художником Н.Северовым.

В коллекцию входят и избранные образцы русских экслибрисов. Здесь представлены экслибрисы второй половины XIX века и 10-30 гг. XX века: гербовые книжные знаки императора Николая II – два экслибриса, созданные в 1907-1910 гг. А.Э. Фелькерзамом, Светлейшего Князя, генерала от инфантерии, археолога Семена Воронцова (1823-1882), Великого Князя Михаила Романова (1832-1909), барона Давида Гицбурга (1857-1910), выполненный художницей Е.М. Бем (1844-1914), экслибрис графа С.Д. Шереметева (1844-1918) и др.

Лучшие образцы книжных знаков библиофилов, библиографов, писателей, ученых, людей различных профессий выполнены известными художниками объединения «Мир искусства» - А.Бенуа, К.Сомовым, Г.Нарбутом. Кроме экслибрисов конкретных лиц, здесь хранятся книжные знаки различных обществ и известных библиотек: библиотеки Российского Геологического общества (1897), книжный знак Царско-сельской библиотеки (вторая половина XIX в.), книжный знак библиотеки Гербового отделения департамента Сената (1910 гг., художник Г.Нарбут), экслибрис коммат Мраморного дворца (1915), экслибрис библиотеки Петербургского государственного издательства (1920 г., художник С.П. Иванов), книжный знак Петербургского общества экс-

▲ На открытии выставки

либристов (художник А.М. Литвиненко), экслибрис московского торгового магазина книг (1930 г.) и другие.

В коллекцию входят и такие экслибрисы, чьи авторы, владельцы, место и время выполнения до сих пор остались неизвестными. Но несомненно, что историческое, художественное и культурное значение наследия, собранного и сохраненного Ренэ Шмерлинг велико, изучение его продолжится и в будущем будут идентифицированы неизвестные образцы.

Помимо художественной ценности и функционального назначения, экслибрис хранит и историю существования книги, вместе с тем помогает исследователям в восстановлении исчезнувших библиотек. Одно из важнейших его свойств состоит в том, что он отражает как личную судьбу владельца, так и в общем изменяемость человеческих интересов. История развития экслибриса зачастую отражает историко-культурные и политические процессы происходящие в стране. Это можно сказать и о грузинском экслибрисе. Почти все крупные коллекции грузинского экслибриса стали жертвами происшедших в Грузии исторических явлений. Они либо расплынены, либо уничтожены.

После смерти В.Цилосани (1971), группа художников, работавших над экслибрисами сконцентрировалась вокруг коллекционера Бориса Поляка. Их деятельность имела серьезную поддержку Грузинского общества любителей книги имени Ильи Чавчавадзе. С помощью этой организации в 1976 году была организована секция экслибриса, руководство которой поручили Борису Поляку. Борис Поляк в сотрудничестве с художницей Ириной Туманишвили активно продолжал начатое В.Цилосани дело. Однако в 90-е годы Б.Поляк переезжает в Израиль и забирает с собой свою коллекцию. Супруга В.Цилосани, Изабелла Цилосани, после смерти мужа передала его коллекцию Музею искусств Грузии, но еще раньше грузинская часть коллекции была утеряна. Коллекция содержит несколько сотен экземпляров, в основном из стран Восточной Европы, Прибалтики и России. К сожалению, не удается восстановить судьбу коллекции Давида Цицишвили.

Уникальная коллекция грузинских книжных знаков имела у Общества любителей книги имени Ильи Чавчавадзе. Это в ее пределах работала вышеупомянутая секция экслибриса. Однако и коллекция Общества стала жертвой исторических событий – она пропала во время тбилисской войны на рубеже 1991-1992 годов. На фоне этих событий коллекция Ренэ Шмерлинг приобретает особо важное значение.

Условием существования и распространения экслибриса является его тиражирование. Поэтому «классический экслибрис» традиционно осуществлялся в технике ксилографии, цинкографии, литографии, линогравюры и т.д. Современные цифровые технологии отдалили «классический экслибрис» от процесса гравирования. Правда, техника производства упростилась, но оттиск уже стал не равноценен оригиналу. Соответственно уменьшается и его художественная ценность.

На этом фоне еще более значительным представляется ознакомление грузинской общественности с уникальной коллекцией экслибрисов Ренэ Шмерлинг.

Мариам ГАЧЕЧИПАДЗЕ
Перевод Камиллы-Мариам Коринтэли

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

ბობონ

Shikhvi

Dry White Wine
2006

Alc 11.5% Vol

PRODUCT OF GEORGIA

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

1512-2972